М. МУРАТОВ

ПЕРВЫЕ РАЗВЕДЧИКИ ВЕЛИКОГО ПУТИ

ДЕТГИЗ 1950

3

В ПОИСКАХ НОВЫХ МОРСКИХ ПУТЕЙ

В 1525 году прибыл в Рим посол от великого князя Московского Василия Ивановича. Итальянцы с любопытством смотрели на длинные, широкополые одежды посла, сшитые из золотой парчи, и на его необыкновенно высокую шапку из собольего меха.

О русских людях, или московитах, как их чаще называли, в Италии не знали почти ничего и рассказывали много басен. Поэтому все были немало удивлены, когда оказалось, что русский посол Дмитрий Герасимов, уже не раз побывавший в Западной Европе с дипломатическими поручениями, свободно владеет латинским языком, говорит по-немецки и достаточно хорошо образован.

— У него спокойный и восприимчивый к учению ум, — сказал один из итальянцев, который много беседовал с Дмитрием Герасимовым.

К русскому послу приставили несколько итальянцев, которые должны были всюду сопровождать его и показывать Рим. Один из них, Павел Иовий Новокомский, как подписывался он, когда писал на латинском языке, или Паоло Джовио из города Новое Комо, как называли его обычно, постоянно расспрашивал посла о русской земле.

Дмитрий Герасимов оказался живым и остроумным собеседником. Он охотно рассказывал о Москве, о степях и лесах своей родины, описывал зверей и птиц, которые там живут, перечислял важнейшие реки и называл народы, подвластные великому князю. Павел Иовий стал составлять с его слов описание Московского государства.

Слушая рассказы посла о севере Русской земли, Павел Иовий записал:

«Достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет огромное протяжение. По весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».

Потом описание, составленное Павлом Йовием, было напечатано на латинском языке.

Географы в разных странах с большим интересом прочитали этот небольшой, но очень содержательный рассказ о Московском государстве. Особенное внимание они обратили на ту новую мысль, которую высказал Дмитрий Герасимов: предположение, что, идя на корабле по Ледовитому океану к востоку, можно в конце концов дойти до Китайской земли.

В те годы мореплавание имело особенно большое значение. Все видели, как выросло могущество Испании после открытия Америки и как разбогатела Португалия, когда португальцы дошли на своих кораблях до Индии и укрепились в этой стране. К востоку от Индии лежала богатая Китайская земля, с которой можно было начать выгодную торговлю. Португальцы стали торговать с Китаем через Индию.

В Англии и Голландии скопилось в это время много товаров. Но испанцы и португальцы, захватив торговлю с южными странами, держали в своих руках морские пути к Америке и к Индии. Англичане и голландцы не могли торговать и с Китаем, потому что испанцы перехватывали их корабли на южных морских путях. Поэтому мысль о том, что можно попытаться дойти до Китая, а затем и до Индии с севера через Ледовитый океан, стала занимать умы не только ученых-географов, но и моряков и купцов.

Английские купцы, мечтавшие о больших прибылях в новых землях, основали «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран и земель, неведомых и доселе морским путем не посещаемых».

В мае 1553 года вышли из устья Темзы и направились к северу три небольших английских корабля: «Добрая Надежда», «Доброе доверие» и «Эдуард — удачное предприятие».

КАРТА ПЛАВАНИЙ ВИЛЛОУБИ И БАРЕНЦА.

Начальником экспедиции был Хью Виллоуби, а главным штурманом Ричард Ченслор, капитан корабля «Эдуард — удачное предприятие». Корабли должны были обогнуть Скандинавский полуостров и итти на восток по Ледовитому океану вдоль берегов Русской земли, чтобы в конце концов дойти до Китая.

— Это начинание, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, которую восточная и западная Индии принесли императору Карлу Пятому и королю Португалии, — говорили английские купцы, отправляя экспедицию.

Эти надежды не осуществились. Буря разбросала в разные стороны английские корабли у северного берега Норвегии. В конце августа корабль «Эдуард — удачное предприятие» обогнул Кольский полуостров и вошел в Белое море. Вблизи устья Северной Двины англичане увидели лодку с русскими рыбаками. От них они узнали, что пришли к берегу Русской земли.

Капитан Ричард Ченслор понял, что нет надежды дойти в это лето до Китая. Он решил перезимовать в Московском государстве и выяснить, не могут ли англичане сбывать здесь свои товары. Он побывал в Москве и был принят Иваном Грозным. На следующее лето Ченслор вернулся в Англию, чтобы сообщить о позволении посылать к устью Северной Двины торговые корабли, которое дал русский царь.

А два других английских корабля прошли мимо Белого моря и дошли до какого-то большого острова, повидимому Новой Земли. Видя, что наступает осень, Виллоуби пошел назад, но вынужден был зазимовать у голого и безлюдного берега Кольского полуострова. Зимой Виллоуби умер от холода и голода вместе со всей командой обоих кораблей.

Так закончилась первая попытка найти морской путь в Китай через Ледовитый океан. Английские корабли не смогли войти даже в Карское море.

Потом англичане еще два-три раза пытались пройти на восток вдоль берега Ледовитого океана. Но им даже не удалось дойти до берегов Сибири. Однако, когда в 1580 году Артур Пит и Чарлз Джекман дошли до южного берега Карского моря, приблизившись к полуострову Ямал, многие сочли это большим достижением.

В это время о берегах Ледовитого океана знали так мало, что многие думали, будто сто́ит пересечь море, лежащее за Новой Землей, и обойти Ямал, чтобы попасть в обширный залив, куда впадают реки, текущие из Китая. А обогнув «мыс Табин», который будто бы находился за этим заливом, можно подойти морем прямо к берегу Китайской земли.

Старинное русское судно.
С гравюры XVII века.

— Плавание в Китай северо-восточным проходом весьма удобно и легко, — утверждал известный географ Меркатор.

И хотя Пит и Джекман даже не попытались обогнуть полуостров Ямал, Меркатор писал, что они повернули назад, когда, вероятно, было уже недалеко до Китая.

В Ледовитом океане английские мореплаватели встречали суда русских рыбаков-поморов. В то время эти суда — кочи — были еще, в сущности, большими лодками с одной мачтой и плоским дном. Но русские люди уходили на них в далекие плавания, промышляя рыбу и морского зверя — моржей и тюленей.

На своих кочах поморы плавали по Карскому морю задолго до того, как туда вошли английские корабли.

Поморы не только часто бывали на берегах Новой Земли, но огибали и полуостров Ямал. Еще чаще они перебирались через него по рекам и озерам, перетаскивая суда волоком в тех местах, где надо было переходить сушей из одной речки в другую. А потом плыли по Обской губе и поднимались по Оби, выменивая у сибирских народов меха на топоры, ножи и разные мелкие товары.

Никто из этих поморов, уходивших так далеко на восток по Ледовитому океану, не слыхал ничего о мысе Табин. Од-

нако ученые-географы в Западной Европе попрежнему продолжали вычерчивать карты, изображая за заливом, в который впадает Обь, «мыс Табин». За ним берег на этих картах поворачивал к югу и начиналась Китайская земля.

Английские купцы как бы безмолвно признали свою неудачу и перестали посылать в Ледовитый океан корабли с товарами для Китая. Но их попытки возобновили голландские купцы, которые соперничали с английскими в погоне за наживой.

Три богатых голландских купца задумали послать товары в Китай через Ледовитый океан. Правительство Голландии отпустило необходимые средства на снаряжение двух кораблей. А городское управление Амстердама постановило, со своей стороны, снарядить корабль, который назвали именем древнего бога торговли «Меркурием».

Капитаном «Меркурия» назначили Виллема Баренца. Он был очень опытным и знающим моряком, выдвинувшимся из среды простых, небогатых людей. У Баренца уже начала седеть борода, однако он взялся за дело с такой горячностью, как будто был юношей.

В конце мая 1594 года голландские корабли отплыли из Амстердама. А в начале июля впереди показался низкий берег Новой Земли.

У Виллема Баренца был свой тщательно обдуманный план плавания. Баренц предполагал, что вдали от берегов меньше льдов, чем около материка. Поэтому он решил обойти на своем корабле с севера остров Новая Земля и, направившись затем на восток, пересечь море, находящееся за этим островом. А два других корабля пошли в Карское море прямо через пролив Югорский Шар, между островом Вайгач и берегом материка.

Виллем Баренц долго плыл к северу вдоль западного берега Новой Земли. Голландцы впервые увидели белых медведей, которые поразили их своей величиной и силой.

Однажды на охоте чуть не погиб сам Баренц. Охваченный петлей веревки, раненый белый медведь положил лапу на борт лодки.

— Он хочет отдохнуть, — сказал Баренц.

Но медведь навалился всей своей тяжестью на борт лодки, и она не перевернулась только по счастливой случайности.

Охота на белого медведя.

...та де-Фера «Правдивое описание трех морских путешествий к ...еру от Норвегии, Москвы и Татарии в Китай». Амстердам, 1598 год.

В другой раз на одном небольшом островке увидели «морских чудовищ» — моржей. Матросы напали на них с топорами и копьями, но поломали оружие о их твердую, толстую кожу, не сумев убить ни одного моржа.

В это плавание удалось нанести на карту значительную часть западного берега Новой Земли. Но когда к началу августа дошли до северного края этого острова, среди команды начался ропот: люди хотели непременно вернуться домой к началу зимы. Баренц скрепя сердце вынужден был уступить.

А два корабля, прошедшие через пролив между Новой Землей и Вайгачем, вошли в Карское море. Они дошли только до тех мест около устья Кары, где за четырнадцать лет

до того побывали Пит и Джекман. Но, вернувшись на родину, капитаны голландских кораблей описали плавание так, как будто почти достигли цели и осталось пройти вперед лишь немного, чтобы обогнуть мыс Табин.

Поэтому на следующее лето из Голландии вышла в Ледовитый океан целая флотилия: семь кораблей с разными товарами для Китая.

Виллем Баренц на этот раз был назначен капитаном одного из кораблей и главным штурманом экспедиции. Сборы затянулись. Корабли отошли от берегов Голландии в начале июля. Наступила уже вторая половина августа, когда они подошли к острову Вайгач. Здесь голландцы увидели небольшое русское судно, вышедшее из устья Печоры.

Русские мореходы дружелюбно встретили голландских моряков, побывали на их корабле и подарили им восемь копченых гусей. Виллем Баренц узнал от этих русских людей, что их корабли каждый год не только доходят до устья Оби, но и проходят дальше.

«Гиллиси» — записали голландцы название реки к востоку от Оби, до которой доходили поморы. Там они зимовали, добывая и выменивая дорогие собольи меха, а затем возвращались назад. Голландцы, повидимому, плохо расслышали незнакомое им название реки и ошиблись з[illegible] в[illegible] но, что русские говорили об Енисее. [illegible]уманный пл[illegible]

Если бы голландцы знали, как далеко наход[illegible]ов меньше [illegible]ка, они поняли бы, что мечта дойти в короткое в[illegible]йти на [illegible]е- легендарного мыса Табин не может сбыться. Но никто им не объяснил этого.

Летом 1595 года льды долго закрывали выход из пролива между Новой Землей и Вайгачем и не пропускали голландские корабли в Карское море. Когда в конце августа льды расступились, было уже слишком поздно итти вперед. Начальник флотилии Корнелий Най все же задал главному штурману вопрос:

— Виллем Баренц, что, по-твоему, надо нам теперь делать?

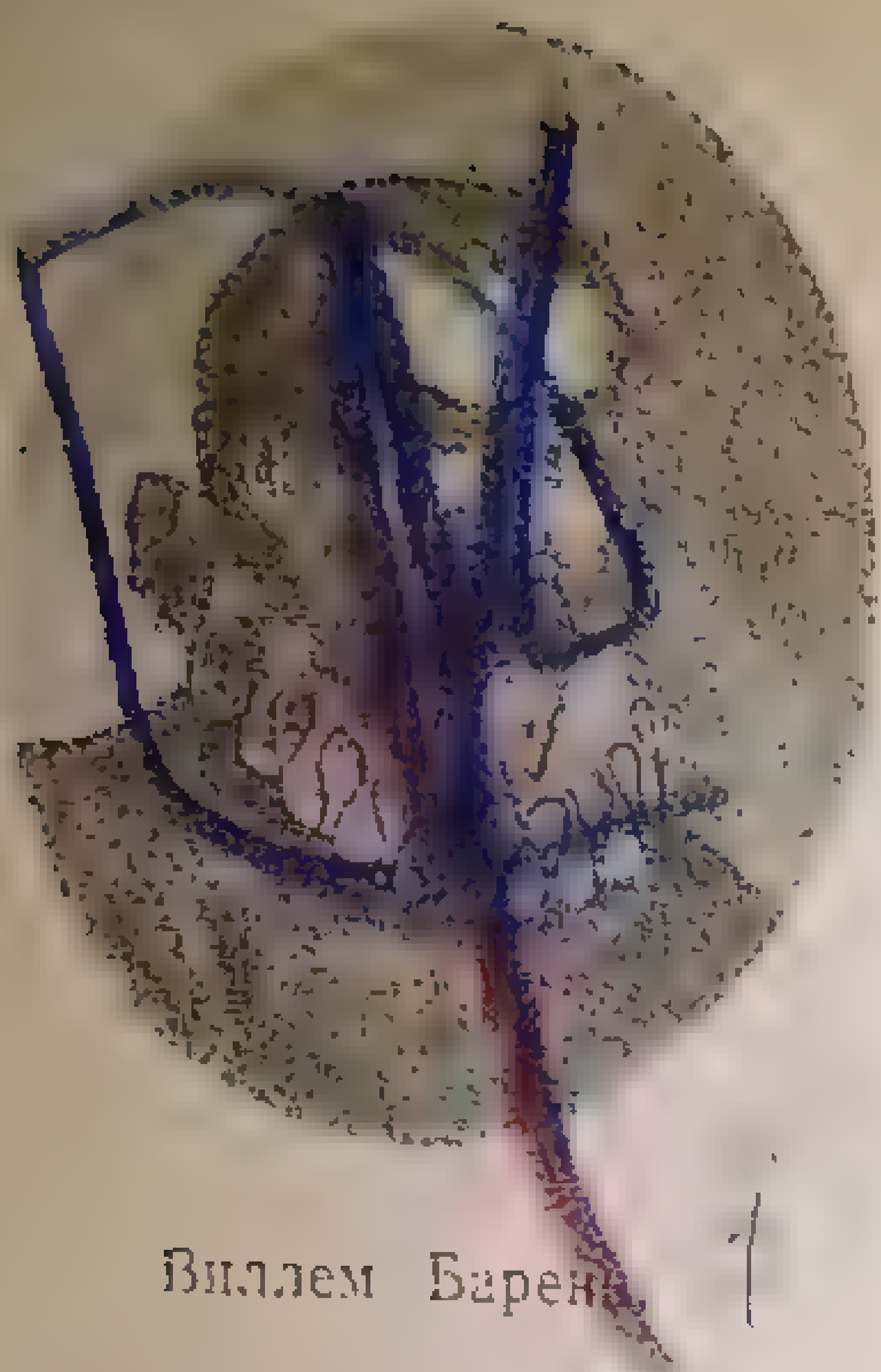
— Мы должны поставить паруса и продолжать плавание до конца, — ответил Баренц.

Най только усмехнулся в ответ.

Когда корабли вернулись в Амстердам, там почти

КАРТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО МОРСКОГО ПУТИ. 1610 ГОД

Заштрихованная часть — море. Предполагаемый путь от Голландии до Китая (China) намечен кривой линией. Остров севернее этой линии — Шпицберген. Остров южнее линии — Новая Земля. Восточнее устья Оби расположен большой полуостров, за которым показано «море Скифское и Тартарийское» на пути в Китай.

Виллем Баренц

потеряли веру в успех дела. Купцы с досадой подсчитывали издержки, которые понесли, снаряжая два года подряд корабли в плавание, оказавшееся бесполезным для голландской торговли.

Ученые отмечали, однако, что Баренц в первое плавание узнал много о западном береге Новой Земли. Все с интересом слушали рассказы о встречах с русскими людьми и с живущими на Вайгаче ненцами, но купцы, стремившиеся легко разбогатеть, не считали нужным еще раз затрачивать деньги на плавание, которое может опять принести убытки.

Виллем Баренц не хотел все же сдаваться. Он напоминал, что, прежде чем удалось открыть морской путь из Европы в Индию, мореплаватели долго и, казалось, тщетно пытались обогнуть Африку.

— Ведь многие и тогда утверждали, что дальние плавания по неизведанному океану не дадут ничего, кроме жертв. И тогда первые попытки были как будто напрасной тратой денег и сил, — говорил Баренц.

Ученый-географ Петр Планций поддержал Баренца. Город Амстердам в конце концов снарядил два судна.

На этот раз Баренцу дали только должность штурмана корабля, капитаном которого стал дворянин Гемскерк. Баренц был готов, однако, участвовать в плавании на любых условиях, лишь бы довести до конца начатое дело.

В мае 1596 года корабли вышли в море. На этот раз было решено взять более северный курс от Скандинавского полуострова. 19 июня, когда корабли находились между 79° и 80° северной широты, увидели землю. Корабли шли два дня вдоль ее берега к северу, но потом встретили непроходимые льды и повернули на юг.

Этот неизвестный раньше ученым-географам Западной Европы большой остров, который русские поморы называли Грумантом, получил впоследствии название Шпицберген. Ко-

рабли направились к Новой Земле, но разошлись, взяв разный курс.

В середине августа 1596 года к мысу Желания, на северном берегу острова Новая Земля в Ледовитом океане, подошло небольшое судно с двумя мачтами. По обоим бортам судна видны были амбразуры, у которых стояли маленькие пушки. Но на матросах была обыкновенная одежда голландских моряков, плававших на торговых и промысловых кораблях: просторные, однако достаточно теплые куртки и круглые шапки, которые можно было надвигать на лоб и уши, защищаясь от холодного ветра.

Судно было заново окрашено перед выходом в плавание. Но на его бортах уже виднелись глубокие царапины в тех местах, где льдины стерли краску своими острыми краями.

На палубе висели шкуры белых медведей, должно быть недавно снятые и повешенные для просушки. А в каютах и в трюме стояли ящики, в которых хранились разные товары — от дорогого сукна и полотна до иголок и булавок включительно.

У мыса Желания ветер разогнал носившиеся по морю льдины. Судно обогнуло северный берег Новой Земли и взяло курс на юго-восток. Голландские моряки, видимо, хотели, обойдя Новую Землю с севера, итти дальше по Ледовитому океану. Однако едва судно прошло несколько миль, как льды преградили ему путь. Пришлось снова повернуть к Новой Земле.

Потом в продолжение нескольких дней судно пыталось продвинуться среди льдов, держась вблизи Новой Земли. В конце августа льдины окружили его со всех сторон и как будто сжали ледяным кольцом. Глаза всех устремились на двух человек: штурмана Виллема Баренца и капитана Якова Гемскерка.

— Если льды разойдутся, пойдем назад. Нам остается только вернуться домой и признать, что мы хотели совершить невозможное, — сказал капитан и посмотрел на Баренца.

Виллем Баренц был самым знающим и самым опытным человеком на корабле. Он уже в третий раз доходил до Новой Земли. Все знали, что и это плавание предпринято по его настоянию.

Занимая должность штурмана, Баренц, однако, на деле

оставался руководителем всей экспедиции, и капитан прислушивался к каждому его совету.

— Льды преграждают нам путь назад, так же как и вперед. Возможно, что нам придется зазимовать на этом пустынном острове А если перезимуем благополучно и корабль уцелеет, то в начале будущего лета мы сможем пойти дальше. Перед нами открылось наконец то море, за которым должен быть мыс Табин, — сказал Виллем Баренц.

2 сентября поднялся крепкий ветер и раздался вдруг зловещий треск: льдины стали напирать на корабль с такой силой, что могли раздавить его, как скорлупу ореха.

Виллем Баренц предложил спустить обе корабельные лодки и перетащить их по льду на твердую землю. Только сохранив лодки, можно было надеяться, что весной удастся добраться до жилых мест даже в том случае, если судно погибнет.

Капитан отдал приказ, и матросы, напрягая все силы, потащили лодки одну за другой к берегу по неровному, местами громоздившемуся большими глыбами льду. Потом перекатили тринадцать бочек с сухарями и перенесли некоторые вещи.

На другой день напором льда повредило корму, а потом льдины, точно штурмуя корабль, перевалили через борт и сломали одну из мачт.

Экипаж все еще не покидал судна: люди баграми отталкивали льдины и сбрасывали назад лед, попавший на палубу. Но когда судно вдруг приподнялось под напором льда и начало склоняться на бок, пришлось начать отступление. На берег перетащили ружья, порох, свинец и плотничьи инструменты. Из большого паруса соорудили палатку. Потом движение льдов приостановилось, и люди еще несколько дней продержались на корабле. Только когда он крепко вмерз в лед, исчезла надежда на скорое освобождение.

— Наступает осень, и скоро начнутся холода. Мы должны будем построить дом и защищать себя от диких зверей и мороза. У нас достаточно ружей, пороха и свинца, чтобы справиться с белыми медведями. Но как добыть дерево для постройки дома и на топливо, когда на этой голой земле не видно ни кустика? — говорили между собой голландцы.

Несколько матросов, захватив ружья, пошли осматривать

окрестности. Только завядшая трава да мох виднелись из-под снега.

Довольно большой залив, который Баренц назвал Ледяной гаванью, заканчивался длинным низким мысом. По другую сторону мыса голландские моряки с радостью увидели валявшиеся на берегу деревья с обломанными ветвями. Деревья казались как будто облупленными; кора слезла, вероятно, еще в то время, когда море, в которое впадают реки, унесшие эти деревья откуда-то с материка, долго носило их по волнам, прежде чем выбросило на Новую Землю. Такие деревья — плавник — нередко находят на берегах Ледовитого океана, удаленных на сотни километров от тех мест, где растет лес.

Плавник часто спасал моряков, которым приходилось поневоле зимовать на пустынном берегу Из выброшенных морем деревьев можно было построить избу и отапливать ее в зимние месяцы.

Недалеко от того места, где лежал плавник, сбегала в море маленькая речка.

Виллем Баренц и его товарищи решили построить вблизи этой речки дом для зимовки.

Среди матросов были хорошие плотники. Они прежде всего сделали сани, чтобы возить лес к месту постройки. Потом начали строить дом. Дул резкий, холодный ветер, падал снег. В конце сентября начались морозы.

«Был такой сильный холод, что когда плотники, как это у них в обычае, держали во рту гвоздь, он примерзал к губам, и они вынимали его изо рта с кровью», вспоминал потом младший штурман Геррит де-Фер.

Несколько раз работу прерывали белые медведи. Они, видимо, никогда не встречали людей и направлялись к ним без боязни. Иногда сразу приходили два-три медведя. Моряки хватали тяжелые ружья — мушкеты — и топоры с длинной рукояткой и лезвием в виде полумесяца — алебарды. Но даже когда один из медведей падал, сраженный пулями, остальные не всегда убегали сразу: они до тех пор не могли понять, что случилось, пока сами не получали рану.

Одного из убитых медведей голландцы заморозили и поставили на задние лапы вблизи места работ. Он как будто стоял на карауле около постройки.

Корабль Баренца, затертый льдами у берега Новой Земли.

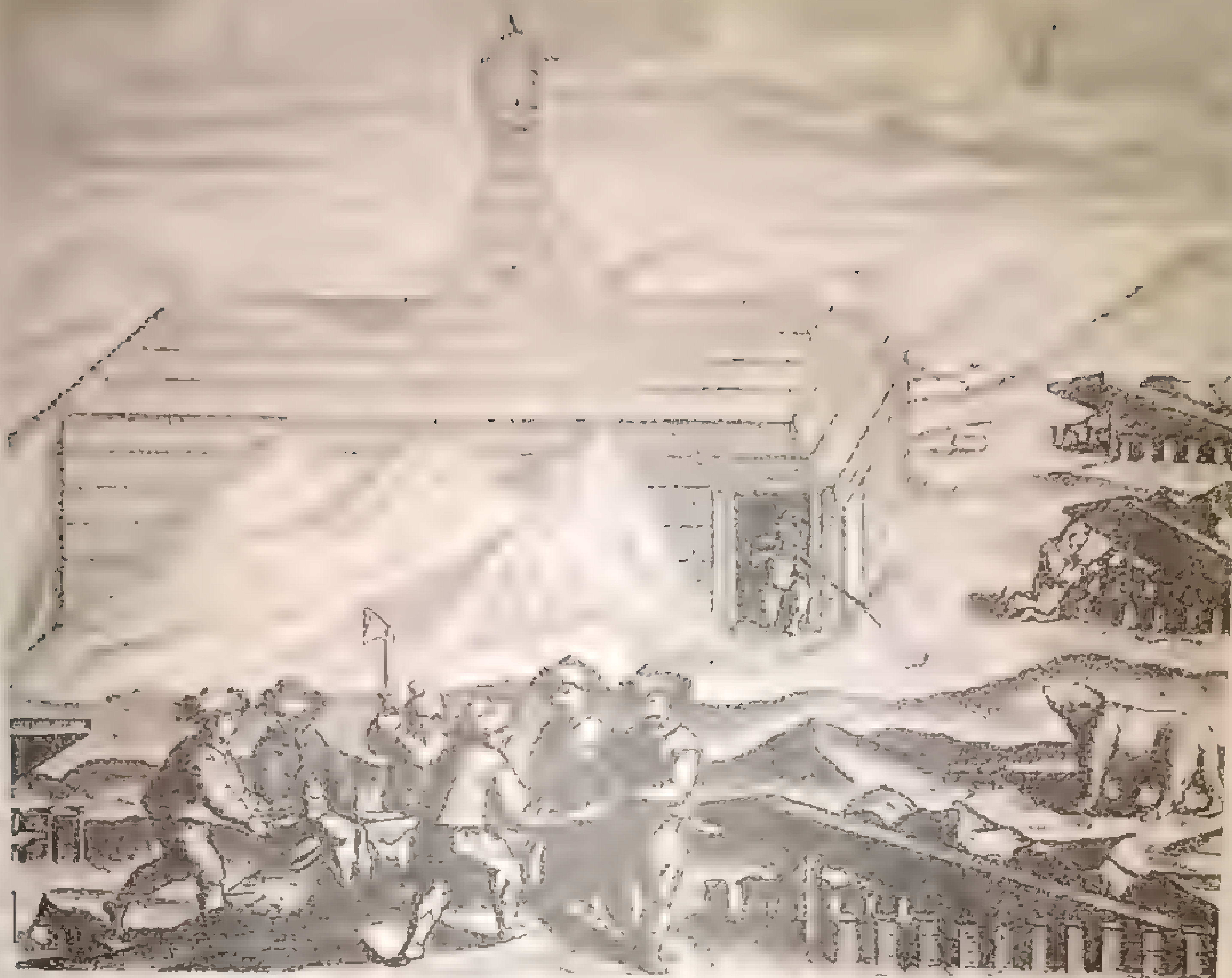
С гравюры 1598 года.

В начале октября дом был готов начерно. Чтобы вполне закончить постройку и обшить дом досками, пришлось разобрать нижнюю палубу и некоторые другие части корабля. Голландцы, однако, надеялись, что весной, если льды не раздавят судно, можно будет снова поставить снятые доски на место и продолжать плавание.

Постепенно перетащили с корабля все продовольствие и вещи.

Весь экипаж корабля состоял из семнадцати человек, считая в том числе и корабельного повара. Эта кучка людей упорно боролась за жизнь в долгую полярную ночь на берегу Ледяной гавани, где льды затерли их судно.

С начала ноября солнце совсем перестало показываться

Дом Баренца и его спутников. Западни для песцов.

С гравюры 1598 года.

над горизонтом. Только бледный лунный свет озарял местность вокруг дома. Можно было бы потерять счет дням, но голландцы взяли с собой большие стенные часы, которые тщательно заводили раз в сутки.

Очаг, сложенный из камней, сильно дымил, и в доме было так холодно, что потолок и стены покрывались толстым слоем изморози. А вино, которое давалось каждому ежедневно по небольшой порции, замерзало в бочке, и приходилось его оттаивать. Корабельный повар, по приказу капитана, должен был готовить два раза в день горячую пищу, чтобы поддержать силы команды.

Уходя в плавание, голландцы взяли с собой бочки с соленой и вяленой рыбой, окорока свинины, круглые, величиной

с человеческую голову, сыры, которыми славилась Голландия. Но эти запасы были невелики.

К тому же требовалась и свежая пища: без нее вся команда могла погибнуть от страшной болезни — цынги, первые признаки которой появились вскоре после начала зимовки.

Белые медведи, которые так часто приходили в первые дни, перестали появляться, когда исчезло солнце. Зато, как будто на смену медведям, явились песцы. Эти белые пушистые лисички, должно быть, тоже никогда не видели людей и потому совсем не отличались той осторожностью, которая доставила лисицам в других местах славу хитрых зверей. Первый песец подошел к матросам так близко, что его убили ударом топора.

С песца сняли шкуру, а мясо поджарили на вертеле над огнем и съели.

— Это мясо немного напоминает мне мясо кролика. Если песцов будет достаточно, мы можем не бояться голода, — сказал корабельный повар.

— А из такой пушистой шкурки можно сшить очень теплую шапку или рукавицы. Нам нужно наладить добычу песцов во что бы то ни стало, — ответил Виллем Баренц.

На другой день стали сплетать из толстых веревок силки, в петлях которых могли запутываться песцы. Надежнее, впрочем, были другие ловушки: западни с тяжелой доской, которая падала, когда песец хватал наживу. Матросы принялись обтесывать колья и делать доски, чтобы поставить эти западни в разных местах вблизи дома.

В ноябре и декабре наступили такие морозы и начали дуть настолько сильные ветры, что люди иногда по нескольку дней не выходили из дому. В такие дни ветры заносили снегом двери, и потом удавалось отворять их лишь с величайшим трудом.

«Мы были заперты в доме, как в тюрьме, и стужа была такая сильная, что огонь едва давал тепло. Протягивая ноги к огню, мы сжигали подошвы башмаков раньше, чем чувствовали жар, так что нам беспрестанно надо было заниматься починкой», вспоминал потом Геррит де-Фер.

В те дни, когда северо-восточные ветры утихали и метель прекращалась, люди выходили из дома и направлялись к песцовым ловушкам. Убитые западнёй песцы иногда замерзали

настолько, что были тверды, как дерево, и их долго оттаивали, чтобы снять шкуру.

В доме тускло светила подвешенная к потолку лампа, в которую наливалось масло. Ее свет не мог вполне рассеять темноту, и обычно стоял полумрак.

Когда Виллем Баренц или Геррит де-Фер хотели сделать очередную запись в журнале, в котором отмечали все, что случалось, они зажигали сальные свечи в двух высоких бронзовых подсвечниках, взятых с корабля, и, придвинув к столу бочонок, служивший вместо стула, писали, растопив предварительно на очаге чернила, замерзшие в чернильнице.

Когда запас дров, заготовленный с осени, кончился, пришлось отыскивать на берегу плавник, занесенный глубоким снегом. Только с величайшим трудом удавалось привозить к дому топливо.

«Наше возвращение было настолько тягостно, что мы чуть не падали в обморок. Из-за продолжительного холода и лишений мы были до такой степени слабы и утомлены, что почти не имели сил. Мы даже сомневались в том, возобновятся ли наши силы и будем ли мы в состоянии еще подвозить дрова. А без дров мы должны были погибнуть от холода», писал потом де-Фер.

Они старались не поддаваться унынию и выполнять все советы корабельного лекаря. Когда лекарь сказал, что для укрепления здоровья надо время от времени купаться, они соорудили из большой бочки ванну. Оттаивая снег, купались по очереди в доме, несмотря на холод. А потом крепко растирали тело и действительно чувствовали себя так, как будто прибавилось сил.

И все же здоровье начинало ухудшаться. Уже в первые дни умер один из корабельных плотников, повидимому простудившийся еще во время плавания. Потом начали прихварывать и другие. Свежего мяса — песцов — нехватало, а растительной пищи почти совсем не было, и у нескольких человек появились грозные признаки цынги: опухало тело, шла кровь из десен, быстро нарастала слабость.

Виллем Баренц был старше всех, и эта суровая зимовка была ему не по силам. Он стал прихварывать, но был, как всегда, спокоен, рассудителен и попрежнему верил, что рано или поздно северный морской путь будет найден.

В конце января умер один из больных матросов. А через несколько дней над горизонтом показалось солнце. Его появление вызвало общее ликование: казалось, что самое трудное позади. Но еще два месяца продолжались морозы и метели, а у больных становилось все меньше сил.

Чем ближе подходила весна, тем чаще капитан и матросы навещали корабль, попрежнему скованный льдами. На его палубе, занесенной снегом, видны были следы песцов и медведей. Дно трюма было покрыто толстым слоем льда — корабль, видимо, был поврежден очень сильно. Потом ветры нагнали в Ледяную гавань так много льда, что ледяные глыбы местами поднимались кверху, как горы.

«Льдины громоздились друг на друга, сжимая корабль и сдавливая его еще больше, чем до того... Смотреть было страшно», писал потом Геррит де-Фер.

И все-таки оставалась надежда, что корабль уцелеет и, может быть, удастся починить его, когда разойдутся льды. Но прошел май и наступил июнь, а ледяное кольцо вокруг корабля не расступалось.

Между тем запасов хлеба могло хватить еще лишь на два месяца, хотя он уже давно выдавался небольшими порциями.

О дальнейшем плавании на восток для поисков пути в Китай нельзя было больше думать. Корабль был настолько поврежден и так крепко зажат льдами, хотя уже наступил июнь, что исчезла и надежда вернуться на нем домой. Оставался единственный выход: не теряя времени, плыть назад на лодках, пользуясь разводьями между льдинами.

Лодки починили и с большим трудом подтащили к краю льда, за которым синела полоса воды. Потом погрузили на них продовольствие, припасы для охоты и тюки с самыми дорогими тканями. Остальные товары бросили вместе с кораблем.

Пятнадцать человек на двух лодках должны были плыть несколько недель по Ледовитому океану после зимовки, подорвавшей их силы. Из этих пятнадцати трое были больны настолько, что уже не могли грести.

— У них нехватает силы и на полчеловека, — сказал про больных капитан Гемскерк.

Виллем Баренц был одним из этих больных. Его привезли к лодке на санях, потому что он не мог итти сам. Однако

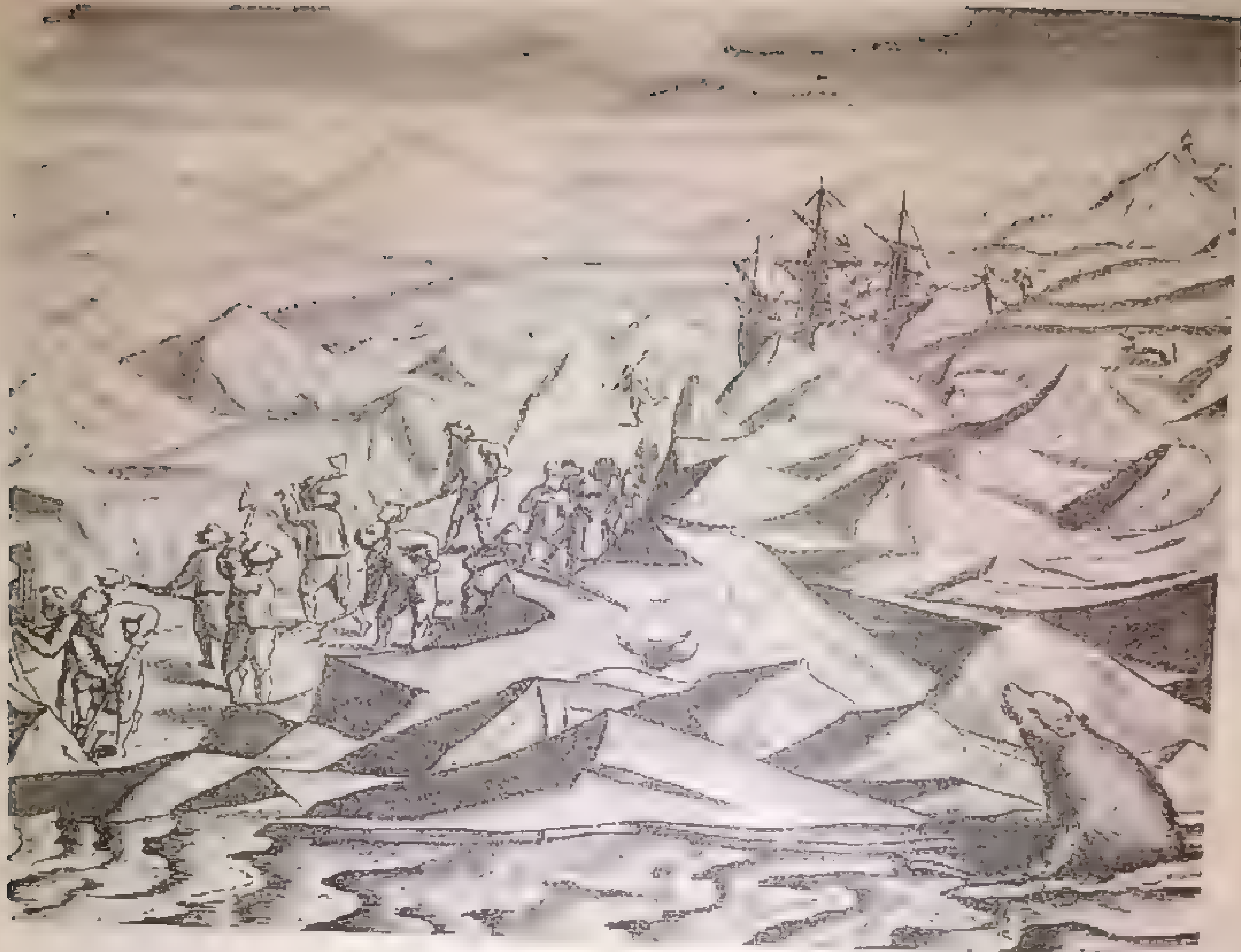

Починка лодки.
С гравюры 1598 года.

Баренц продолжал вникать во все, спокойно давая советы и указания.

Утром 14 июня лодки вышли из Ледяной гавани и пошли назад, к мысу Желания, чтобы направиться оттуда на юго-запад, к берегам Русской земли. Но уже через несколько часов наткнулись на густой лед и должны были ждать до следующего дня, когда южный ветер отогнал лед к северу. Потом плыли еще три дня, то налегая на весла, если впереди открывалась чистая вода, то причаливая к берегу. А когда миновали северный край Новой Земли, льды вдруг окружили лодки со всех сторон.

«Двигавшийся лед увлекал нас так стремительно и льдины сжимали нас так крепко, что казалось, будто лодки разлетятся на бесчисленное количество частей. Мы жалостно

Голландские моряки расчищают путь по льду от корабля до лодок.
С гравюры 1598 года.

смотрели друг на друга и были в смятении, так как каждую минуту видели перед собой смерть», записал впоследствии де-Фер.

— Надо вытащить лодки на крепкий лед — иначе погибнем, — говорили голландцы.

До берегового припая, как называют неподвижный лед, остающийся у земли, можно было добраться только по мелким льдинам, теснившимся вокруг лодки. Люди поглядывали друг на друга, но долго никто не решался сделать эту попытку. Все понимали, что легче было утонуть, прыгая со льдины на льдину, чем выполнить этот план.

Наконец Геррит де-Фер, самый легкий из всех, привязал к носу лодки длинный канат и взял в руки свободный его

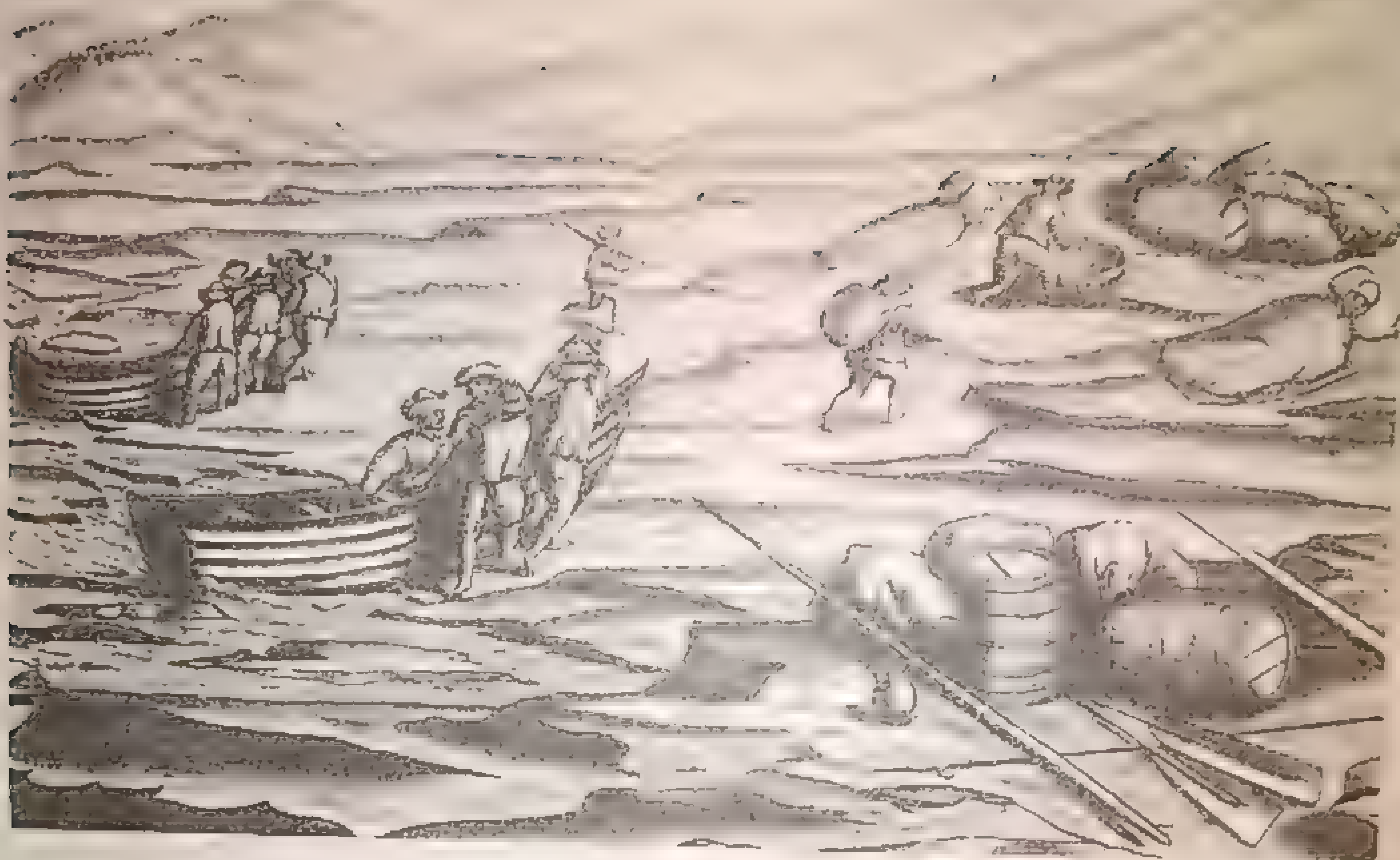

Лодки Баренца и его спутников.
С гравюры 1598 года.

конец. Потом прыгнул на ближайшую льдину, перебрался с нее на другую, плывшую рядом, и, то осторожно идя по льду, то прыгая через разводья, добрался до крепкого льда. Там он закрепил канат вокруг большой ледяной глыбы — тороса.

Люди в лодке взялись за канат и стали подтягиваться к льдине. Потом вытащили лодку на лед и вынесли Виллема Баренца, который уже не мог приподняться сам. Немного спустя удалось прикрепить к льдине и вторую лодку, в которой лежал один из больных, Клас Андрисон.

Два дня пробыли на льду, чиня лодки, поврежденные напором льдин. На третий день боцман, бывший старшим на второй лодке, подошел к Виллему Баренцу и сказал:

Выгрузка на лед.

С гравюры 1598 года.

— Нашему Класу Андрисону очень плохо. Он не протянет долго.

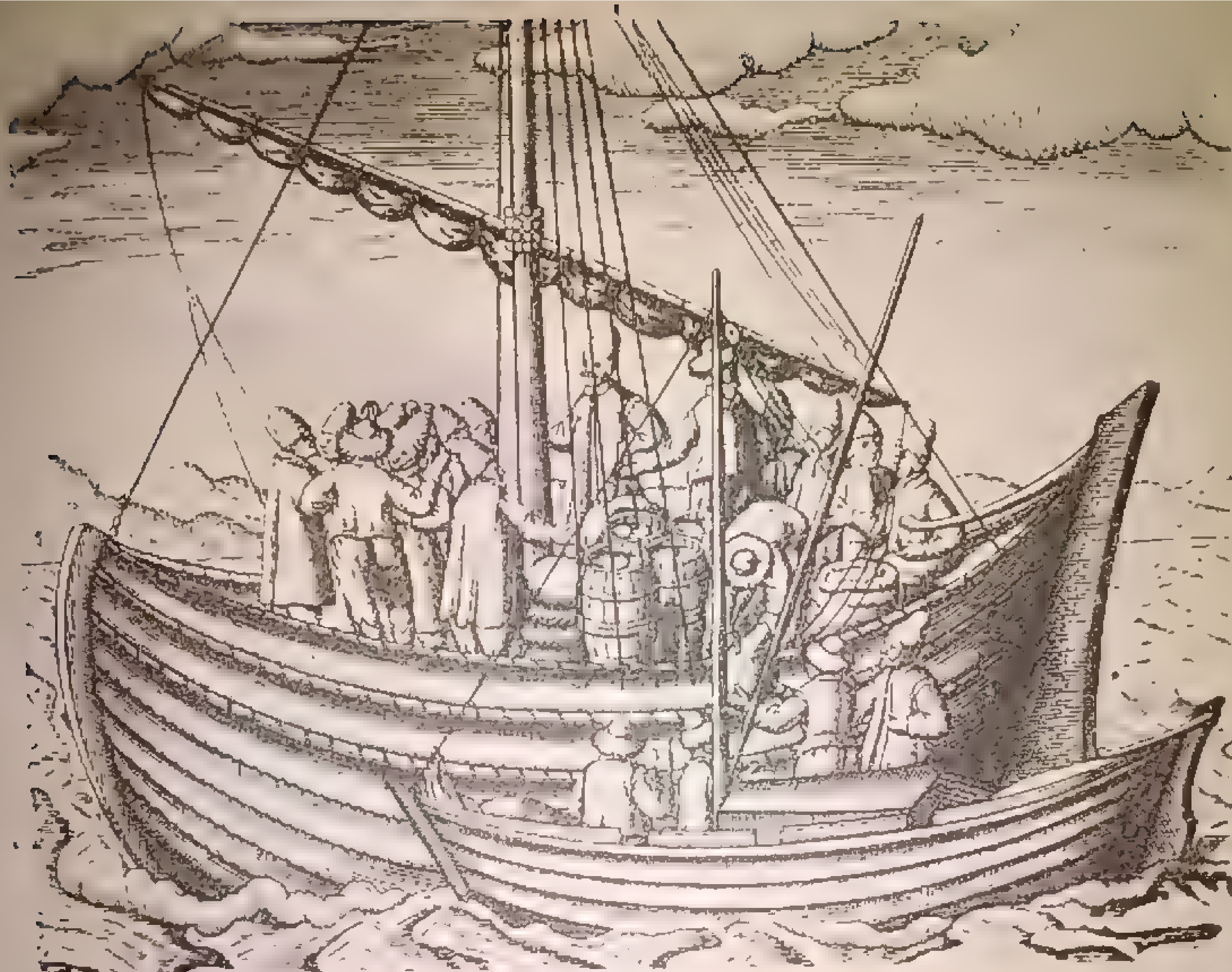
— Кажется, и я протяну недолго, — ответил Баренц.

Но он продолжал спокойно разговаривать и даже попросил Геррита де-Фера показать карту плавания, которую тот составлял.

Потом, отложив карту в сторону, он попросил пить и вдруг, закрыв глаза, умер.

«Смерть Виллема Баренца причинила нам немалое горе, потому что он был главный руководитель и незаменимый штурман, на которого мы все полагались», отметил Геррит де-Фер.

Клас Андрисон умер вслед за Виллемом Баренцом. А через

Встреча лодки голландцев с русским судном.

С гравюры 1598 года.

день ветер отнес прочь пловучий лед, и можно было плыть дальше к югу вдоль западного берега Новой Земли.

Прошло полтора месяца с тех пор, как отплыли из Ледяной гавани. За это время льды не раз снова затирали лодки. Однажды льдина, на которую пришлось высадиться, спасаясь от сжатия льдов, разломилась, и море унесло две бочки с сухарями, часть оружия и вещи, которые люди взяли с собой.

Когда наконец недалеко от южного берега Новой Земли увидели два небольших поморских судна, всех охватила сильнейшая радость. Среди поморов, плывших на этих судах, оказались люди, которые уже встречались с голландцами в августе 1595 года у острова Вайгач.

«Русские приняли нас очень дружественно и пожалели

нас. Мы сильно обрадовались, что опять попали к людям, которых не видели в течение тринадцати месяцев», записал Геррит де-Фер.

Русские похлопывали по плечу капитана Гемскерка и спрашивали:

— Корабль пропал?

Капитан догадался, что значат эти слова, и ответил:

— Crable pro pal. (Крабль пропаль.)

Поморы подарили им большую ковригу ржаного хлеба и копченых гусей. Затем русские суда направились к Вайгачу и голландцы пошли вслед за ними.

В конце августа тринадцать человек, оставшихся в живых, добрались до Кольского полуострова, встретили там голландский корабль и возвратились на нем домой. Так кончилось последнее плавание Баренца. На этот раз голландцы, надеявшиеся дойти до Китая, не смогли пройти дальше северо-восточной части Новой Земли.

Геррит де-Фер, вернувшись в Голландию, писал:

«Пусть глупцы, насмешники и клеветники, судя по началу, признают бесплодной ту попытку, которая только в конце дает полезный результат. Ведь если бы славные мореплаватели — Колумб, Магеллан и многие другие, открывшие самые дальние страны и царства — оставили свои намерения после первой, второй и третьей неудачных попыток, впоследствии они никогда не достигли бы успеха».

Де-Фер написал книгу о плаваниях Баренца. Эту книгу перевели на многие языки. Мореплаватели разных стран с интересом читали книгу де-Фера. Но никто из них больше не пытался открыть северо-восточный морской путь в Китай.

Англичане посылали корабли с товарами в Белое море для торговли с Московским государством. Голландские промышленники, отправляясь по пути Баренца, добывали тюленей и моржей у берегов Шпицбергена и Новой Земли. Для торговли с ненцами, у которых можно было за бесценок выменять меха, иностранные корабли заходили иногда в Карское море. Но пройти на корабле вдоль берегов Ледовитого океана, мимо устья реки Оби, на восток, англичане и голландцы больше не надеялись.

Английские и голландские купцы, снаряжавшие экспедиции только в расчете на быструю и богатую наживу, не по-

желали больше тратить деньги на дело, связанное с тяжелыми жертвами. Они прекратили попытки найти северо-восточный морской путь.

А русские поморы, которые оказали такую помощь спутникам Баренца, продолжали ходить на своих кочах из Белого моря к устью Оби, до которого не смогли дойти ни голландцы, ни англичане. Кочи, мелко сидевшие в воде, были лучше приспособлены для плавания вблизи берегов, чем корабли голландских и английских купцов.

Старинный путь из Карского моря в Обскую губу и к реке Таз через полуостров Ямал.

Однако не всем удавалось вернуться домой. Об одном из плаваний, которое поморы предприняли с московским купцом Лукой в конце XVI века, сохранилась запись:

«Ходил москвитин, гость[1] Лука с товарищи проведовать Обского устья тремя кочи. И те люди с великие нужи померли, и осталось тех людей всего четыре человека».

О многих других мореходах, ходивших к сибирским берегам, не дошли до нас и такие краткие сообщения.

О плаваниях Баренца было написано немало книг. О поморах, уходивших в дальние плавания по Ледовитому океану на маленьких судах, сколоченных деревянными гвоздями, не писал никто. Имена этих мореходов оставались неизвестными, и память об их достижениях не сохранилась.

---

[1] Смотрите словарь старинных слов в конце книги.

Знали, что эти смелые люди доходили не только до Оби, но и до Енисея. Однако со временем было забыто, добирались ли они до этой реки только из Обской губы по рекам и кое-где сушей или отваживались плыть по Ледовитому океану до самого устья Енисея. И совсем не осталось сколько-нибудь точных сведений о еще более смелых и дальних плаваниях поморских судов в обход самой северной части Азии — пустынного Таймырского полуострова.

РУССКИЕ МОРЕХОДЫ У ТАЙМЫРСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Прошло больше трехсот лет с тех пор, как Баренц пытался пройти северными морями в Китай и умер у берегов Новой Земли.

В Союзе Советских Социалистических Республик началась большая работа по исследованию северных морей.

Советские ученые стали изучать не только воды Ледовитого океана, но и его берега, тщательно описывая места, которые раньше казались почти совсем недостижимыми.

Участники одной из таких экспедиций вдруг обнаружили у самой северной части побережья Ледовитого океана — Таймырского полуострова — вещи неизвестных русских мореходов, побывавших там триста двадцать лет назад.

В сентябре 1940 года к маленькому северному острову Фаддея, расположенному в Ледовитом океане юго-восточнее мыса Челюскина и немного севернее мыса Фаддея, подошло небольшое судно «Норд».

На судне находилась научная экспедиция, участники которой должны были проверить карты, уточнить очертания восточного берега Таймырского полуострова и ближайших островов.

14 сентября с судна «Норд» спустили моторную лодку, в которую сели четыре человека: научные сотрудники Н. И. Линник и А. С. Касьяненко, матрос П. Я. Кирин и моторист Е. В. Истомин. Лодка направилась к северному острову Фаддея и пристала к западному его берегу. Когда лодка подошла к острову, люди выпрыгнули один за другим на

узенькую полоску отшлифованных морем, гладких мелких камней — гальки. Потом они вытащили лодку на берег и поставили поблизости палатку, собираясь провести на острове дня два, чтобы сделать все измерения и уточнить очертания береговой линии на карте.

Полуостров Таймыр и острова Фаддея.

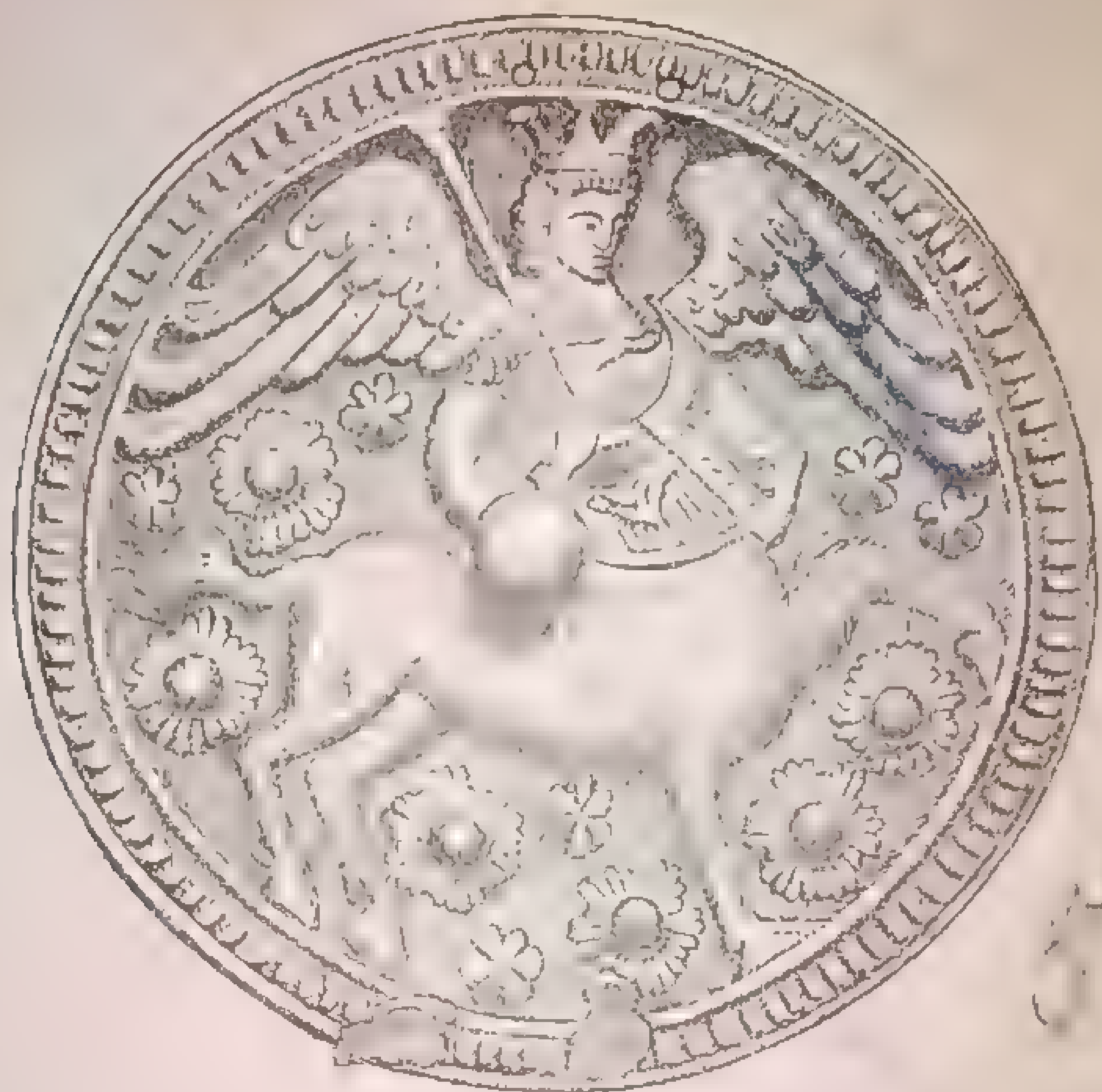
Северный остров Фаддея невелик (его площадь равна всего четырем с половиной квадратным километрам), низок и почти ровен. Только у самого моря местами стоят невысокие скалы. За полоской прибрежной гальки сразу начинается кочковатая тундра, в которой летом гнездятся гуси, чайки, кулики. Вдали виднеется берег Таймырского полуострова, а поближе — два островка, так же как и тот, на котором высадился отряд, названные островами Фаддея, но в отличие от первого — восточным и южным.

Поставив палатку, Линник и его товарищи перенесли в нее привезенные с собой продукты и инструменты. Потом притащили и нарубили валявшиеся кое-где на берегу выброшенные морем деревья — плавник, заготовив дрова для костра.

Островок выглядел так же, как и другие острова в этой части Ледовитого океана, и никто не ожидал увидеть здесь что-нибудь интересное. Но на второй день матрос Кирин, идя по берегу километрах в двух от палатки, вдруг увидел, что между прибрежными камнями и тундрой высовывается из земли металлический котел. Котел подняли и стали рассматривать с удивлением. Он был тяжелый, необычной формы и сделан недостаточно умело.

Поблизости нашли еще несколько таких котлов, а между камнями отыскали и другие вещи: заржавевший железный топор и старые ножницы, медный колокольчик и несколько голубых бусинок.

Немного покопав землю около этого места, обнаружили сковородки, остатки давно сгнивших мехов, кусок выделанной оленьей шкуры и медную гребенку. И эта гребенка и

Зеркало с изображением кентавра.

сковородки выглядели совсем не так, как вещи, которые делаются в наше время.

Эти предметы были, повидимому, завезены сюда много лет назад мореходами, о плавании которых не сохранилось никаких воспоминаний. Линник и его спутники вернулись на «Норд» и подали рапорт о находке заместителю начальника научной экспедиции, находившемуся на судне.

Через несколько дней лодка снова пристала к ос... На этот раз, кроме научных сотрудников Линника и ...ненко, с экспедиционного судна «Норд» высадились ...рег еще четыре человека, чтобы сделать раскопки на м... находки.

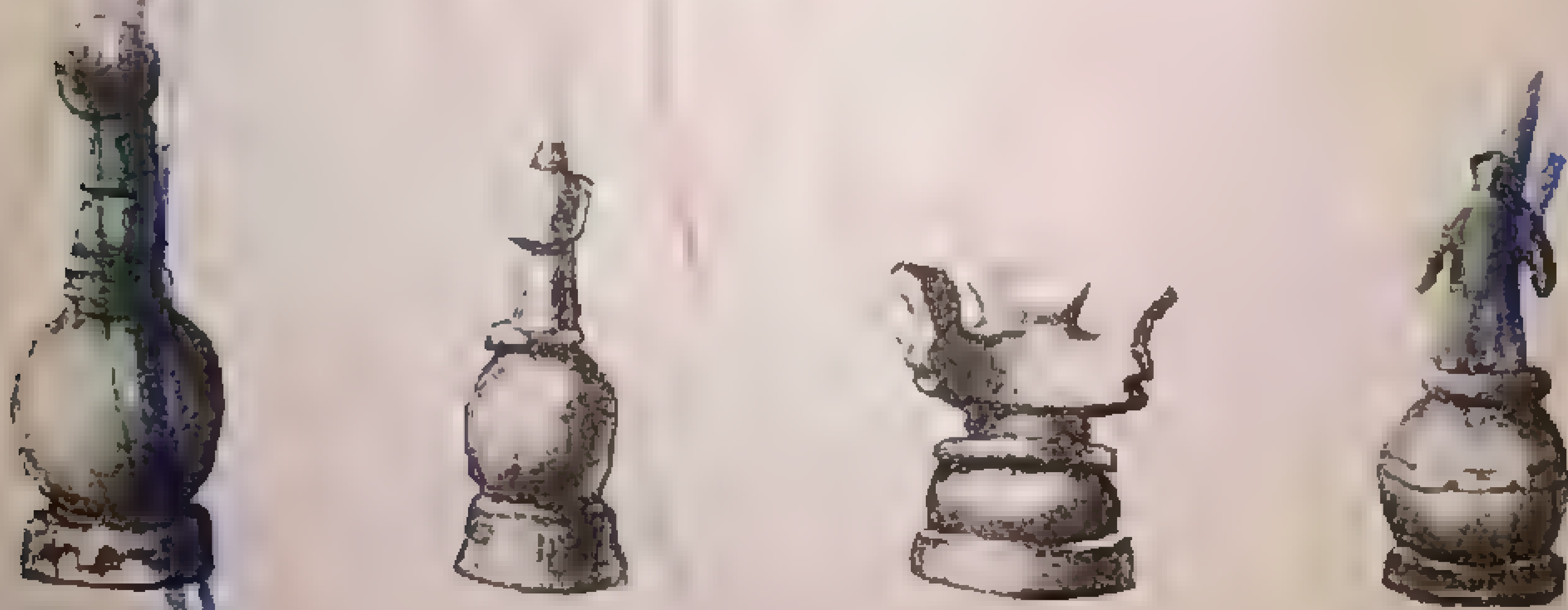
Они прошли на мысок, немного выдающийся в море, на

берегу которого возвышались сланцевые скалы. На этом мыске, на расстоянии от пяти до десяти метров от берега, за узкой полоской гальки и были найдены 14 сентября котлы, сковороды, бусы и другие вещи.

Внимательно осмотрев место находки, Линник, Касьяненко и прибывшие с ними люди остановились около невысокой насыпи из гальки, кое-где прикрытой большими камнями из распавшихся сланцевых скал. Эта насыпь находилась на таком расстоянии от моря, что во время штормов волны могли только добегать до нее, то прикатывая сюда мелкие камешки, то унося их обратно в море. . .

У этого места на небольшом расстоянии друг от друга виднелись частью просто лежавшие в беспорядке на поверхности земли, частью наполовину прикрытые землею медные котлы, сковороды и некоторые другие вещи.

Люди, высадившиеся с экспедиционного судна, приступили к раскопкам. И сразу стали попадаться разные вещи: оловянные тарелочки, серьги, множество голубых стеклянных бус, проволочки, на которые был нанизан черный и белый бисер, кресты, куски свинца и пули. Тут же были найдены остат-

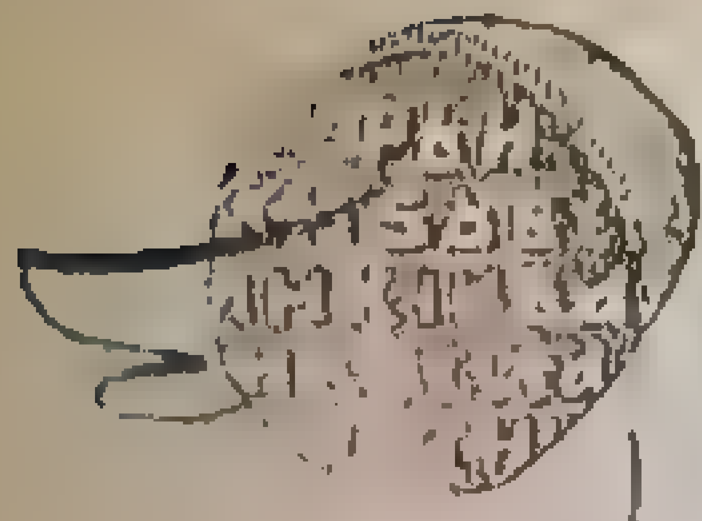
Шахматные фигуры, найденные на северном острове Фаддея.

ромыслового снаряжения: деревянные части насторожек промысловым ловушкам на мелких зверей, рыболовный крючок, поплавки и грузила от сети.

С удивлением подняли и очистили от земли шахматные фигуры, выточенные из кости. Среди них были пешки, слоны,

ладьи. Находки были покрыты совсем неглубоким слоем земли.

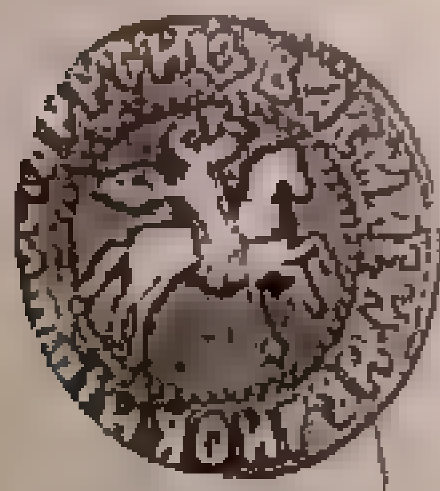
Копейка царя Ивана Грозного.

Замечательна была и другая находка: бронзовое зеркало. На его задней стороне было с большим искусством вычеканено изображение легендарного кентавра — наполовину человека, наполовину коня. Фигура кентавра, или «китовраса», как его обычно называли в старинных русских рукописях, нередко изображалась древнерусскими мастерами на разного рода украшениях.

А на расстоянии метра от этих вещей вынули из-под большой каменной плиты тяжелое старинное ружье — пищаль.

Деревянный приклад ружья сгнил совсем. Но металлическое дуло сохранилось. Оно оказалось, однако, согнутым настолько, что если бы даже все остальные части пищали были целы, она не годилась бы для стрельбы. Пищали употреблялись в XVI и XVII веках.

Кроме этих вещей, нашли небольшую доску — видимо, обломок от старинного судна — и блок от судовых снастей. В доске был забит деревянный гвоздь и виднелись отверстия для двух других гвоздей, один из которых отыскался тут же. Такими деревянными гвоздями поморы обычно сколачивали свои лодки и кочи.

Копейка царя Василия Шуйского.

Но самой ценной находкой были монеты. Они тоже выглядели необычно: не имели правильной круглой формы и на многих был изображен воин на коне, попирающем дракона. На одних монетах воин держал в руке копье, а на других — меч.

Если бы среди участников экспедиции, производивших раскопки, был историк, он мог бы объяснить, что от этого копья на старинных монетах произошло слово «копейка».

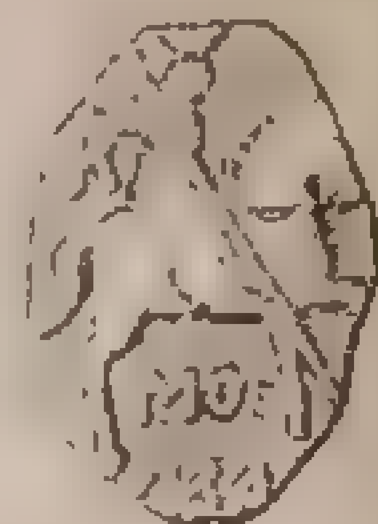
Надписи на монетах были различные. С трудом можно было прочитать сокращенные слова: «Царь и великий князь Иван всея

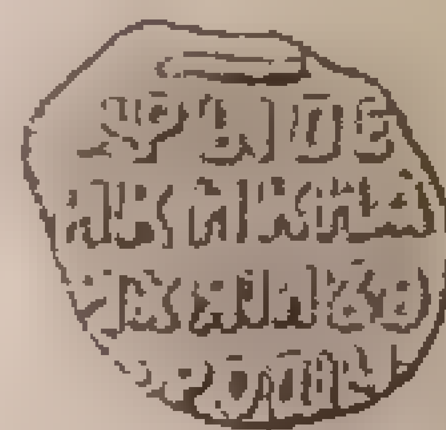
Руси», «царь и великий князь Федор Иванович всея Руси», «царь и великий князь Борис всея Руси», «царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси», «царь и великий князь Василий Иванович», и, наконец, «царь и великий князь Михаил Федорович».

Монет было больше тысячи. Денег, выпущенных в царствование Михаила Федоровича, оказалось гораздо меньше, чем монет, отчеканенных в короткие царствования Бориса Годунова и Василия Шуйского, хотя Михаил царствовал долго.

Очевидно, люди, которым когда-то принадлежали найденные деньги, вышли в плавание вскоре после воцарения Михаила Федоровича, когда монеты этого царя еще не успели широко распространиться на севере.

Царь Михаил Федорович взошел на престол в 1613 году. Следовательно, люди, которым принадлежали эти монеты, вышли в плавание не раньше, чем в 1613 году, и, вероятно, не позднее, чем через пять лет после этой даты.

Копейка царя Михаила Федоровича.

Так удалось установить приблизительно годы плавания. Оставались невыясненными другие вопросы: как попали эти вещи на остров Фаддея? Кому они принадлежали? Что случилось с этими людьми?

На первый вопрос можно было ответить только догадкой: очевидно, судно, совершавшее плавание, потерпело крушение поблизости от этого острова. Никто не стал бы иначе доставлять в почти недосягаемую, необитаемую местность деньги и вещи, чтобы оставить их там навсегда. Обломки судна подтверждали это предположение.

Монеты русских царей и нательные кресты, найденные на острове Фаддея, свидетельствовали о том, что эти смелые мореплаватели, сумевшие проникнуть далеко на север, были русские люди, направлявшиеся в еще не изведанные сибирские края, чтобы промышлять пушнину и вести меновую торговлю с народами, живущими на Крайнем Севере.

На другие вопросы совсем нельзя было найти ответ.

Судно «Норд» зазимовало около мыса Фаддея. В конце

октября солнце почти перестало подниматься над горизонтом. Наступила полярная ночь. Участники экспедиции перенесли зимовку благополучно.

Весной 1941 года экспедиция возобновила работу. Линник, взяв с собой двух человек, направился на северо-запад от мыса Фаддея, чтобы найти на побережье место, где было бы достаточно плавника для заготовки дров.

На берегу длинного и узкого залива Симса, приблизительно в ста пятидесяти километрах юго-восточнее мыса Челюскина и примерно в тридцати километрах северо-западнее мыса Фаддея, Линник и его спутники неожиданно увидели остатки маленькой избушки. Она стояла посредине излучины, там, где кончалась широкая полоса гальки, окаймлявшей берег моря.

За избушкой начиналась низкая, болотистая тундра, а вдали виднелись невысокие голые горы.

На сотни километров от этой избушки тянулся край, в котором не было ни жилья, ни леса. И только валявшиеся кое-где выброшенные морем и частью уже сгнившие мелкие бревна плавника наглядно показывали, как удалось построить избушку в этом безлесном крае. Когда Линник и его спутники подошли ближе, они увидели, что от избушки остались лишь нижние ряды тонких, но ровных бревнышек. Это был квадратный сруб, каждая сторона которого была немногим больше двух с половиной метров, а основание со всех сторон обложено тщательно отобранной гладкой галькой. Эта насыпь, видимо, должна была защищать снизу жилище от ветров.

Местность вокруг избушки была еще покрыта глубоким слоем снега. Снег лежал и внутри сруба, оставшегося от избушки, но, заглянув в нее, можно было увидеть остатки печи — очага, сложенного из каменных плит.

Линник и его спутники не стали делать раскопки в снегу. Сняв с избушки два верхних ряда бревен на топливо и подобрав плавник, они вернулись на базу экспедиции.

Позже Линник и Касьяненко вместе с несколькими спутниками пришли на берег залива Симса для научных работ. Они разбили палатку недалеко от того места, где находились остатки избушки.

Один из спутников Касьяненко вместе с товарищем пошел

поохотиться на уток, которые плавали целыми стаями недалеко от берега. Проходя мимо остатков избушки, он вдруг увидел три медных котла. Они выглядели совершенно так же, как те, которые были найдены несколько месяцев назад на острове Фаддея.

Когда подошли к избушке, нашли у входа остатки двух человеческих черепов: две черепные крышки. Одна была обыкновенной величины, другая поменьше. Можно было думать, что она принадлежала женщине или мальчику-подростку. А когда перешагнули через порог, увидели человеческие кости, разбросанные на полу. Черепа, валявшиеся у входа в избушку, были, видимо, вытащены оттуда дикими зверями — песцами или белым медведем.

Научные работники Н. И. Линник и А. С. Касьяненко осмотрели избушку. Вправо от входа они увидели остатки печки, сложенной из плит гранита. А налево от печки лежали поперек избы два бревна, положенные одно на другое. Повидимому, они служили основанием нар, на которых спали люди, построившие избушку. И тут же валялся большой мерзлый комок из перьев и пуха — вероятно, остатки подушки. А рядом с этим смерзшимся комком лежал обломок верхней челюсти человека.

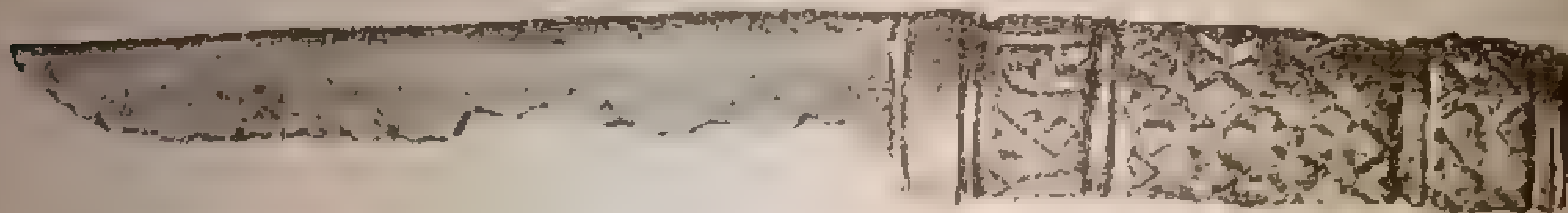
В углу избушки было множество мелких костей. Но это были кости не людей, а песцов. Все черепа песцов оказались вскрытыми. Видимо, люди, жившие в избушке, питались мясом песцов и взламывали их черепа, чтобы достать мозг.

Русские люди в то время решались есть песцов лишь при крайней нужде. Мясо этих зверей, так же как собачье, считалось поганым. Кости песцов, найденные в избушке, свидетельствовали о том, что обитатели ее голодали.

Касьяненко с тремя спутниками не стал задерживаться на берегу залива Симса и направился дальше, чтобы выполнить порученную ему работу. А Линник с тремя людьми из своего отряда остался на два дня, чтобы обследовать место находки и произвести раскопки.

Когда стали расчищать пол избушки, сразу же нашли совершенно такие же вещи, как на острове Фаддея: бусы, нательные кресты, медные колокольчики, иголки, перстни и серебряные монеты. Денег нашлось еще больше, чем на острове: около двух тысяч мелких монет. Они примерно таким же

образом распределялись по времени чеканки: больше всего оказалось монет царствования Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова, а монет, отчеканенных при Михаиле Федоровиче, сравнительно немного. Было очевидно, что

Нож с костяной ручкой.

люди, погибшие в этой избушке, и те, кому принадлежали монеты и вещи, найденные на острове Фаддея, плыли вместе до того, как их постигло какое-то несчастье.

В избушке нашлись некоторые вещи, каких не было на острове: распавшийся на части медный компас с солнечными часами в деревянном футляре, шелковый поясок, сумка с двумя пачками иголок.

Особенно была интересна одна находка — нож с костяной ручкой, в кожаных ножнах, отделанных медью. В ножнах нашли остатки исписанной бумаги. От нее сохранилась только первая строка. Она дала основание предполагать, что этот документ был «жалованной грамотой». Верхняя полоска бумаги уцелела, потому что прилегала к костяной ручке ножа, а ее часть, находившаяся около лезвия, погибла от ржавчины, покрывшей нож и местами даже съевшей его лезвие.

Компас с солнечными часами.

Если бы эта бумага сохранилась, то удалось бы узнать, кто был ее обладатель. Теперь можно было только сделать предположение, что он был человеком именитым: жалованная грамота давалась при награде или содержала подтверждение тех или иных прав.

Люди, которые пользовались компасом и солнечными часами, наверно были грамотны. Владелец ножа с рукояткой, на которой было вырезано имя, вложивший в ножны грамоту, вероятно умел достаточно хорошо читать и писать.

При дальнейших поисках нашли несколько кусочков суконной одежды. На одном куске тонкого темносинего сукна уцелела петля, обметанная красным шелком. Другой кусок темнозеленого сукна оказался частью правого борта кафтана с петлями, обшитыми тонкими полосками кожи. Возможно, что темносиний кафтан из дорогого тонкого сукна с шелковыми петлями принадлежал тому же человеку, которому была дана жалованная грамота. Потом был найден и кусок простого, домотканного сукна — сермяги, из которого издавна шили одежду поморы и другие русские люди — крестьяне — в разных местах Русской земли.

Сохранились и остатки охотничьего снаряжения: два замка от кремневых ружей, пули, большой кусок свинца и две железные пулелейки, деревянные части насторожек к промысловым ловушкам, обломок рыболовного крючка. Около избушки нашлись полозья саней или нарт. Возможно, что на них перевозили зимой плавник к избушке, но, может быть, эти нарты предназначались и для далекого пути.

Сопоставив все эти вещи, обломки и обрывки, можно было сделать некоторые выводы. Довольно большое количество медных котлов, колокольчиков, иголок, разноцветных бус, бисера показывало ясно, что потерпевшие крушение мореходы намеревались вести меновую торговлю с сибирскими народами. Такие вещи обычно находили сбыт у охотничьих народов Севера, дававших в обмен на эти товары меха, среди которых особенно ценились шкурки соболей.

Вместе с тем мореходы взяли все нужное для охоты на пушных зверей. Поморы, уходившие в плавание к Оби и другим сибирским рекам, обычно проводили там зиму, не только выменивая, но и добывая меха.

Торгово-промысловая экспедиция была, несомненно, хорошо снаряжена, и в ней принимали участие русские люди, умевшие пользоваться техническими достижениями своего времени: не случайно они взяли с собой компас, солнечные часы и даже шахматы для игры. Эти вещи наглядно пока-

зывают, что русские мореплаватели-поморы уже в начале XVII века были не только умелыми мореходами, но среди них встречались и люди, для своего времени достаточно хорошо образованные.

Вещи и монеты, найденные в избушке, были доставлены на судно «Норд», а потом были переданы вместе с находкой, сделанной на северном острове Фаддея, в музей Арктики.

Музейные работники сразу поняли значение этой находки, вдруг приоткрывшей совершенно неизвестную страницу истории плаваний русских людей по Ледовитому океану.

До тех пор считалось, что до самой северной точки Азии, мыса Челюскина на Таймырском полуострове, впервые дошли по берегу русские — участники Великой северной экспедиции в 1742 году, а со стороны моря первым дошел шведский ученый Норденшельд, совершивший в 1878—1879 годах плавание по Ледовитому океану на корабле «Вега». Вырабатывая план плавания вдоль северного побережья Сибири, Норденшельд писал:

«Мимо мыса Челюскина, прежде называвшегося Табин, за исключением береговых объездов, никогда еще не проходил ни один корабль».

Пройдя на «Веге» мыс Челюскина, он записал с торжеством:

«Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжение столетий! Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света».

А вещи, неожиданно найденные на северном острове Фаддея и в избушке на берегу залива Симса, неоспоримо доказывали, что русские мореходы дошли на своем маленьком судне до самой северной части побережья Азии еще в первой четверти XVII века, более чем за два с половиной столетия до Норденшельда.

В то время, когда эти мореходы вышли в плавание, русские люди уже обосновались на Енисее, но еще не дошли до реки Лены, устье которой лежит значительно восточнее Таймырского полуострова.

Город Якутск, от которого стали впоследствии уходить в плавание вниз по Лене и затем по Ледовитому океану сибирские казаки, еще не был основан. Поэтому можно сказать с уверенностью, что погибшие мореходы шли на своем коче с

запада, от устья реки Енисея, в обход Таймырского полуострова. Эти отважные люди прошли мимо мыса, которому впоследствии было дано имя Челюскина, и встретили смерть, совершив этот подвиг.

После погибших не осталось никаких записок или других документов, которые помогли бы узнать, какое несчастье их постигло и как боролись они за жизнь в последние свои дни. Но, изучая найденные вещи и исследуя места находок, можно было попытаться найти ответ на эти вопросы.

Кафтан, восстановленный по обрывкам одежды погибших мореходов.

Как попали медные котлы, сковородки, разноцветные бусы и другие вещи на северный остров Фаддея?

Обломки судна давали ответ на этот вопрос: повидимому, коч, на котором плыли русские люди, направлявшиеся к еще не изведанным берегам, чтобы промышлять пушнину и выменивать у сибирских народов соболей на металлическую посуду и другие вещи, разбился о камни вблизи острова Фаддея или был сжат и очень сильно поврежден льдами. Люди добрались до берега острова и спасли свои вещи. Потом они вытащили разбитое судно, не годное для дальнейшего плавания. Возможно, однако, что обломки судна выбросили волны.

Сперва было высказано предположение, что потерпевшие крушение мореходы дождались на острове Фаддея времени, когда установился лед. Потом они оставили часть вещей, а остальные взяли с собой и перебрались на берег Таймырского полуострова. Там они построили маленькую избушку, в которой могли поместиться два-три человека, решившиеся в ней перезимовать. А остальные сделали попытку дойти до человеческого жилья по замерзшей тундре и погибли без вести.

Вещи, найденные на острове Фаддея, находились за небольшим валом из мелких камней, который ограждал их от волн. Некоторые из них валялись в беспорядке на поверхности земли. Но на других лежали обломки досок, пищаль

была придавлена тяжелой каменной плитой, а деньги как бы прикрыты неглубоким слоем земли.

Можно было подумать, что деньги и некоторые другие вещи закопаны, а вал из гальки насыпан для того, чтобы предохранить их от морских волн, далеко забегающих на берег во время штормов.

Но являлся вопрос:

Если потерпевшие кораблекрушение люди, покидая остров, бросили часть вещей потому, что трудно было увезти с собой все, то почему они оставили деньги?

Монеты, найденные на острове Фаддея, имели в свое время очень большую ценность. Захватить с собой их было нетрудно. Как могли люди, которым они принадлежали, зарыть их на пустынном островке, в малодоступной части Ледовитого океана, взяв с собой несколько громоздких медных котлов и другие вещи, предназначавшиеся для меновой торговли, которые впоследствии были найдены в избушке на берегу залива Симса?

Ведь если бы этим людям удалось спастись и, преодолев все опасности, достигнуть жилого места, они вряд ли могли рассчитывать на то, что потом, построив новое судно, опять направятся в эти безлюдные, почти недоступные места, чтобы, добравшись до маленького, необитаемого островка, взять спрятанные там деньги.

К тому же котлы и некоторые другие вещи, найденные на острове Фаддея, лежали на земле в беспорядке, точно брошенные как попало. Почему они не были хорошо прикрыты камнями от дождей и снега, если люди надолго оставляли их здесь, намереваясь, однако, со временем вернуться?

Для того чтобы получить ответ на эти и некоторые другие вопросы, было решено при первой возможности послать специальную археологическую экспедицию, которая должна была произвести дополнительные раскопки и тщательно изучить те места, где были найдены вещи погибших мореходов.

Арктический институт командировал на Таймырский полуостров археолога и историка Сибири А. П. Окладникова.

А. П. Окладников с двумя рабочими и сотрудницей-художницей побывал на острове Фаддея и на берегу залива Симса, где весной 1941 года была обнаружена избушка. Они

увидели, что место для этого зимовья было выбрано обдуманно.

В излучине берега, у которой стояла избушка, летом много уток, гусей и других птиц. В двухстах метрах от избушки течет маленькая речка. На берегу моря можно найти годный для топлива плавник. И сама избушка была сложена из тонких, но хорошо подобранных бревнышек.

Она была срублена «в угол», как строятся крестьянские избы. Печь внутри избушки была сложена из гладких каменных плит так, как это обычно делалось в зимовьях, которые строили поморы, когда им приходилось зимовать на морском берегу, где нельзя было достать глины.

Мореходы, выбравшие это место для зимовки и построившие избушку, были, несомненно, умелыми и опытными людьми.

Тщательное обследование избушки и ее окрестностей дало ряд новых находок. Внутри избушки найдены были еще одна часть черепа человека и другие человеческие кости. Теперь можно было сказать с уверенностью, что в избушке жили и умерли, по крайней мере, три человека. Но хотя площадь избушки была всего семь с половиной квадратных метров, часть которых занимала печь, возможно, что там жило несколько человек. Поморы, вынужденные строить очень маленькие зимовья, сберегая плавник для топлива, обычно делали вверху нары, на которых спали, лежа вплотную друг к другу.

Может быть, такие нары были и в этой избушке, от которой сохранилось лишь основание. На коче уходили в море обычно не меньше десяти человек И хотя избушка была очень мала, возможно, что она имела «два жилья» и могла вместить до десятка людей.

Среди кусочков тканей, найденных в избушке, оказались обрывки старинной русской женской одежды — сарафана. Таким образом, подтвердилось предположение, сделанное при осмотре черепов: повидимому, в плавании участвовала и умерла в избушке женщина.

Другие находки тоже во многом подтверждали и дополняли то, что удалось узнать, изучая вещи, найденные участниками научной экспедиции на судне «Норд».

Было найдено много наконечников стрел, которыми поль-

зовались в то время русские люди при охоте, потому что тяжелое огнестрельное ружье — пищаль — употреблялось преимущественно в сражениях. Среди этих наконечников были похожие на маленькие груши наконечники стрел — томары, искусно вырезанные из моржовой или мамонтовой кости так, чтобы при охоте не портились дорогие шкурки соболей. После выстрела охотники разыскивали стрелы с этими наконечниками, так как они стóили дорого.

Стрелы, найденные в избушке на берегу полуострова Таймыр.

На северном острове Фаддея А. П. Окладников и его спутники также нашли много мелких вещей, дополнивших находки, сделанные участниками научной экспедиции тт. Линником и Касьяненко: старинный железный топор, обрывки зеленой ткани, насторожки и стрелы для охоты, бусы.

В одном месте были найдены целые пласты сгнившего меха: повидимому, это была та самая драгоценная пушнина, ради которой поморы уходили в дальнее и опасное плавание к сибирской земле. И тут же лежали мелкие серебряные монеты, такие же, как те, которые были найдены здесь в сентябре 1940 года. Они лежали прядкой, вплотную одна к другой, точно были зашиты раньше в поясе или материи, сгнившей без остатка.

На одном из пластов сгнившего меха лежали тоненькие дощечки, которые были положены как будто для того, чтобы прикрыть пушнину от дождя. Наконец в большом количестве были найдены обломки старинной лодки, уже сильно выветрившиеся, но все же довольно хорошо сохранившиеся.

Почти все находки были сделаны на одном и том же месте, которое было не больше сорока квадратных метров. За

исключением пластов меха, почти все вещи лежали без всякого порядка.

Археологи пришли к выводу, что маленький вал из гальки, отделявший вещи от моря, не сделан человеческими руками: эти камни постепенно выбрасывались морем в непогоду, отлагаясь там, докуда добегали волны. А те вещи, которые были найдены под мелкими камнями или землей, тоже, повидимому, не были спрятаны их владельцами: ветры в течение трех столетий могли занести их землей и галькой.

Вероятно, не была спрятана под тяжелым камнем и пищаль, найденная в 1940 году: сланцевая скала, у которой она лежала, постепенно распадалась на отдельные плиты, — одна из этих тяжелых плит могла придавить и погнуть ружье.

Все эти наблюдения помогли значительно изменить первоначальные предположения о том, при каких обстоятельствах оставлены вещи и деньги на острове Фаддея. Повидимому, никто не укладывал их, с тем чтобы взять, если удастся когда-нибудь вернуться на остров.

Должно быть, они были вытащены на остров и сложены в беспорядке на берегу, после того как случилось несчастье с лодкой или судном, на котором плыли владельцы этих вещей. А потом люди, спасшиеся с разбитого судна, погибли, не успев или не имея возможности выстроить для себя избушку.

Так, изучая место находок и найденные вещи, высказывая различные предположения и тщательно их разбирая, удалось многое узнать о смелых людях, обошедших на своем судне северную часть Таймырского полуострова.

Это были, несомненно, русские мореходы-поморы, вышедшие в дальнее плавание для промысла пушнины и меновой торговли в далеких сибирских землях, вероятно, из Архангельска: в этот город приходили иностранные корабли с товарами, а среди найденных вещей есть компас с солнечными часами и некоторые другие предметы, сделанные не в нашей стране.

Наконечник стрелы томар.

Люди вышли в плавание, вероятно, не позже 1619 года, когда был издан указ, которым запрещалось плавать прямо из Архангельска в Обскую губу, чтобы не показать этот морской путь иностранным купцам, стремившимся пройти туда на своих кораблях, а оттуда дойти по реке Таз до города Мангазеи.

В этом городке была в то время сосредоточена сибирская пушная торговля, которую иноземные купцы мечтали взять в свои руки. Русским промышленникам и купцам после 1619 года разрешалось направляться к устью Оби и в Мангазею только через «Камень» — Уральский хребет.

А монеты, выпущенные при царе Михаиле Федоровиче, оказавшиеся среди найденных денег, показывают, что люди, которым они принадлежали, вышли в море незадолго до указа о запрещении плавания в Мангазею морским путем — вероятно, в 1617 или 1618 году.

Для того чтобы предпринять такое плавание, надо было закупить все нужное для меновой торговли и промысла, приобрести разного рода снаряжение, взять запасы муки и многое другое. На это требовались немалые средства.

Такие затраты обычно делали торговые люди, заключавшие договор с уходившими в плавание промышленниками, часто не имевшими своих средств. Привезенная ими пушнина не только покрывала все издержки торговых людей, но и давала большую прибыль.

Бывали случаи, когда двое-трое зажиточных поморов вскладчину снаряжали коч, уходивший в плавание к дальним берегам. Иногда торговые люди, вышедшие из среды мореходов и промышленников-поморов, сами уходили в плавание на своем судне, лично вели меновую торговлю с сибирскими охотничьими народами и руководили добычей пушнины. А если они оставались дома, то посылали своего доверенного человека — приказчика.

Возможно, что один из погибших в избушке на Таймырском побережье людей, тот, кто носил кафтан из дорогого, тонкого синего сукна, имел нож с резной ручкой и грамоту, вложенную в ножны, был торговым человеком, снарядившим коч.

На костяной ручке этого ножа затейливо и неразборчиво вырезано старинной славянской вязью имя «Акакий». Можно

Мангазея.

Реконструкция музея Арктики в Ленинграде.

предположительно прочитать и его кличку или фамилию: «Мураг».

Русские поморы соприкасались с лопарями, живущими на Кольском полуострове, и знали некоторые их слова. На языке лопарей слово «мур» означает море. Может быть, «мураг» было прозвище, значившее «моряк». Возможно, что этому человеку принадлежали и найденные впоследствии деньги. Но, может быть, он был лишь доверенным оставшегося дома купца. Могло быть и так, что судно снарядили вскладчину два или три зажиточных помора, сами ушедшие в море вместе с нанявшимися к ним мореходами и промышленниками пушнины.

Так или иначе, можно сказать с уверенностью, что эти люди направились сперва в Обскую губу, вошли в устье реки Таз и добрались до городка Мангазеи. Там к осени нередко собиралось много торговых людей и промышленников из разных русских городов и поморских селений. Зимой одни из них вели торговлю, выменивая пушнину на привезенные с собой товары, другие сами уходили на промысел, доходя до Енисея и его притоков.

Мореходы, погибшие потом в избушке на Таймырском по-

бережье и на острове Фаддея, вероятно в Мангазее выменяли и добыли драгоценную пушнину, остатки которой были через триста с лишним лет найдены на пустынном берегу.

Обычно промышленники, перезимовав в Мангазее, весной снаряжались в обратный путь. Но находились смелые, сильные и предприимчивые люди, решавшиеся плыть дальше в поисках новых рек, по берегам которых живут и кочуют сибирские охотничьи племена.

Акакий и его товарищи, вероятно, дошли на своем маленьком судне по речным притокам до Енисея, а затем спустились по этой реке к Ледовитому океану, чтобы плыть дальше на восток вдоль еще не изведанных берегов. Они знали, что все большие реки впадают в море и, преодолев опасности, можно дойти до устья одной из них, где еще не бывали русские. Поднявшись потом вверх по этой реке, наверное можно было найти юрты живущих там народов.

Туземные охотники, впервые видевшие металлические изделия, обычно готовы были отдать за них любой мех. За медные котлы давали иногда столько драгоценных собольих шкурок, сколько помещалось в котле. За хорошую иглу можно было нередко получить мех, который в русских городах стоил в несколько сот раз больше, чем эта иголка. И даже простые промышленники, уходившие к еще не изведанным берегам на судне, снаряженном торговыми людьми, надеялись привезти домой соболей.

Но по мере того как Акакий и его товарищи, плывя вниз по Енисею, приближались к Ледовитому океану, всё пустыннее становились берега. У Таймырского полуострова мореходы, по всей вероятности, встретили лед. Чем дальше продвигались они на северо-восток, тем труднее делалось плавание. А на берегу были только голые камни да болотистая тундра, и нигде не было видно людей.

Вероятно, не раз приходилось с трудом отыскивать проход среди льдин, преграждавших путь. Но мореходы упорно и смело шли вперед, хотя берега выглядели всё более безотрадно.

В конце лета или в начале осени мореходы миновали обледенелые скалы мыса, который впоследствии был назван именем штурмана Челюскина. Берег полуострова повернул на юго-восток, но льды все чаще преграждали путь, и в конце

концов пришлось остановиться, чтобы выбрать место для зимовки.

Акакий Мураг и его спутники сделали это умело, выбрав залив, на берегу которого валялся плавник, и хорошо построив такую избушку, какие поморы строили не раз на берегах Ледовитого океана, когда не удавалось во-время вернуться домой.

Можно было надеяться, что удастся запастись на зиму мясом оленей. Но это не удалось. Припасов для зимовки было недостаточно.

Чтобы не умереть от голода, пришлось охотиться на песцов, стреляя их из луков и поставив ловушки, в которые они легко попадались.

Когда наступила полярная ночь, мороз и ветры, особенно страшные на голом берегу, подолгу мешали выйти из избушки. Лишь с тяжелыми усилиями и страданиями удавалось добывать для топлива занесенный глубоким снегом плавник.

И случилось то, что обычно бывало во время таких зимовок: истощенные, скученные в дымной избушке люди начали болеть цынгой.

Возможно, что когда пришла весна, трое были тяжело больны, а у остальных в большей или меньшей степени подорвано здоровье: они чувствовали слабость и вялость и с усилием передвигали опухшие ноги.

Прилетели утки и гуси, началась охота, и больные несколько поправились. Но Акакий и двое других, может быть, были слишком слабы, чтобы продолжать плавание. Возможно, что они надеялись оправиться за лето, оставшись в избушке, и рассчитывали, что их товарищи вернутся за ними, если дойдут благополучно до жилых мест. Среди оставшихся была и женщина, которая, может быть, не могла или не пожелала их покинуть.

Деньги и меновые товары — медные котлы, бусы, иголки — были бесполезны на этом безлюдном берегу. Но их все же разделили пополам.

Трое остались жить в избушке, а несколько человек, может быть преодолевая болезнь и слабость, вышли в море. Они направились дальше на юго-восток, так как знали, что позади на очень большое расстояние тянется безлюдный и

пустынный берег и нехватит сил совершить длинный обратный путь.

Возможно, что не было попутного ветра, а ослабевшие люди с трудом могли грести. Может быть, у берегов еще местами держался лед — береговой припай, как его называют мореходы, — и потому пришлось отойти подальше от земли, или непогода, с которой трудно было бороться ослабевшим людям, отнесла их к острову Фаддея. Они отошли всего на шестьдесят верст от места зимовки, но, наверно, им понадобилось по крайней мере несколько дней, чтобы пройти это расстояние.

Цынга, затихшая с наступлением лета, иногда сразу вспыхивает с новой силой, когда болевшие ею люди начинают напрягать силы и снова испытывать лишения.

Вероятно, судно, занесенное непогодой к северному острову Фаддея, ударилось о подводные камни и было сильно повреждено. Самые слабые, может быть, не смогли спастись. Но двое или трое с трудом выбрались на берег, вытащили вещи и сложили их недалеко от моря. Волны выкинули и разбитое маленькое судно.

Спасшиеся люди прикрыли досками драгоценные меха соболей, ради которых пережили столько опасностей и лишений. Но на этом необитаемом островке смелых мореходов, судно которых больше не годилось для дальнейшего плавания, ожидала неминуемая смерть.

Из немногих неровных стволов плавника, валявшихся в разных местах на берегу, может быть нельзя было построить жилье. Возможно, что ослабевшие, больные люди, потерявшие надежду на спасение, даже не попытались это сделать и вскоре умерли один за другим. Их тела съели песцы или белые медведи, а вещи и деньги пролежали у берега моря больше трехсот лет, пока их не нашли случайно участники научной экспедиции в сентябре 1940 года.

Такова вероятная история плавания погибших мореходов. Возможно, что она была в действительности несколько иной. Но несомненно во всяком случае, что эти отважные, умелые моряки и охотники-поморы прошли на своем маленьком судне по северному морскому пути до тех мест, куда в течение двух с половиной веков после них не удавалось пройти ни одному кораблю.

В АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ

Прошло больше ста тридцати лет с тех пор, как Виллем Баренц сделал последнюю попытку пройти через Ледовитый океан в Китай, но дошел лишь до северо-восточного берега Новой Земли.

Снова была предпринята экспедиция, которая должна была обследовать весь северный морской путь. Но на этот раз вышли в плавание русские мореплаватели. Им было уже ясно, что нельзя без предварительных исследований сразу пройти вдоль северных берегов Европейской России и Сибири. Они хотели изучить этот морской путь по частям и были готовы провести многие годы в борьбе со льдами.

В начале 1730 года в Петербург вернулся капитан Витус Беринг, руководивший Камчатской экспедицией, продлившейся пять лет.

До этого путешествия даже самые выдающиеся европейские ученые не знали наверное, есть ли пролив между Азией и Америкой.

Вопрос этот интересовал не только географов.

Если бы оказалось, что между Азией и Америкой нет пролива, то пришлось бы отказаться от мысли пройти северо-восточным морским путем из Европы в Китай. Было бы доказано, что Баренц и другие мореплаватели напрасно надеялись обогнуть морем северо-восточный угол Азии.

Еще в 1714 году корабельный инженер, или, как говорили в то время, корабельный мастер, Федор Степанович Салтыков, человек образованный и предприимчивый, не раз подававший Петру Первому проекты разных новых мероприятий, составил докладную записку, одна из глав которой называлась: «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая». Он писал о том, что надо построить суда и послать их в плавание от устьев Двины, Оби и Лены для исследования северо-восточного морского пути до берегов Китая и Японии.

Отец Ф. Салтыкова был сибирским воеводой с 1690 по 1696 год и жил в эти годы в Тобольске. Ф. Салтыков приезжал туда к отцу и, вероятно, уже в то время понял, какое значение может иметь плавание по Ледовитому океану вдоль берегов Сибири.

Салтыков доказывал, что этот новый морской путь даст возможность развивать торговлю не только с Китаем, но и с Индией. Подавая свой проект Петру Первому, Салтыков писал:

«Пробу никому иному так удобно чинить, как вашему величеству из вашего государства».

А знаменитый в то время ученый Лейбниц писал Петру Первому о том, что экспедиция в восточной части Ледовитого океана имеет большое значение для науки. Дойдя на кораблях до северо-восточного угла Азиатского материка и попытавшись обогнуть его, можно было бы окончательно выяснить, существует ли пролив между Азией и Америкой.

В январе 1719 года Петр Первый послал на Камчатку для составления карт двух геодезистов — Евреинова и Лужина. Им было предписано разузнать и о том, «сошлась ли Америка с Азией». А незадолго до своей смерти Петр Первый приказал построить корабль в Охотске или на Камчатке и отправить его в плавание на север, чтобы окончательно установить, есть ли пролив между Азией и Америкой.

Начальником этой экспедиции назначили капитана Беринга.

До этого назначения Беринг двадцать лет плавал по Балтийскому морю. Но пять лет, которые ему пришлось провести в Сибири, оказались труднее, чем предыдущие двадцать лет службы в российском флоте.

Обоз экспедиции выехал в январе 1725 года. Почти два года ушло на то, чтобы перевезти из Петербурга в маленький Охотск все нужное для постройки корабля.

Тяжело нагруженные сани медленно тащились по узкой ухабистой дороге между высокими сосновыми лесами. Летом неуклюжие большие лодки — дощаники — везли грузы экспедиции по многоводным сибирским рекам.

Изредка встречались бревенчатые города и сибирские крепости — остроги, обнесенные высоким частоколом с деревянными башнями по углам.

Из Якутска в Охотск тысячу верст везли поклажу на вьючных лошадях по едва проходимой тропе.

В Охотске Беринг построил судно и переплыл через Охотское море на Камчатку. Потом переправляли грузы на восточный берег Камчатки по рекам на узеньких камчадальских

Адмиралтейство.

С гравюры XVIII века.

лодках и по суше — на собаках. Берингу не раз приходилось ночевать в снегах и в дымных подземных жилищах камчадалов.

Наконец в 1728 году небольшой бот «Гавриил», построенный на Камчатке, вышел в плавание по Тихому океану. Полтора месяца плыли к северу мимо голых берегов малонаселенной земли. Только раз за это время встретили местных жителей. с берега Чукотского полуострова приплыли на корабль чукчи.

В море, казалось, было больше жизни, чем на земле. С палубы бота моряки видели фонтаны, которые выбрасывали киты; круглые головы тюленей то и дело высовывались из воды почти около самого корабля.

Корабль Беринга благополучно прошел вдоль восточного берега Чукотского полуострова. Потом берег круто повернул на запад. Впереди, насколько хватал глаз, была видна чистая вода.

Беринг понял, что ему удалось дойти до Ледовитого океана.

Вопрос о существовании пролива между Азией и Америкой был решен.

Но экспедиция должна была не только выяснить, можно ли пройти на корабле между Азией и Америкой. Петр Первый хотел, чтобы Беринг дошел до Северной Америки и выяснил, можно ли завязать торговлю с народами, которые там живут.

Когда Беринг шел проливом между Азией и Америкой, он был в нескольких десятках километров от американского берега, но не знал об этом.

Впрочем, если бы Беринг и установил, что Америка находится близко от Чукотской земли, нельзя было думать о торговле этим путем. В пустынном и малодоступном Чукотском крае жили воинственные чукчи. Русские купцы не могли безопасно проезжать через их землю.

Важнее было узнать, далеко ли Америка от Камчатской земли.

На Камчатке сибирские казаки уже построили свои крепости — остроги. Сюда приезжали охотники и купцы.

В сентябре 1728 года Беринг вернулся на Камчатку. Следующим летом он снова вышел в плавание. На этот раз он

направил свой бот от Камчатки прямо на восток. Беринг думал, что скоро увидит Америку. Но погода стояла плохая, не было попутного ветра, все время шли в густом тумане.

Беринг торопился, потому что должен был в конце лета выехать в Петербург. И ему снова пришлось вернуться назад, не дойдя до Америки.

Возвратившись в Петербург, Беринг начал составлять рапорт о своей экспедиции.

«Какую пользу принесла экспедиция? Что делать дальше?» спрашивал себя Беринг.

Удалось установить, что между Азией и Америкой есть пролив. Но ограничиться этим — значило остановиться на половине пути. Невольно возникал вопрос: можно ли дойти до этого пролива морским путем вдоль северных берегов Европейской России и Сибири?

Баренц не смог пересечь Карское море. Но со времени Баренца наука мореплавания ушла вперед. Корабли стали более пригодны для дальнего плавания. Не пора ли снарядить экспедицию, чтобы обследовать путь от одного из важнейших российских портов — Архангельска — до пролива между Азией и Америкой?

С Камчатки надо было послать другой корабль, который мог бы пробыть в плавании столько, сколько будет нужно. Капитан этого корабля должен был выяснить, можно ли завязать торговлю с Америкой.

К югу от Камчатки лежала еще одна страна, о которой в то время знали очень мало, — Япония. Следовало отправить корабль и к Японским островам.

Так мало-помалу у Беринга сложился план второй экспедиции, еще более значительной, чем первая. Этот план был во многом близок к тому проекту, который Федор Салтыков подал в 1714 году Петру Первому.

Новая экспедиция, по мысли Беринга, должна была решить две задачи, в сущности не связанные между собой. Одним кораблям предстояло обследовать путь вдоль берегов Северного Ледовитого океана; другие корабли должны были итти по Тихому океану — к Америке и Японии.

В апреле 1730 года Беринг составил план экспедиции и подал его в Адмиралтейств-коллегию, управлявшую российским флотом.

Два года обсуждалось предложение Беринга в Адмиралтейств-коллегии, в Академии наук и в Сенате.

Адмиралтейств-коллегия состояла в то время из моряков, которые большую часть своей службы провели при Петре Первом. Почти все они прошли суровую школу: начали с низших должностей и долго плавали на кораблях, прежде чем дослужились до адмиральского или капитан-командорского чина.

Они не боялись новых проектов и предложение Беринга встретили сочувственно.

Беринг предлагал обследовать северный морской путь по частям. Одно судно нужно было отправить из Архангельска до Енисея. В то же время другое судно должно было выйти из устья Енисея и дойти до Лены. Кроме того, Беринг предлагал отправить из Охотска или с Камчатки два судна: одно на восток, к Америке, а другое на юг, к берегам Японии.

В Адмиралтейств-коллегии согласились с Берингом, но нашли, что два корабля не справятся с таким огромным делом.

— Надобно думать, что в плавании сем великие препятствия ото льдов встретятся. Мыслимо ли, чтобы два корабля прошли благополучно и описали весь путь от Архангельска до устья Лены? — говорили в Адмиралтейств-коллегии.

Решено было, что два судна пройдут путь от Архангельска до устья Оби.

Одно судно должно было выйти из устья Оби и дойти до Енисея. Описав морской путь между Обью и Енисеем, оно могло пройти дальше, до реки Хатанги.

Два судна решили отправить из устья Лены: одно на запад, до Енисея, другое на восток, чтобы обследовать путь от устья Лены до пролива, разделяющего Азию и Америку. Затем судно должно было направиться к устью Анадыря.

Число кораблей, которые отправлялись к берегам Америки и Японии, тоже решили значительно увеличить.

Такая большая экспедиция должна была дорого стоить государству. Дело перешло в Сенат, который в то время обсуждал все важные государственные вопросы и утверждал новые расходы.

— Экспедиция трудная и никогда прежде не бывалая, — указывали сенаторы.

Но в случае успеха это дело сулило большие выгоды государству. Проложив путь в Америку, можно было завести с ней торговлю. Могло увеличиться поступление сибирской пушнины в государственную казну. На севере и северо-востоке Сибири кочевали народы, платившие государству подать дорогими мехами.

«Скуден и нищетою одержим сей народ, но ясак или дани их дрожайшие. Труды их и промыслы премногие богатства в казну царскую собирают», говорилось о сибирских остяках в одной рукописной книге, написанной в царствование Петра Первого.

— Ежели сия экспедиция откроет новые пути к сибирским кочующим народам, то немалую пользу принесет государству, — рассуждали сенаторы.

Корабли экспедиции должны были пройти вдоль сибирских берегов Ледовитого океана. Места эти были совсем неизвестны. В Сенате полагали, что там могут оказаться ценные руды. Сенат потребовал, чтобы к экспедиции были прикомандированы рудознатцы.

Так план экспедиции, составленный капитан-командором Берингом, был после обсуждения углублен и расширен. Такая значительная экспедиция для исследования еще не изученных морских путей, в которой должны были одновременно принять участие столько кораблей и людей, никогда не предпринималась до тех пор не только в России, но и в других государствах.

В апреле 1732 года обер-секретарь Сената приготовил указ, написанный от имени императрицы.

На российском престоле в это время сидела Анна Иоанновна. Неумная и грубая женщина, она совсем не заботилась о государственных делах. Указ о посылке экспедиции она подписала, вероятно, даже не читая.

Теперь Адмиралтейств-коллегия должна была заняться подготовкой экспедиции.

Это было очень большое, сложное и хлопотливое дело. Но член коллегии вице-адмирал граф Головин охотно и усердно ему содействовал.

Николай Федорович Головин в некоторых отношениях походил на других сановников того времени. Так же как и они, Головин выпрашивал имения у императрицы и заискивал пе-

ред ее любимцем, обер-камергером Бироном. Но в отличие от многих сановников, он был образован.

Николай Головин был сын одного из ближайших сотрудников Петра Первого, генерал-адмирала Федора Головина, получившего графский титул за свои заслуги. По приказу Петра, Федор Головин отдал своего сына учиться в школу математических и навигацких наук. Потом царь послал юношу за границу.

— Учись практике морского хождения, — сказал ему Петр перед отъездом.

Молодой Головин отправился в столицу Голландии — Амстердам. По просьбе русского посла, его приняли для обучения в голландский флот. Он служил на голландских кораблях, плававших по Остзее. Потом уехал в Англию. На военном корабле он ходил по Средиземному морю, побывал в Смирне, у берегов Египта и на Кипре.

Когда Головин вернулся наконец в Россию, его назначили лейтенантом в Балтийский флот.

Через десять лет он был уже контр-адмиралом, или шаубенахтом, как тогда назывался этот чин.

Когда в Адмиралтейств-коллегии обсуждался вопрос о посылке экспедиции, Головин внес новое предложение.

— Экспедиция сия, можно сказать, на две части делится. Одним кораблям надлежит пройти подле берегов Холодного океана. Польза сего вояжа бесспорна. Другие корабли требуется построить в Охотске либо на Камчатке, дабы отправить к Америке и Японии. Для них надобно будет с превеликим трудом и весьма долго тащить через всю Сибирь материалы, орудия и такелаж в Охотск либо на Камчатку. А нельзя ли сии последние корабли, здесь построив и снарядив, отправить кругом Африки, мимо Индии и Китая в Охотский порт? А оттуда плыть в Америку и Японию, — говорил Головин.

Это было очень смелое предложение: российские корабли дальше европейских портов в то время еще не ходили.

Адмиралтейств-коллегия не решилась дать согласие на такое опасное плавание вокруг Африки или Южной Америки.

Только через семьдесят лет, в 1803 году, российские корабли под командой Крузенштерна и Лисянского впервые совершили плавание по этому пути.

Став президентом Адмиралтейств-коллегии, Головин начал всемерно содействовать экспедиции, которая должна была исследовать новый морской путь по Ледовитому океану.

Головин требовал вместе с тем, чтобы участники ее не останавливались ни перед какими трудностями.

В феврале 1733 года моряки выехали из Петербурга. Великая северная экспедиция началась.

К УСТЬЮ РЕКИ ОБИ

Капитан Архангельского порта Мятлев получил из Адмиралтейств-коллегии указ: построить два судна и снарядить их в плавание к устью реки Оби.

Адмиралтейств-коллегия предписывала предварительно посоветоваться с рыбаками и охотниками, которые не раз ходили на далекий промысел в Карское море. Они должны были сказать, какие суда наиболее пригодны для плавания среди льдов.

— Надобно потолковать со стариками-поморами. Они недаром говорят: наше море — наше поле. Каждый год с весны и до осени на море живут, — сказал Мятлев.

От Архангельска до моря считалось по реке верст тридцать, но он мог быть назван приморским городом.

Летом у пристаней на Северной Двине всегда стояли суда с товарами для отправки за границу: с мукой, льном, пенькой, смолой. На пристанях были нагромождены тюки и бочки. На реке виднелись флаги иностранных кораблей. А на берегу стояло большое двухэтажное каменное здание с башенками — гостиный двор, в котором помещались конторы и склады иноземных и русских купцов.

В базарные дни в Архангельск приплывали в лодках поморы со всей округи. Нередко они прибывали и издалека — с Мезени и Печоры.

Среди поморов нетрудно было найти людей, много плававших по северным морям. Об опытных мореходах с уважением говорили:

— По морю староходец и знатец.

Капитану Мятлеву привели поморов, не раз доходивших

Корабли у Архангельска.

С гравюры начала XVIII века.

на своих кочах до полуострова Ямал, за которым лежит Обская губа.

Они предпочитали не обходить морем полуостров Ямал, а переправляться через него по рекам и озерам, кое-где перетаскивая суда волоком, чтобы попасть в Обскую губу. Они знали, однако, что можно и обогнуть этот полуостров по морю, но тогда, может быть, придется употребить на плавание от Архангельска до Оби два лета.

— Дойти морем до Оби в одно лето трудно. В одно лето дойдешь только до Печоры. Можно бы и дальше пройти, до Ямала, да там зимовать негде. Зимовать удобно на Печоре, в городе Пустозерске. А на другое лето можно и до Оби дойти, — говорили поморы.

В Архангельске в 1733 году уже была заложена верфь, чтобы строить большие корабли по всем правилам тогдашнего кораблестроительного искусства, но она могла быть готова не ранее как через год. А суда для экспедиции надо было строить теперь же.

Поморы ходили вдоль берегов Белого и Карского морей на небольших судах — кочах. Плоскодонные кочи мелко сидели в воде, и на них можно было совершать плавание только вблизи берега.

Бывалые люди, с которыми советовался Мятлев, говорили, что и для экспедиции следует взять кочи. Построить их можно в короткий срок: жители некоторых деревень вблизи Белого моря славились умением делать лодки и кочи.

Капитан Мятлев поступил так, как советовали поморы. Подряд на постройку двух кочей был дан мастерам — крестьянам из деревни Островной на реке Пинеге.

К лету 1734 года кочи построили. В длину они имели всего двадцать один метр, а в ширину — восемь метров. Один из них назвали «Экспедицион», другой — «Обь».

Командирами назначили двух лейтенантов: Муравьева и Павлова. Оба лейтенанта давно служили во флоте и знали навигацию, как называли тогда науку мореплавания.

Но командир судна, отправляющегося в далекую и трудную экспедицию, должен не только уметь управлять кораблем: ему необходимы настойчивость, смелость и вместе с тем осторожность. Он должен уметь ободрять команду и служить ей примером.

В Адмиралтейств-коллегии знали, что Муравьев и Павлов не новички в морском деле, но какие они люди, никто не позаботился узнать. Это было большой ошибкой.

Команду набрали частью из матросов, частью из бывалых людей. На каждое судно наняли по два кормщика, которые не раз правили кочами, ходившими на промысел по северным морям.

Отплытие кочей назначили на 4 июля[1].

Утром 4 июля лейтенанты Муравьев и Павлов надели парадную форму: кафтаны василькового цвета с золочеными позументами, короткие красные штаны, белые чулки и башмаки с посеребренными пряжками. Матросы, в новых парусиновых бострогах, похожих на короткое пальто, в башмаках, чулках и шерстяных вязаных шапках, заняли свои места.

На одном коче поместилось двадцать пять, а на другом — двадцать шесть человек.

На пристани столпились провожающие. Главный командир Архангельского порта контр-адмирал Бредаль и капитан Мятлев в последний раз осмотрели кочи и пожелали благополучного плавания. Матросы из музыкантской команды Архангельского порта торжественно затрубили в длинные медные трубы. Кочи дрогнули и медленно поплыли вниз по реке.

---

[1] Даты приводятся по счислению, принятому в XVIII веке, то-есть на одиннадцать дней раньше, чем по новому стилю, принятому в наше время. 4 июля 1734 года соответствует 15 июля нового стиля.

Выйдя в Белое море, взяли курс на восток.

Муравьеву и Павлову дана была инструкция «осматривать море близ берегов, где имеются места неизвестные и особливо опасные».

Приходилось часто измерять глубину и делать записи в корабельном журнале.

— Место костливое. Того и гляди, на коргу попадешь, — не раз предупреждали бывалые люди.

Это значило, что где-то вблизи должна быть каменистая мель. Командиры приказывали убавить паруса и медленно итти вперед, тщательно делая промеры.

Три недели шли «Обь» и «Экспедицион» до острова Вайгач, который лежит между Новой Землей и материком. Наконец 25 июля кочи вошли в Югорский Шар — пролив, отделяющий Вайгач от материка. Югорским Шаром обычно проходили в Карское море. Здесь сделали остановку.

Вайгач, пустынный, унылый и безлюдный зимой, оживал в летние месяцы. Несметное количество гусей, лебедей и уток гнездилось на острове. На низких голых берегах ярко цвели желтые цветы маков на светлозеленых мохнатых ножках, а дальше, там, где начиналась тундра, виднелись голубые незабудки.

По острову бродили ненцы, на летние месяцы перекочевывавшие сюда со своими стадами. На Вайгаче в изобилии рос белый мох ягель, который едят олени. Здесь можно было охотиться на тюленей, гусей и уток.

Муравьев и Павлов отправили штурмана произвести опись берега Вайгача. Лейтенанты хотели во время этой остановки начать меновую торговлю с ненцами. Экспедиция была снабжена самыми разнообразными товарами — от ножей и топоров до разноцветных бус включительно.

«Для подарков кочующим народцам», сказано было в сенатском указе о снаряжении экспедиции.

Конечно, предполагалось, что подарки эти не будут бескорыстны. В обмен на мелкие товары можно было дешево приобрести у ненцев оленей и теплую одежду.

Но на этот раз ненцы, повидимому, кочевали в другой части Вайгача, и обмен пришлось отложить.

Четыре дня провели «Обь» и «Экспедицион» в Югорском Шаре

БАРЕНЦОВО МОРЕ
пролив Маточкин Шар
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
КАРСКОЕ МОРЕ
пролив Малыгина
о. Белый
П-ОВ ЯМАЛ
пролив Карские Ворота
Югорский Шар
о. Вайгач
пролив
о. Колгуев
П-ОВ КОЛЬСКИЙ
БЕЛОЕ МОРЕ
Мезень
Архангельск
Пустозерск
Печора
Обдорский острог
Обь
Березов

— — —	Путь Муравьева и Павлова в 1734 г.
———	" " 1735 г.
········	Малыгина в 1736 г.
– – –	" " 1737 г.
	Зимовка судов
	Зимовка на берегу

КАРТА ПЛАВАНИЙ ЛЕЙТЕНАНТОВ МУРАВЬЕВА, ПАВЛОВА И МАЛЫГИНА. Масштаб 100 0 100 200 км

29 июля вышли из Югорского Шара в Карское море. Кормщики заранее предупреждали, что Карское море часто бывает забито льдами. Однако перед кочами простиралась чистая вода.

«Кормщики и бывалые люди весьма удивлялись, ибо они от тех льдов имеют нужду и пропадают много», сделал запись лейтенант Муравьев.

Дул попутный ветер. На кочах подняли все паруса.

«Кормщики и бывалые люди и сами не много далее Вайгача путь знают», писал потом Муравьев.

«Обь» и «Экспедицион» вскоре подошли к полуострову Ямал. Здесь, в устье реки Мутной, они набрали пресной воды.

Берег был кочковатый и безлесный. Там и сям валялись выкинутые морем деревья. Взяли запас дров и пошли вдоль берега на север. Однако скоро противный ветер заставил кочи вернуться в Мутный залив.

15 августа «Обь» и «Экспедицион» опять вышли в море. На этот раз ветер дул попутный. Через три дня дошли до 72° 35′ северной широты. Отсюда было уже недалеко до северного берега полуострова. Но ветер изменился и задержал кочи. Лейтенанты боялись, что осень застанет их у незнакомых, безлюдных и пустынных берегов, и решили повернуть обратно.

Кочи поставили зимовать на реке Печоре, а лейтенанты с командой уехали на зимовку в город Пустозерск, который находился недалеко от реки Печоры.

«Плавание совершили благополучно, хотя многие имели нужды, а особливо от незнаемых берегов, которые весьма имели от себя далекую отмель. И от тамошнего воздуха почитай все хотя несколько времени пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячкой, больными», писал Муравьев Адмиралтейств-коллегии из Пустозерска.

Город Пустозерск стоял вблизи озера, которое называлось Пустым. На самом деле озеро совсем не было пусто — в нем водилась разная рыба. Пусто было вокруг — однообразные желтые пески, поросшие невысокими кустами.

В городе было до сотни бревенчатых изб и несколько деревянных башен. В башнях виднелись бойницы. Когда-то

Северный русский поселок.

С гравюры по рисунку XVII века.

Пустозерск был построен как крепость, чтобы охранять русских людей, собиравших ясак с ненцев.

— Пустозерцы рыбу ловят, нерпу да моржа промышляют, оленей держат, а пуще всего с самоедами торгуют, на мелкие товары дорогие меха выменивают, — говорили про жителей Пустозерска.

От Пустозерска до ближайшего большого города — Архангельска — считалось тысяча верст без малого.

Об этом заброшенном городке в столице вспоминали обычно тогда, когда отправляли кого-нибудь в далекую ссылку. И Пустозерск был известен больше всего именами ссыльных. Здесь был заточен старообрядец протопоп Аввакум, обличавший царя Алексея Михайловича; потом жил князь Василий Васильевич Голицын, приверженец сестры Петра Первого, царевны Софьи.

Население города состояло по большей части из промышленников и мелких торговцев.

Зимой жизнь в Пустозерске шла скучно и однообразно. Лейтенанты Муравьев и Павлов должны были бы позаботиться о команде, занять людей каким-нибудь делом. Но оказалось, что командиры кочей были выбраны неудачно.

За зиму дисциплина в команде сильно ослабела. Для экспедиции эта зимовка оказалась вреднее, чем опасное плавание во льдах.

Наступило лето 1735 года. Муравьев и Павлов долго ожидали, пока Карское море несколько очистится ото льдов, и вышли из устья Печоры только 29 июня. Они решили, прежде чем направиться к Ямалу, итти к острову Вайгач, чтобы закончить опись его берега, которая была начата в прошлом году.

Простояв некоторое время в Югорском Шаре, кочи попытались выйти в Карское море. Однако летом 1735 года Карское море было не таково, как в предыдущем году: льды преградили им путь.

«Обь» и «Экспедицион» вернулись в Югорский Шар.

Восточные ветры нагнали лед и туда.

— И так были в том море ото льдов утеснены, что принуждены стоять на мелях, и день и ночь разными способами от оных отбиваться, и едва могли спастись, — рассказывал потом лейтенант Муравьев.

В конце концов суда вышли в Карское море и взяли курс на северо-восток. Но льдины мешали итти вперед, и нередко приходилось расталкивать их шестами.

18 августа в туманную погоду корабли потеряли друг друга из виду. Через пять дней Муравьев достиг, по его исчислению, широты 73°4′ и повернул обратно. Лейтенант Павлов прошел на несколько миль дальше к северу и тоже вернулся.

Девятого сентября «Обь» и «Экспедицион» встретились около устья Печоры. Кочи стали на зимовку, а лейтенанты с командой опять поселились в Пустозерске.

Отсюда Муравьев послал рапорт в Адмиралтейств-коллегию. Он объяснял неудачу плавания неповоротливостью и тихим ходом кочей.

«Лавировать и на дрейфе лежать никакими мерами невозможно», жаловался лейтенант.

Муравьев полагал, что корабли, которые строились в русском флоте — боты и дубель-шлюпки, — были бы пригоднее для дальнего и трудного плавания. Он просил коллегию сделать для экспедиции вместо кочей два новых корабля и настаивал на том, чтобы ему разрешили купить стадо оленей и отправить его к северу по берегу Ямала. Корабли должны были итти вдоль берега, и команда их могла бы питаться свежим оленьим мясом.

Муравьев писал также, что надо послать двух геодезистов описывать берег Ямала со стороны суши. Это значительно облегчит составление карты, а знаки, которые они поставят в разных местах на берегу, помогут морякам на кораблях благополучно пройти вблизи побережья Ямала.

Хотя в первые два года дойти до Обской губы не удалось, коллегия предписала продолжать работу.

«До окончания в совершенстве по инструкции оной экспедиции возвращения оттуда не будет», постановила коллегия.

Сенат, по докладу Адмиралтейств-коллегии, дал указ построить два судна на архангельской верфи и закупить оленье стадо в двести голов. Местным властям было велено делать для экспедиции все, что возможно.

Между тем лейтенанты, живя в Пустозерске, ссорились и посылали друг на друга жалобы в Адмиралтейств-коллегию.

А один из кормщиков, Язжин, писал, жалуясь на обоих командиров:

«От несогласия оных лейтенантов в окончание ту экспедицию привести не могли».

Жители Пустозерска писали жалобы на лейтенантов, утверждая, что терпят от них обиды и притеснения.

Нравы в то время были еще крайне грубы. На городских площадях часто били кнутом и плетьми осужденных за мелкие преступления. И даже образованные люди нередко заканчивали ссору дракой.

Когда из Архангельска к воеводе прибыл солдат с требованием прислать отчет, Муравьев избил его.

9 декабря был торжественный праздник — именины императрицы Анны Иоанновны. Захмелев, Муравьев ударил палкой рудознатца Одинцова, дружившего с лейтенантом Павловым.

Одинцов, тоже нетрезвый, крикнул:

— Слово и дело!

В то время это были страшные слова.

«Слово и дело!» кричал тот, кто хотел объявить властям об измене родине, о злоумышлении против царя или о служебном преступлении.

Всякого, кто крикнул: «Слово и дело!», полагалось отправить под стражей в Петербург, в Тайную канцелярию. Здесь его допрашивали, хватали оговоренных им людей, пытали и нередко казнили.

3*

Одинцова отослали в Петербург.

На допросе в Тайной канцелярии Одинцов обвинял Муравьева в служебных преступлениях. Он рассказал, между прочим, что по вине Муравьева «Обь» и «Экспедицион» в 1735 году слишком поздно вышли в плавание. Одинцов говорил, будто Муравьев умышленно не довел плавание до конца и настоял на том, чтобы повернуть суда обратно.

Муравьев и Павлов были отданы под суд.

Комиссия, разбиравшая их дело, нашла, что хотя они действовали без злого умысла, но во многом виноваты

«За многие непорядочные и нерадетельные, леностные и глупые поступки лишить их лейтенантских рангов и написать в матросы», постановила комиссия.

Адмиралтейств-коллегия назначила начальником экспедиции лейтенанта Степана Гавриловича Малыгина.

Малыгин приехал в Пустозерск 1 мая 1736 года и принял начальство над экспедицией.

Малыгин был человек уже немолодой, суровый до жестокости. Он происходил из очень небогатой семьи. В деревеньке, которой он владел вместе с братом, было всего девять душ. Малыгин был одним из тех морских офицеров, которые говорили про себя:

«Ежели бы не жалованье, и есть было бы нечего».

Науку мореплавания Малыгин знал хорошо. Еще лет за пять до своего назначения в экспедицию он составил руководство для моряков — «Сокращенную навигацию по карте редукцион».

«Все проблемы чинно и правильно решены, и полезна оная книжица, чтоб под ее предводительством обучение производить» — такой отзыв дала Академия наук о книжке Малыгина.

Приехав в Пустозерск, лейтенант Малыгин сразу увидел, что за долгие месяцы зимовки дисциплина сильно расшаталась. Люди отвыкли от работы и неохотно выполняли приказания.

Малыгин сразу проявил себя как строгий командир. Он сам был деятелен и много требовал от других.

Впоследствии его подчиненные жаловались Адмиралтейств-коллегии на то, что он обращался с ними слишком жестоко.

Река Кара, узкая и быстрая в верховьях, широка и тиха около устья. Ее чистая вода очень прозрачна. Перегнувшись через край лодки, можно видеть, как мелькают в глубине реки, точно тени, быстрые и сильные харпусы.

Когда экспедиция снаряжалась в Архангельске, поморы посоветовали взять невод. Теперь этот невод сослужил важную службу. Малыгин приказал ловить рыбу в реке Каре, чтобы обеспечить команду свежей пищей. Бывалые люди, составлявшие вместе с матросами команду ботов, охотно принялись неводить.

— Когда у нас пола мокра, то и брюхо сыто, — повторяли они поморскую поговорку.

Рыбная ловля продолжалась всю осень.

От берега реки протянулась вдаль кочковатая тундра. Кое-где виднелись уже пожелтевшие листики стелющейся по земле полярной ивы. Разноцветные мхи — зеленые, красноватые, бурые — покрывали тундру точно ковром, на котором поблескивали мелкие озерки.

Мхи служили хорошим кормом оленям. Ветры, дувшие вблизи моря, отгоняли мошку и комаров, от которых немало страдали люди и животные вдали от побережья. Поэтому ненцы пригоняли свои оленьи стада к побережью и до заморозков кочевали недалеко от устья Кары, ловя рыбу и охотясь на гусей и уток, которых было много в этих местах.

В свое время, набирая команду в Архангельске, подыскали двух бывалых людей, которые имели дело с ненцами и знали их язык. С их помощью Малыгин выменял у кочевавших в окрестностях реки Кары ненцев оленье мясо и меховые одежды для команды.

Малыгин оставил для охраны ботов десять человек вместе со штурманом и подлекарем. Бо́льшую часть команды он решил перевести на зиму в Обдорский острог, который стоял около устья Оби. Таким образом, можно было избавить людей от тяжелой зимовки на берегу Кары.

Ненцы обязаны были ежегодно платить подать мехами — ясак.

Но многие из них предпочитали не дожидаться сборщиков ясака, нередко требовавших лишнее, и сами отправлялись в Обдорский острог.

Ненец.

С гравюры начала XVIII века.

Малыгин нашел среди этих ненцев проводников в Обдорск.

На длинных легких санках — нартах — помещался обычно один человек с небольшим грузом. В нарты впрягали пять оленей. Для того чтобы перевезти команду Малыгина в Обдорск, потребовалось несколько сот оленей, много нарт и людей.

Олени всегда составляли главное богатство всех народов, живущих на севере. Эти животные не только доставляли им мясную пищу, но и заменяли лошадей. Еще в 1715 году Григорий Новицкий, составивший обстоятельную рукописную книгу об остяцком народе, писал о том, почему нельзя пользоваться лошадьми при поездках на Крайнем Севере:

«Ради многих и высочайших снегов невозможно, зане лошадь в тех снегах тако погрязнет, что ниже изыйти возможе[1], елень же и пес легкости ради своей не погрязнет».

И в летнее время олени легко проходили по тундре там, где неизбежно провалилась бы и утонула лошадь.

Поэтому ненцы неохотно расставались с оленями, и достать их в большом количестве было трудно.

Только к началу декабря 1736 года удалось с большим трудом собрать достаточно оленей и выехать в Обдорск.

Это был городок, построенный русскими недалеко от устья Оби еще в 1592 году.

[1] Даже не сможет выйти.

Вокруг небольшой деревянной крепости — острога — можно было насчитать несколько десятков изб. Почти все они топились по-черному: дым выходил не через трубу, а через двери или особое отверстие в крыше.

Зимой в избах было почти темно: солнце не надолго показывалось над горизонтом, и его лучи не проникали через толстые льдины, вставленные в окна вместо стекол.

Малыгин благополучно добрался до Обдорска и разместил свою команду в избах местных жителей. Но уже ранней весной, когда морозы стихли, а реки и болота были еще скованы льдом, Малыгин и Скуратов с командой вернулись к устью Кары.

Им пришлось, однако, долго ждать, пока Карское море очистится ото льда настолько, чтобы можно было продолжать путь.

Уже давно стаял снег. В мае потянулись вереницы гусей и лебедей. Моряки то и дело слышали свист их крыльев у себя над головой. Потом птицы свили гнезда на болотах и озерах Ямала. Пестрые, шумливые турухтаны, летавшие стайками весной, замолкли, выводя птенцов. А на море все еще стоял лед, и нельзя было начать плавание.

Наконец 6 июля боты вышли из устья Кары и взяли курс на северо-восток. Через две недели они дошли до Мутного залива, куда заходили кочи «Обь» и «Экспедицион» во время первого плавания лейтенантов Муравьева и Павлова.

Малыгин не стал здесь задерживаться.

Дул попутный юго-восточный ветер. Море было совершенно чисто ото льда. Боты пошли дальше на север.

Через два дня увидели на ровном берегу искусственное возвышение, сложенное из земли. Это был особый знак — маяк, обозначавший то место, до которого дошли Муравьев и Павлов в 1735 году.

Малыгин пошел дальше. Утром 23 июля корабли подошли к северному берегу полуострова Ямал. Лейтенант Малыгин и его спутники увидели пролив между Ямалом и низким песчаным островом Белый. Надо было пройти пролив и, обогнув полуостров, войти в Обскую губу. Пролив был чист ото льда. Но противные восточные и северо-восточные ветры с туманами надолго задержали здесь боты.

Малыгин осмотрел берег пролива. Кочковатая тундра

спускалась к морю невысоким обрывом. У самого моря тянулась полоска желтого песка.

Малыгин выбрал на берегу место повыше, чтобы отметить на нем пребывание экспедиции. Из дерна и земли сложили конус метра в два вышиной. Этот простенький памятник оказался очень долговечным. Через девяносто лет его нашел и поправил штурман Иванов, который впервые после Малыгина производил опись этих берегов.

На безлюдном берегу Ямала долго виднелся поросший мхом бугорок, сложенный когда-то командой лейтенанта Малыгина. Еще в 1908 году его видел зоолог Б. М. Житков, исследовавший полуостров Ямал. Но море, постепенно размывающее здесь берег, уже подошло тогда к тому месту, где стоял этот скромный памятник. Морские волны точно подкапывались под обрыв, на котором виднелся зеленый холмик. Потом он рухнул в море, и теперь от него не осталось следов.

16 августа наконец начал дуть попутный северо-западный ветер. На другой день боты вышли из пролива и вошли в Обскую губу. По этому длинному и узкому заливу они должны были итти еще несколько сот километров до устья Оби.

Прошлой зимой в Обдорске Малыгин слышал, что плавание по Обской губе дается нелегко: нередко приходится бороться со льдами. Но на этот раз перед Малыгиным была чистая вода.

11 сентября Малыгин и Скуратов благополучно ввели свои корабли в реку Обь. Задача их экспедиции была выполнена. После долгих усилий удалось наконец не только пройти, но и обследовать западную часть северного морского пути.

Боты дошли до города Березова и стали здесь на зимовку. Малыгин уехал в Петербург, чтобы сделать доклад Адмиралтейств-коллегии об окончании экспедиции.

Адмиралтейств-коллегия признала опытность Малыгина. Он был назначен командиром фрегата, на котором отправлялись в практическое плавание сорок штурманских учеников и подштурманов. Малыгин должен был обучать их штурманскому делу. Потом он был начальником штурманской роты, долго командовал разными кораблями и умер в чине капитан-командора.

Лейтенант Скуратов, зазимовавший в Березове, получил приказ отвести оба бота в Архангельск.

Таким образом, Скуратов должен был повторить пройденный путь в обратном направлении.

Боты были уже сильно потрепаны во время плаваний 1736 и 1737 годов. На обратном пути они едва не погибли в Карском море. Но Скуратову удалось довести их до Архангельска, затратив на плавание два лета.

Во время плавания Малыгин и Скуратов измеряли глубину моря в разных местах, отмечали мели и подводные камни. У них были только простые, грубо сделанные инструменты, и поэтому они не всегда правильно определяли географическую широту. Опись, которую они сделали, была недостаточно полна и недостаточно точна. Но в продолжение многих десятков лет она служила единственным источником сведений о морском пути из Архангельска к устью Оби.

И недаром через девяносто лет известный мореплаватель Ф. П. Литке, сам четыре раза водивший корабли к Новой Земле, писал о лейтенантах Муравьеве и Павлове, Малыгине и Скуратове:

«Многие подробности о глубинах, грунтах и течениях моря можно получить только из их журналов».

И, отметив некоторые недочеты их наблюдений, добавил:

«Препятствия физические были столь велики, а, напротив, средства, им данные, столь недостаточны, что более надо удивляться тому, что совершено ими, нежели тому, что не сделано».

ЛЕЙТЕНАНТ ОВЦЫН

Лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын приехал в город Тобольск в конце 1733 года. Здесь ему пришлось немало поработать.

В Тобольске строилось судно, на котором ему предстояло совершить трудное плавание. Надо было, спустившись по Иртышу и Оби, дойти до Студеного моря, как называли тогда Ледовитый океан сибиряки. Выйдя в океан, лейтенант Овцын должен был взять курс на восток, дойти до устья Енисея и подняться вверх по этой реке.

По Ледовитому океану от устья Оби до Енисея, поскольку было известно Овцыну, не плавал еще ни один корабль.

Лейтенант Овцын, вероятно, слышал в Тобольске рассказы о том, что почти пятьдесят лет назад — в 1686 году — тобольский воевода Алексей Петрович Головин, дед президента Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головина, отправил три коча в плавание по Студеному морю. Они должны были спуститься по Оби до ее устья и, выйдя в море, пойти на восток, к устью Лены, а может быть, и еще дальше вдоль морского берега. Но эти суда пропали без вести, и никто не знал, докуда они дошли и где погибли плывшие на них люди. Овцын мог слышать и о том, что поморы, ходившие на своих кочах из Белого моря в Обдорск и Мангазею, доходили до Енисея еще в начале XVII века, а может быть, и раньше. Но из Обской губы они обычно направлялись к Енисею по реке Таз, потом по одному из ее притоков, текущих на восток, и, кое-где перетаскивая суда волоком, добирались до одной из рек, впадающих в Енисей. Память о том, доходили ли они до Енисея морем от Обской губы, не сохранилась.

В Тобольске лейтенант Овцын должен был не только наблюдать за постройкой судна, но и окончательно подготовить все необходимое для дальнего плавания. Это было ответственное и трудное дело. Однако Овцын не унывал.

Он был человек молодой и деятельный, живой и общительный. Так же как и другие русские лейтенанты, участвовавшие в экспедиции, он окончил Морскую академию, основанную Петром Первым.

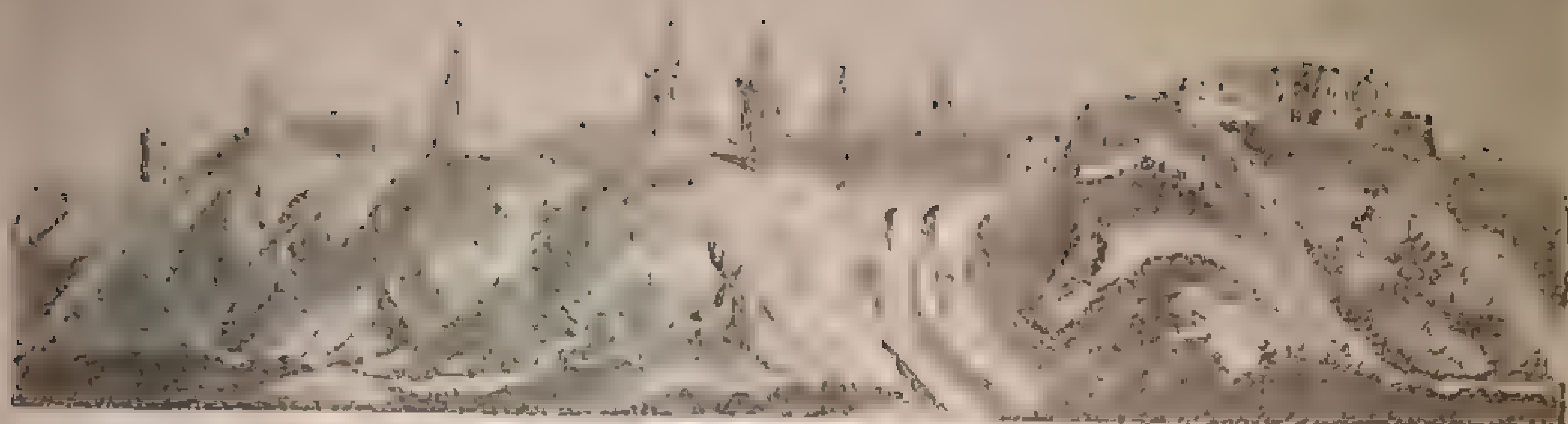
В годы ученья Овцын совершил большое учебное плавание из Петербурга в Испанию. Потом он служил на кораблях, ходивших по Балтийскому морю, а перед назначением в экспедицию был адъютантом при командире Кронштадтского порта.

В Адмиралтейств-коллегии считали Овцына способным моряком.

— В этом лейтенанте будет путь, — говорили про Овцына.

Город Тобольск понравился Овцыну.

На крутой горе над берегом Иртыша возвышались белые каменные стены с башнями, за стенами были лучшие дома города. Среди них выделялся большой каменный дом губернатора.

Кремль города Тобольска.

С гравюры по рисунку середины XVIII века.

Беднота ютилась под горой, на берегу Иртыша.

Здесь жили «работные люди»: плотники, кузнецы, грузчики, гребцы. У многих из них были свои избы. Но никто из них не был уверен в завтрашнем дне: губернская канцелярия распоряжалась ими, как крепостными, и нередко отправляла на казенную работу в ближние и дальние сибирские города.

Лейтенант Овцын не скучал в Тобольске. Через этот город проезжали все участники экспедиции капитан-командора Беринга.

Часть экспедиции во главе с капитаном Чириковым в Тобольске зазимовала.

Губернатор Плещеев, большой барин, любивший широко пожить, по праздникам устраивал званые обеды и балы и приглашал лейтенанта Овцына вместе с другими офицерами. За обедом подавались рейнские и мускатные вина, а после обеда — китайские сласти. Вечером в большом зале губернаторского дома зажигались толстые восковые свечи в медных шандалах и люстрах с хрустальными подвесками, раздавались звуки музыки и начинались танцы.

Губернатору, казалось, принадлежала вся власть в Тобольске. Жители города низко кланялись, встречая его на улице. Но секретарю губернской канцелярии кланялись еще ниже.

И когда приезжие спрашивали, почему секретаря боятся больше губернатора, жители Тобольска отвечали:

— Губернатор приедет, поживет два-три года и опять в Санкт-Петербург уедет, а секретарь останется.

Овцын скоро убедился, что чиновники, сидевшие в губернской канцелярии, управляли и самим губернатором, который обычно только утверждал их доклады.

Вымогая взятки, они годами тянули дела, которые можно было решить в несколько дней. Но затягивать подготовку экспедиции они не решались. Из Сената был прислан строжайший указ — всеми мерами содействовать экспедиции. Да и ссориться с лейтенантом, прибывшим из Петербурга, они боялись.

В конце апреля 1734 года дубель-шлюпка была готова. Ее назвали «Тобол».

Как и большинство кораблей того времени, дубель-шлюпка была невелика: двадцать один метр в длину и около пяти метров в ширину. У нее были две мачты, но она могла итти не только на парусах, но и на веслах. Дубель-шлюпку вооружили восемью небольшими орудиями — фальконетами, которые стреляли двухфунтовыми ядрами.

Разумеется, никто не предполагал, что придется иметь дело с неприятелем.

Но судно принадлежало к военному флоту, и его полагалось вооружить по всем правилам.

2 мая «Тобол» торжественно спустили на воду. Когда судно соскользнуло с громадных салазок, на которых оно стояло, и закачалось на реке, в Тобольской крепости выпалили из трех пушек.

«Тобол», в свою очередь, отдал салют, выстрелив из всех своих фальконетов. На дубель-шлюпку приехал губернатор со свитой, и Овцын устроил на борту «Тобола» торжественный обед.

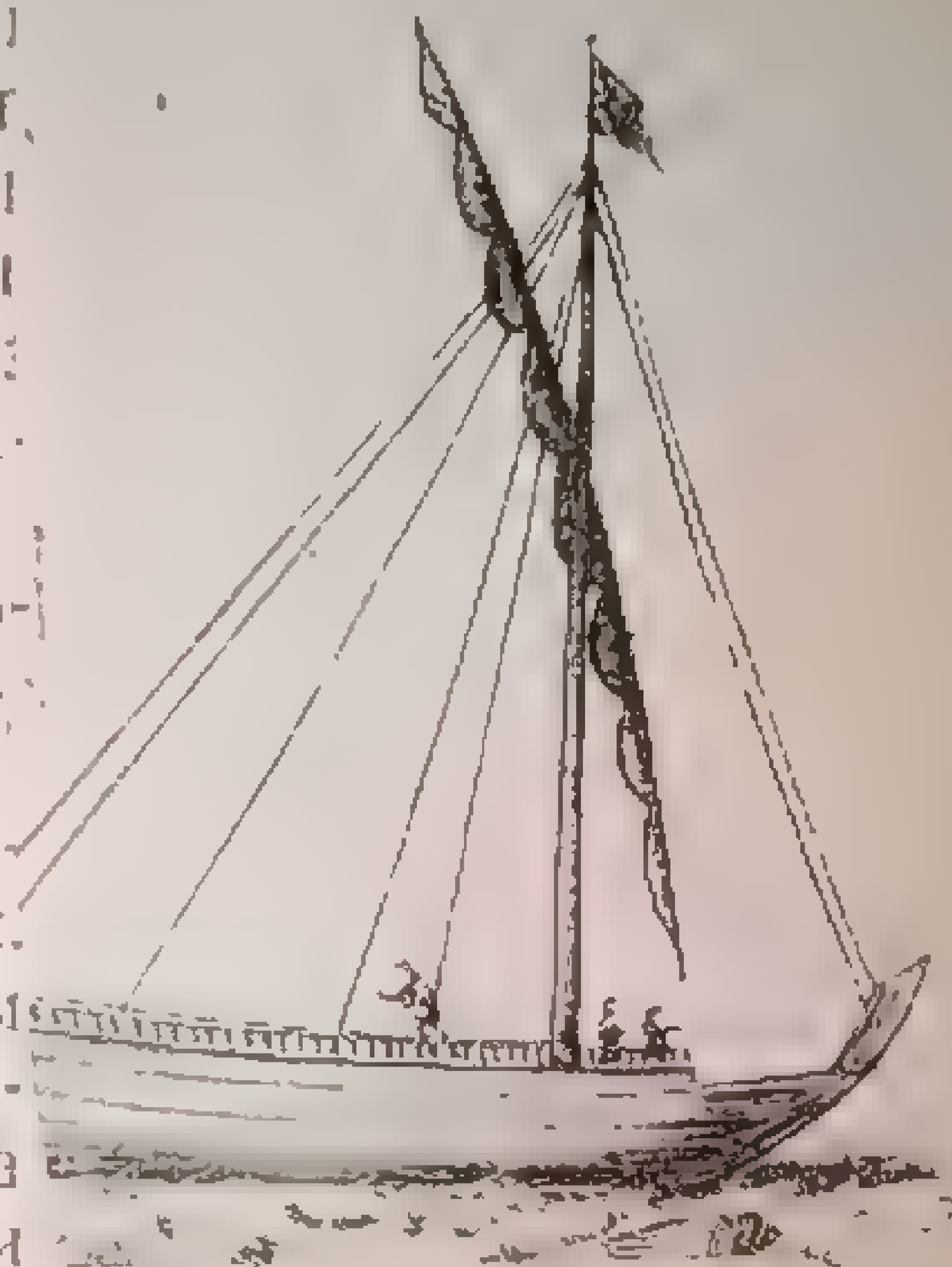
Пир затянулся почти до сумерек. Провожая гостей, опять палили из фальконетов.

Потом пошли дни, полные напряженных забот. Экспедиция была рассчитана на два года, и нужно было заготовить двухгодичный запас провианта. На «Тоболе» все эти запасы не могли поместиться. Пришлось взять с собой большие лодки, дощаники, чтобы везти на них продовольствие до

устья Оби. Здесь предполагалось построить склады и сложить продукты.

Наконец все было готово. Команда перешла на «Тобол». Всего на борту дубель-шлюпки оказалось пятьдесят шесть человек, в том числе геодезист, который должен был делать береговую съемку, рудознатец, подлекарь и проводники из местных жителей, не раз плававшие по Иртышу.

е больше мешал движению
не могли итти дальше.
рузить провиант на берег.
тья, и отправить дощаники
якорь, и команда высади-

Лейтенант Д. Л. Овцын.

14 мая 1734 года дубель-шлюпка отплыла из Тобольска.

Лейтенанту Овцыну устроили торжественные проводы. На большом разукрашенном дощанике его провожали губернатор, помощник Беринга капитан Чириков, академики Гмелин и Миллер, путешествовавшие в то время по Сибири, и видные жители Тобольска.

Опять стреляли из пушек, играла музыка, произносили тосты. Лейтенант Овцын и команда, которую ради торжественного дня обильно угостили вином, были настроены по-праздничному.

На другой день наступили будни.

Вблизи Тобольска Иртыш течет тихо, и «Тобол» медленно плыл вниз по реке. Овцын приказал поднять паруса. Но на судне было мало умелых матросов. Бóльшую часть команды составляли ссыльные и потомки ссыльных; их прислала губернская канцелярия, которая распоряжалась ими по своему усмотрению. Они не умели даже взобраться на мачту, чтобы закрепить паруса. И сразу случилась беда: два человека упали за борт и утонули.

Это несчастье, происшедшее на второй день плавания, показалось команде дурным предзнаменованием.

устья Оби. Здесь предполагалось построить склады и сложить продукты.

Наконец все было готово. Команда перешла на «Тобол». Всего на борту дубель-шлюпки оказалось пятьдесят шесть человек, в том числе геодезист, который должен был делать береговую съемку, рудознатец, подлекарь и проводники из местных жителей, не раз плававшие по Иртышу.

14 мая 1734 года дубель-шлюпка отплыла из Тобольска.

Лейтенанту Овцыну устроили торжественные проводы. На большом разукрашенном дощанике его провожали губернатор, помощник Беринга капитан Чириков, академики Гмелин и Миллер, путешествовавшие в то время по Сибири, и видные жители Тобольска.

Лейтенант Д. Л. Овцын.

Опять стреляли из пушек, играла музыка, произносили тосты. Лейтенант Овцын и команда, которую ради торжественного дня обильно угостили вином, были настроены по-праздничному.

На другой день наступили будни.

Вблизи Тобольска Иртыш течет тихо, и «Тобол» медленно плыл вниз по реке. Овцын приказал поднять паруса. Но на судне было мало умелых матросов. Бо́льшую часть команды составляли ссыльные и потомки ссыльных; их прислала губернская канцелярия, которая распоряжалась ими по своему усмотрению. Они не умели даже взобраться на мачту, чтобы закрепить паруса. И сразу случилась беда: два человека упали за борт и утонули.

Это несчастье, происшедшее на второй день плавания, показалось команде дурным предзнаменованием.

хо кончим, — говорили многие.
трудно. После разлива Иртыш
илось опасаться мелей. Берега
лью. Запоздавшие утки и гуси,
гольники, летели на север.
ia плавания стали встречаться
ывали в то время народ хантэ.
смотрел на эти сделанные из
е постройки, широкие внизу и
у, с отверстием на верхушке,

ел, как ставят чумы: женщины
шесты, наклонив их так, что они
отом обкладывали их берестой,
плотную вокруг стен окапывали
ло снизу. Вход завешивали по-
был готов.
али на берег. У реки толпились
лазые люди. Безбородых муж-
ичить от женщин. В теплые дни
шки и штаны из налимьей кожи.
ежды из шкур, выделанных по-
рашенных разноцветными полос-
ками мехов. Тут же бегали совсем голые ребята.

Если Овцын посылал лодку на берег за свежей рыбой, женщины поспешно уходили в чум. Мужчины оставались на берегу и меняли рыбу на табак и разные мелкие вещи. В деньгах они плохо разбирались и монеты брали неохотно.

24 мая дубель-шлюпка «Тобол» подошла к устью Иртыша.

— Вывели вас на большую дорогу, — говорили проводники, когда судно приблизилось к широкой Оби, которая становилась еще шире после слияния с Иртышом.

Недалеко от устья Иртыша находилась слобода Самаров Ям. Здесь Овцын переменил проводников и пошел вниз по Оби.

Чем дальше продвигались на север, тем становилось холоднее. Из Тобольска вышли, когда почки на деревьях уже распустились и зазеленела трава, а плывя по Оби, как будто начали обгонять весну: местами на берегах еще лежал снег.

Зато дни становились все длиннее. Скоро короткие ночи

Остяки.

Со старинной гравюры.

стали похожи на сумерки. А когда доплыли до самого северного острога, Обдорска, увидели почти не заходящее солнце.

Ночью можно было свободно читать. Только солнечный свет не был так ярок, как днем, и на солнце можно было смотреть, не жмуря глаз.

Обдорский острог был таков же, как и другие городки-остроги, которые Овцын не раз уже видел в Сибири. За высокой оградой из вкопанных в землю бревен, заостренных, как колья, виднелись небольшие деревянные башни с бойницами для пушек и ружей.

Избы казаков в беспорядке теснились вокруг стен острога.

Лейтенант Овцын хотел найти в Обдорске бывалых людей,

[illegible]

ное судно не [illegible]

Овцын не стал задерж[illegible] дней.

Река Обь, прежде чем влиться в Обскую губу, разбивается на длинные рукава.

15 июня Овцын вошел в восточный рукав и начал спускаться к устью.

Дубель-шлюпка шла вперед медленно: на пути встречались мели.

Овцын напряженно всматривался в простиравшуюся перед ним реку. Когда дул ветер и поднималась зыбь, на отмелях волнение было немного меньше, чем там, где было глубоко. На глубоких местах вода бывала немного темнее, чем на мелких. Но оттенки цвета воды были едва уловимы, зрение легко могло обмануть.

Приходилось часто делать промеры. Холодный северный ветер затруднял движение дубель-шлюпки и дощаников, которые за ней следовали.

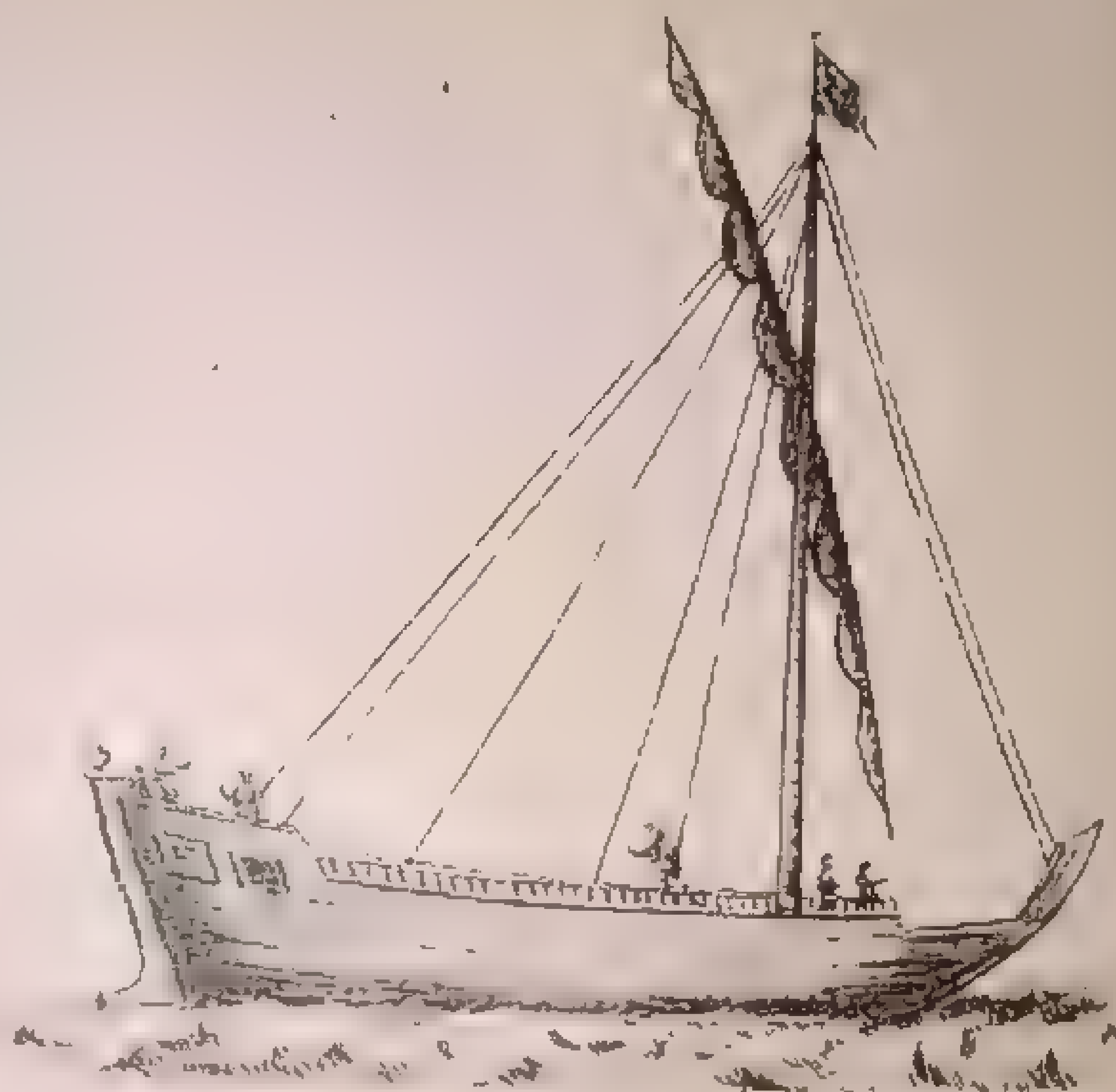
Только через несколько дней удалось выйти в Обскую гу-

бу. Но здесь противный ветер еще больше мешал движению судна. Неповоротливые дощаники не могли итти дальше.

Лейтенант Овцын решил выгрузить провиант на берег восточного рукава Оби, вблизи устья, и отправить дощаники обратно. 21 июня «Тобол» стал на якорь, и команда высадилась на землю, чтобы построить склады.

Невдалеке находились семь озер, вокруг которых гнездилось множество птицы. Лейтенант Овцын назвал это место Семиозерным.

Один дощаник сломали и из досок построили склады для провианта. Остальные Овцын отослал в Тобольск. Затем «Тобол» снялся с якоря и продолжал путь один.

Дощаник.
С гравюры XVII века.

Судно с трудом продвигалось дальше. Ветер, по большей части дувший с севера, приносил мелкие льдины, которые с легким стуком ударялись о борт. Все время надо было делать промеры, чтобы не наткнуться на мель.

Очень часто бросали якорь, отправляли вперед матросов в шлюпке и ждали, пока они обследуют путь.

У устья реки Оби и еще в нескольких пунктах Овцын соорудил маяки, чтобы отметить обследованные им места. Маяки были сложены из дерна и земли. На низком, плоском берегу эти знаки видны были издалека.

— Ежели доведется назад повернуть, не дойдя до океана, нам маяки помогут узнать, где идем, и от мелей обречься, — говорил Овцын.

Наступил июль. Короткое северное лето пришло в тундру.

На берегу зеленели мхи и травы, цвели незабудки и другие цветы. Стада диких оленей, спасаясь от комаров и мошки, входили в воду по шею, и издалека их ветвистые рога, торчащие из воды, напоминали затопленный кустарник, лишенный листьев. Но ветры попрежнему чаще всего дули с севера, и «Тобол» с трудом шел вперед.

31 июля подошли к большому заливу — Тазовской губе, куда впадала широкая река Таз. Известно было, что выход в Ледовитый океан лежит севернее Тазовской губы, но на каком расстоянии, этого никто не знал точно.

Шесть дней продолжался путь к северу. Однако не было никаких признаков близости океана. По солнцу определили местоположение судна: оказалось 70 4′ северной широты.

По морскому уставу Петра Первого, командир корабля в важных случаях должен был выслушивать мнение ближайших своих подчиненных. Овцын созвал корабельный совет, или консилиум, как говорили в то время.

— Вышли мы из Обдорска месяц и три недели тому назад, а до моря не токмо не дошли, но и когда дойдем, не ведаем. На обратный путь до Обдорска положить надобно не менее месяца, а то и гораздо более. Ежели не вернемся теперь, не захватили бы нас морозы. Надобно нам решить, вперед итти или ретироваться, — сказал Овцын.

Решили возвратиться и перезимовать в Обдорске. Надеялись, что следующим летом удастся скорее пройти уже знакомый путь и своевременно выйти в Ледовитый океан.

4 сентября дубель-шлюпка подошла к Обдорску. Овцын распорядился снять все снасти с судна и поставить его на зимовку.

Команда перебралась в острог и разместилась в избах жителей. Из Обдорска Овцын послал на лодках геодезиста с людьми описывать берега. Они должны были, пока будет возможность, продолжать работу по обследованию Обской губы.

В середине октября Обь покрылась льдом.

В ноябре лейтенант Овцын неожиданно получил известие об экспедиции Муравьева и Павлова.

В Обдорск приехали на оленях ненцы, кочевавшие вблизи берегов Карского моря. Они привезли ясак и рассказали, что видели около устья реки Кары русских людей, посланных из

Пустозерска. Люди ехали на оленях вдоль берега и ставили какие-то знаки.

Овцын понял, что лейтенанты Муравьев и Павлов зазимовали в Пустозерске и послали геодезиста с проводниками описывать берег с суши и ставить маяки.

Он составил сообщение о своей экспедиции, указал те места в Обской губе, где поставил маяки, и послал эти материалы Муравьеву и Павлову с двумя обдорскими казаками, которых отправил в Пустозерск вместе с ненцами.

Потянулись однообразные зимние дни. Солнце все меньше и меньше оставалось на небе и почти перестало показываться. В избах, где разместилась команда Овцына, было тесно и душно. Даже в то время, когда еще светило солнце, в доме было темно, как в сумерки: льдины, вставленные в окна вместо стекол, плохо пропускали солнечные лучи.

У многих пожелтели лица, распухли ноги и шатались зубы. Началась цынга.

Овцын отправил часть команды в город Березов, стоящий на Оби выше Обдорска. «Понеже в оном Обдорске воздух зело тяжел», объяснял впоследствии Овцын.

С наступлением весны люди несколько окрепли. Болезнь не успела развиться, но здоровье команды было подорвано.

Овцын решил выйти в плавание, как только вскроется Обь. Он знал теперь по опыту, что плавание должно быть длительным, и не хотел терять ни одного дня.

29 мая 1735 года дубель-шлюпка «Тобол» отплыла от Обдорска. По реке еще носились мелкие льдины. А когда вошли в восточный рукав Оби, льдины окружили судно.

Стоя на палубе, Овцын с тревогой прислушивался, как шуршат за бортом куски льда, задевая судно. Он опасался, как бы льды не затерли дубель-шлюпку и не прижали ее к берегу. Не раз лейтенант приказывал стать на якорь и дожидаться, пока пройдет лед.

6 июня подошли к складам у семи озер.

Здесь простояли пять дней, взяли хранившийся в складах провиант и двинулись дальше. Но уже через два дня пришлось остановиться: льды преградили путь.

Погода была холодная и сырая. Часто судно окружал густой туман, который проникал даже сквозь одежду и вызывал неприятную дрожь.

Стоя на вахте, глядя на серую воду и поеживаясь от сырости, лейтенант Овцын, вероятно, не раз невольно вспоминал темносинее небо, голубое море и залитые солнечным светом вечно зеленые сады Испании, в которых росли апельсиновые деревья. Когда они цвели, нежный аромат их цветов был так силен, что ветерок доносил его до стоявших недалеко от берега кораблей.

Но как только льды впереди расступались, Овцын упорно вел вперед дубель-шлюпку. Однако силы команды, ослабевшей зимой, начали падать. Питались солониной и продуктами, заготовленными год назад. Постоянная сырость вызывала болезни. Начала развиваться цынга.

Один за другим заболевали матросы. Тяжело заболел рудознатец Матвеев, тело которого скоро покрылось пятнами, похожими на кровоподтеки от побоев.

У Овцына стали пухнуть ноги и во всем теле чувствовалась слабость, с которой трудно было бороться. Он долго не сдавался. И по мере того как льды относило к северу, дубель-шлюпка «Тобол» медленно шла за ними.

В начале июля льды стали быстро таять. А люди уже выбились из сил. К середине июля из пятидесяти трех человек здоровых было только семнадцать.

17 июля Овцын созвал корабельный совет.

— Надобно возвратиться, дабы не померетъ всем безвременной смертью и не потерять судно, — говорили на корабельном совете.

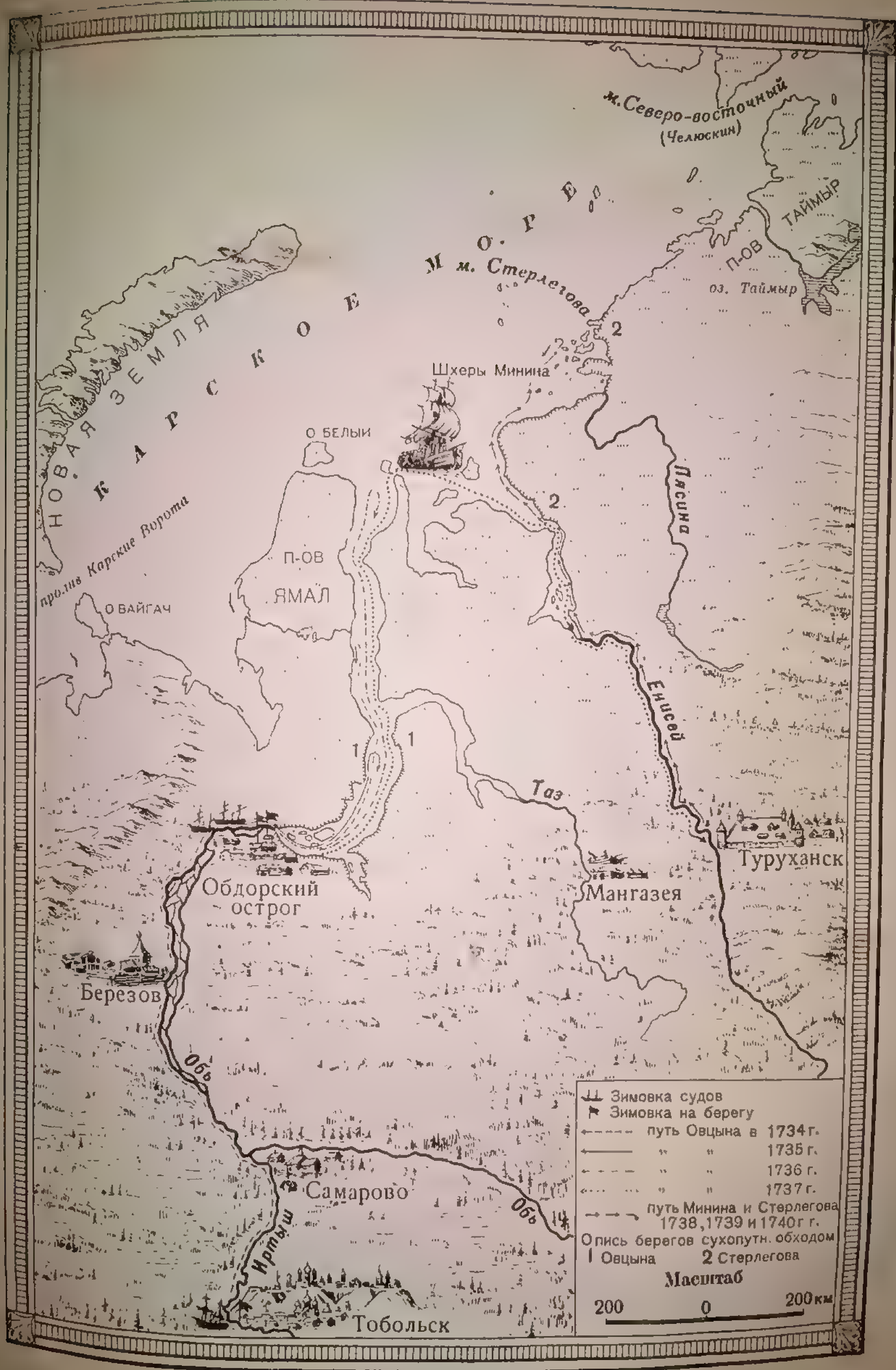
Постановили итти назад в Тобольск, чтобы подлечить там больных, запастись свежей провизией для будущего года и отремонтировать судно.

Перед тем как повернуть назад, определили широту: оказалось 68°40'. Таким образом, несмотря на все усилия, на этот раз не дошли и до тех мест, где были прошлым летом.

На обратном пути в Обдорском и в Березовском острогах взяли новых людей вместо тяжело больных, иначе не смогли бы итти дальше.

В Тобольск возвратились 6 октября, когда по Иртышу уже неслись льдины. Но вернулись не все: четверо умерло от цынги, в том числе рудознатец Матвеев.

Два месяца пролечился Овцын в Тобольске. За это время он много думал о том, почему не удалась его экспедиция.

КАРТА ПЛАВАНИЙ ОВЦЫНА, МИНИНА И СТЕРЛЕГОВА.

«Надобно бы иметь два судна, а не одно. Тогда и вперед итти можно решительнее и быстрее. Будешь знать, что ежели и сядешь на мель, другое судно поможет. А с одним судном и у самой цели можно в тех местах погибнуть безвестно. Очень бы нужно послать по берегу казаков с стадом оленей. Тогда у команды была бы свежая пища. Недаром казаки в Обдорске говорят, что у самоедов от цынги первое средство — оленья кровь. Следовало б послать геодезиста описать берег с суши до самого океана да и океанское побережье, сколько возможно. Геодезист Прянишников, посланный в прошлом году из Обдорска, полезную сделал опись: теперь на карту нанести можно заливы и мысы важнейшие, но не далее Тазовской губы. Ежели б до конца довести сие дело, большая была бы польза», думал Овцын.

Овцын решил ехать в Петербург, чтобы просить у Адмиралтейств-коллегии еще одно судно и высказать свои пожелания. К тому же надо было получить для дубель-шлюпки новые паруса да по возможности обновить и все снасти, пострадавшие от ветров и непогоды.

Оправившись после болезни, Овцын уехал в Петербург. Президент Адмиралтейств-коллегии Головин выслушал его рапорт и задал несколько деловых вопросов.

— Ежели в минувшие два лета дело благополучно закончить не удалось, то хоть ту получили пользу, что лучше знаем теперь, как таковые экспедиции должно снаряжать, — сказал Головин.

И, немного помолчав, добавил:

— Второе судно дадим, да и остальное, что резонно просишь, получишь. А дело доводи до конца. И так и знай: пока из Оби в Енисей не пройдешь, вернуться не позволим.

Адмиралтейств-коллегия решила построить в Тобольске бот для экспедиции, отправив туда корабельного мастера Кошелева, штурмана и других моряков, которых нельзя было найти на месте.

Лейтенанту Овцыну коллегия не сделала упрека за неудачу экспедиции, но постановила:

«А до окончания в совершенстве оной экспедиции Овцыну, как и Малыгину, возвращения не будет».

В конце февраля 1736 года лейтенант Овцын приехал в Тобольск.

Корабельный мастер Кошелев без промедления приступил к постройке бота, но судно не было готово к началу лета. Овцын решил опять выйти в плавание на дубель-шлюпке «Тобол», взяв с собой штурмана Минина и подштурмана Стерлегова.

В конце июня Овцын прибыл в Обдорск и привез с собой указ, чтобы казаки со стадом оленей сопровождали экспедицию, следуя по берегу.

Овцын надеялся на этот раз дойти до Енисея. Однако на случай неудачи он принимал меры, чтобы на будущий год пройти без затруднений: на всем пройденном пути делал промеры и ставил маяки.

Благополучно миновали устье реки Таз, но на широте 69° 50′ встретили пловучий лед. Две недели продолжали итти вперед, хотя не раз льдины угрожали затереть судно.

«Всегда были в великих льдах, которые позади себя оставляли, ревнуя неотменно ко исполнению порученного нам дела», вспоминал потом об этих днях Овцын.

Наконец 5 августа на широте 72° 40′ льды остановили судно. По расчетам Овцына, теперь берег океана был недалеко. Можно было бы перезимовать в этих местах и будущей весной выйти в океан

Но казаки, которые гнали по берегу стадо оленей, не сумели переправиться через устье реки Таз, а без свежей пищи оставаться на зимовку было опасно. Да и неизвестно было, удастся ли на голом берегу найти достаточно плавника, чтобы построить зимовье и сделать запас дров на зиму.

14 августа решили возвратиться назад. В конце сентября дубель-шлюпка «Тобол» подошла к Обдорску.

Здесь судно поставили на зимовку, а команду, так же как и два года назад, разместили по избам казаков.

Сам Овцын не остался в Обдорске. Он уехал в Березовский острог. Здесь Овцын рассчитывал достать припасы для экспедиции.

Это был небольшой укрепленный городок, построенный еще в 1593 году, для того чтобы отсюда собирать ясак с остяков и держать их в подчинении. В первой половине XVIII века Березов стал местом ссылки опальных вельмож, которых хотели отправить подальше от Петербурга.

Сюда был сослан в 1728 году ближайший сподвижник

Петра Первого князь Александр Данилович Меншиков. Дом, где его поселили с дочерьми, обнесен был высокой оградой, за которую ссыльные не имели права выходить. Здесь Меншиков и умер в 1729 году.

Но жилище его недолго оставалось пустым. Через год после смерти Меншикова сослали в Березов его злейшего врага, обер-камергера князя Ивана Долгорукого.

Внук Петра Первого, четырнадцатилетний император Петр Второй любил Долгорукого больше всех своих придворных. Долгорукий был молод, весел, ловок и очень дерзок. Он любил охоту с гончими, бешеную верховую езду и шумные попойки.

Иван Долгорукий старался доставить мальчику-императору побольше удовольствий. Он нередко вовлекал Петра Второго в опасные и дурные потехи. Во весь опор мчались они по улицам столицы с отрядом драгун и смеялись, видя, как бросаются в стороны испуганные прохожие.

Иван Долгорукий получил высший придворный чин и ордена, которые давались только самым заслуженным сановникам.

— Долгорукий теперь первая персона в государстве, — говорили при дворе.

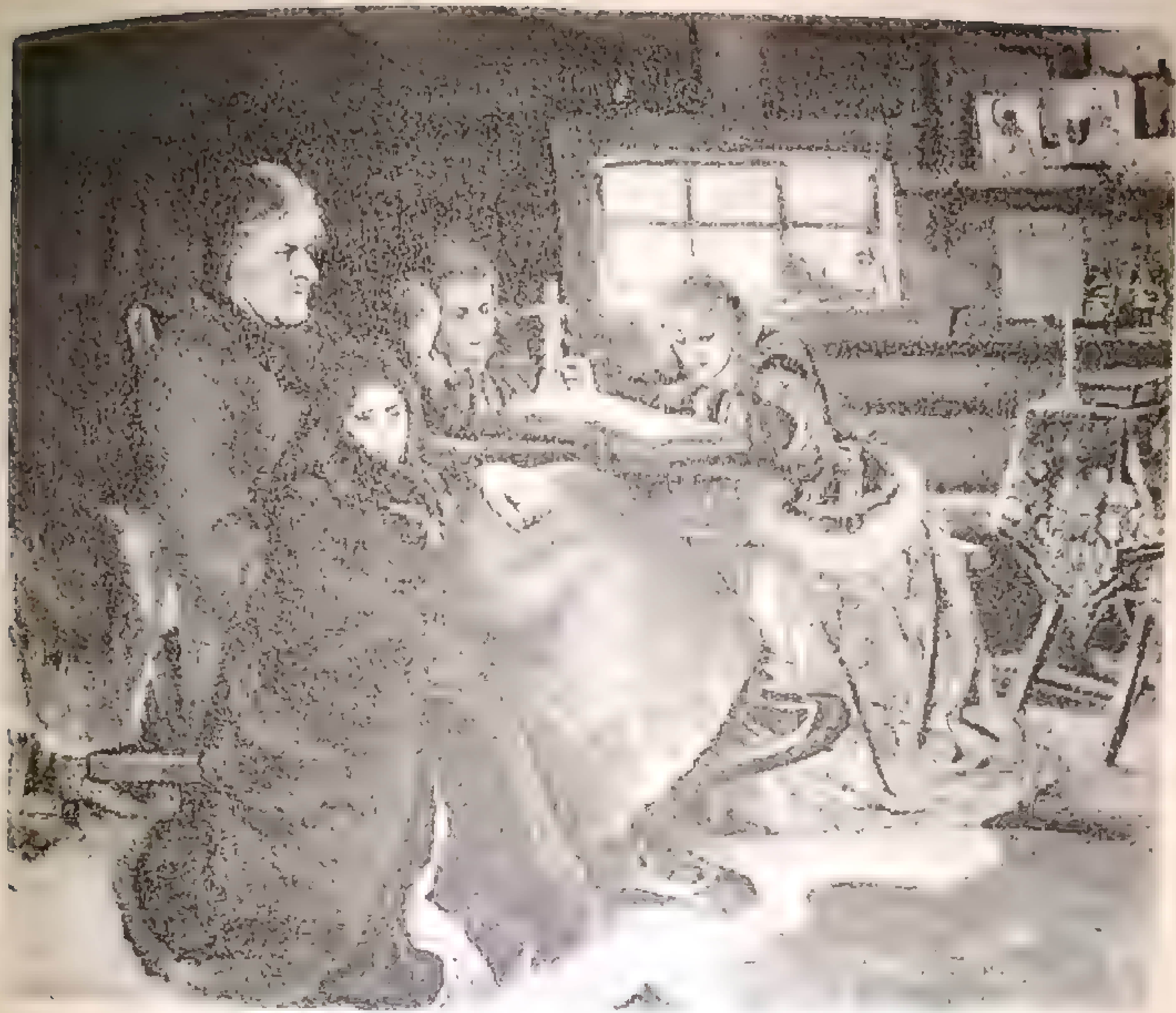
В ноябре 1729 года Петр Второй был торжественно обручен с сестрой Долгорукого Екатериной Алексеевной.

Екатерина Долгорукая получила титул государыни-невесты. Но не прошло и двух месяцев, как император заболел оспой и умер.

Новая императрица Анна Иоанновна сослала Долгорукого в Березов вместе с молодой женой, с отцом, с сестрой, «государыней-невестой» Екатериной Алексеевной, и малолетними братьями.

Березов сперва показался Долгоруким страшным местом. «Довезли нас в маленький городок. Жители в нем едят рыбу сырую, ездят на собаках, носят оленьи кожи. Избы кедровые, окончины ледяные вместо стекла. Зимы здесь десять месяцев или восемь, морозы несносные. Ничего не родится, ни хлеба, никакого фрукту, ниже капусты. Леса непроходимые да болота», писала впоследствии в своих «Записках» жена Долгорукого Наталья Борисовна.

Но понемногу Долгорукие стали обживаться в Березове.

Меншиков в Березове.

С картины В. И. Сурикова.

За высоким забором, которым было обнесено их место заключения, появились новые домики. Посредине двора вырыли пруд, в котором плавали утки и лебеди.

Долгоруких велено было содержать «под жестоким караулом». Но начальник стражи, майор Петров, скоро сделался кумом Долгоруких. Березовский воевода бывал у них в гостях. И когда лейтенант Овцын приехал в Березов, Долгорукие жили в заключении почти как на свободе: никто не мешал им выходить за ограду и принимать гостей.

Вскоре после своего приезда в Березов Овцын познакомился с Иваном Долгоруким и его семьей.

Если бы лейтенант Овцын захотел познакомиться с Долгорукими в то время, когда они были в чести, это, наверное, не удалось бы сделать.

«Долгорукие всех, даже самого царя, трактовали с гордостью и невыносимым самовластием», писал испанский посол в России герцог де-Лирия.

Теперь лейтенант был принят в доме Долгоруких как желанный гость.

В длинные осенние вечера в Березове было очень скучно. Овцын стал часто бывать у Долгоруких.

Вскоре произошел случай, который еще больше сблизил Овцына с опальной семьей.

В Березов был командирован из Тобольска канцелярист Осип Тишин. Это был человек пронырливый, трусливый, но дерзкий, когда бывал пьян. А пьянствовал он часто и подолгу.

Однажды, выпив лишнее, Тишин проходил мимо ограды, за которой жили Долгорукие.

У калитки стоял часовой в потрепанной шубе из собачьих шкур, с ружьем в руке.

Тишин остановился и взялся за железное кольцо в калитке, служившее вместо ручки. Часовой его не окликнул: в маленьком Березове уже все знали, что это канцелярист из Тобольска, приехавший по казенной надобности.

Открыв калитку, Тишин увидел во дворе девушку в дорогой шубе с собольим воротником. Лицо у нее было красивое, строгое и надменное. Тишин догадался, что перед ним бывшая «государыня-невеста», Екатерина Долгорукая.

— Что, прошло ваше времечко? — крикнул Тишин.

Девушка молча повернулась к нему спиной.

— Может, теперь и за меня замуж выйдешь, государыня-невеста?

Девушка, не оборачиваясь, шла к дому.

Тишина разобрал пьяный задор.

— Уходишь? — сказал Тишин и вдруг крикнул ей вслед самую грубую ругань.

Девушка ускорила шаги.

«Жаловаться пошла», догадался Тишин.

Несмотря на хмель, он струсил и быстро ушел со двора.

Екатерина Долгорукая рассказала брату, как оскорбил ее

Место заключения Долгоруких в Березове.

С гравюры по рисунку 1740 года.

канцелярист. Иван Долгорукий передал ее рассказ лейтенанту Овцыну.

Овцын решил заступиться за обиженную. Он подстерег Тишина на улице и побил его.

Можно было думать, что Тишин обратится с жалобой, но он промолчал.

Однако Тишин затаил обиду и стал обдумывать, как бы отомстить лейтенанту так, чтобы не подвергнуться никакой неприятности, а может быть, и извлечь из мести выгоды.

Вскоре Овцын вернулся в Обдорск.

В начале июня 1737 года корабельный мастер Кошелев привел в Обдорск построенный в Тобольске бот. Судно назвали «Обь-почтальон». Оно было немного меньше дубель-шлюпки, но имело хороший ход.

Лейтенант Овцын взял «Обь-почтальон» под свою команду, а Кошелеву отдал «Тобол». Людей распределили поровну между обоими судами; на каждом разместилось по тридцать пять человек.

29 июля Овцын вышел в плавание в четвертый раз. Но теперь он шел изведанным путем и имел не одно судно, а два.

Летом 1737 года в той части Ледовитого океана, которая омывает берега Сибири вблизи Оби и Енисея, было меньше льда, чем обычно.

В это лето лейтенант Малыгин вошел в Обскую губу, свободную ото льда. И перед Овцыным, когда он шел Обской губой, тоже почти все время была чистая вода.

3 августа дошли до широты 72°. Здесь Овцын увидел на берегу казаков, которые были посланы вперед со стадом оленей. На этот раз казакам удалось благополучно перебраться через реку Таз. Команда была обеспечена свежей пищей.

Год назад Овцын, будучи в этих местах, вынужден был вернуться обратно, потому что льды преградили путь. Теперь оба судна свободно шли вперед, хотя дул северо-восточный ветер, который замедлял плавание.

Наконец 7 августа увидели открытое море. Вода была темноголубая, а когда Овцын попробовал ее на вкус, оказалось, что она солено-горькая.

Над кораблем летали черные чайки. Издалека видели кита, пускавшего кверху фонтаны воды.

Выйдя в океан, увидели на севере и на западе льды. Лед, толщиной около двух метров, местами подходил близко к земле, но путь вдоль берега на восток был свободен.

На корабельном совете решили взять курс на восток и итти к устью Енисея.

16 августа обогнули Матте-Сале, северный мыс полуострова, разделяющего Обскую губу и Енисейский залив. На берегу поставили знак из камней и сделали надпись.

Рудознатец, которого, согласно инструкции, во время плавания не раз посылали на берег, взял пробу почвы и дал отзыв:

— Земля песчаная и мерзлая, и признаков руды нет.

Было холодно, на земле местами лежал снег. Ветры попрежнему были противные. И все-таки 31 августа «с превеликими трудностями» удалось войти в Енисейскую губу.

Здесь на берегу увидели проводников, посланных навстречу из самого северного в то время города на Енисее — Туруханска.

Больше месяца тащились «Обь-почтальон» и «Тобол» вверх по Енисею, да так и не успели дойти до Туруханска. Наступили морозы. Пришлось поставить суда на зимовку ниже города.

Овцын решил перезимовать в Туруханске, а затем направиться в Петербург, взяв с собой судовые журналы, карту пройденного пути и другие материалы для доклада в Адмиралтейств-коллегии.

Дубель-шлюпка «Тобол», прослужившая четыре года, уже не годилась для дальнейшего плавания во льдах. Овцын решил отвести ее будущим летом в Енисейск, а оттуда ехать в Петербург на лошадях.

Капитан-командору Берингу, который находился в это время в Охотске, Овцын послал из Туруханска письмо с рапортом о том, что после долгих усилий удалось наконец пройти морем от устья Оби до устья Енисея.

Письмо Овцына шло до Охотска больше семи месяцев. Получив его, Беринг поспешил ответить:

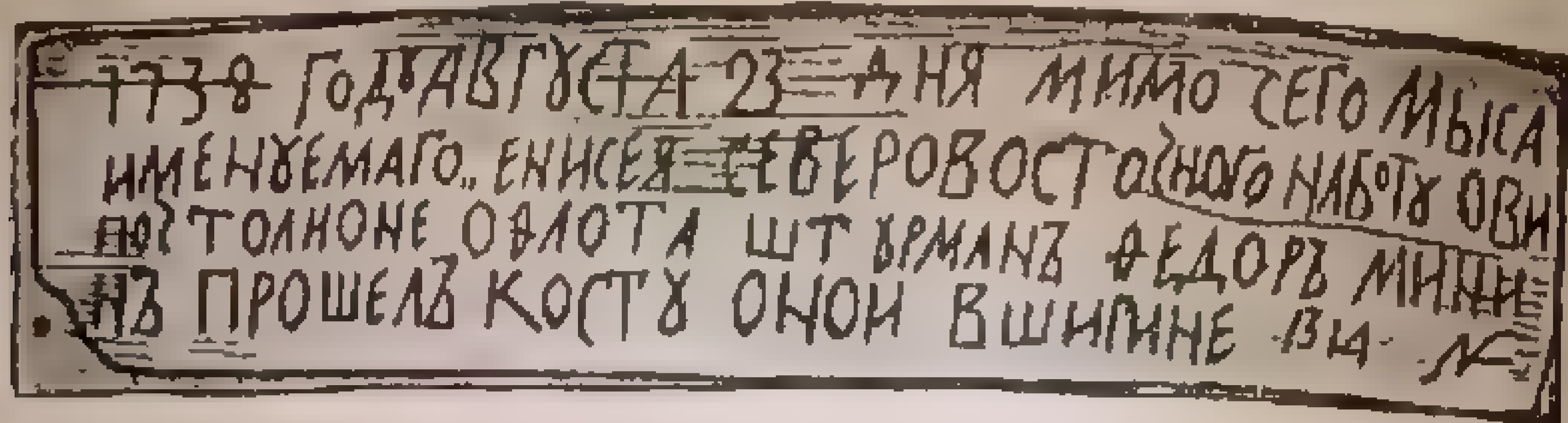
«Государь мой Дмитрий Леонтьевич, желаю вам здравия и благополучия на множество лет. А мы с командою обретаемся в Охотску за помощью божиею в добром здоровье. За писание, отпущенное от четырнадцатого декабря прошедшего 1737 году, а в Охотску полученное июля 31 числа сего 1738 году, в котором объявляете о счастливом на судне от Обского устья чрез Северное море в Енисей реку вашем прибытии, благодарствую и весьма радуюся о таковом благополучном и еще до сего необретенном, ныне же счастливо вами сысканном новом пути, причем и вас о том вашем благополучии поздравляю».

Отплывая из Туруханска в Енисейск, Овцын передал командование ботом «Обь-почтальон» штурману Минину. Минин вместе с подштурманом Стерлеговым должны были выполнить важное задание, которое дал им лейтенант Овцын: пройти от устья Енисея на восток до устья реки Хатанги.

Три раза выходили в плавание Минин и Стерлегов: в 1738, 1739 и 1740 годах. Они шли вдоль западного берега полуострова Таймыр, который лежит между устьями Енисея и Хатанги. Но обогнуть полуостров они не смогли.

В 1738 году Минин вышел на судне «Обь-почтальон» из устья Енисея в море, но прошел лишь небольшое расстояние

к северо-востоку. Он миновал остров, который теперь называется островом Диксона, и поставил на берегу памятную доску, на которой была вырезана дата: 23 августа 1738 года, и обозначена географическая широта этого места. Через

Доска, поставленная штурманом Мининым на мысе Северо-восточном.

Надпись: «1738 году августа 23 дня мимо сего мыса именуемого Енисея Северо-восточного на боту Оби-Постальоне от флота штурман Федор Минин прошел к осту. Оной в ширине 73° 14′ N"

сто восемьдесят с лишним лет, в 1922 году, эту доску нашел советский полярник Н. Бегичев и отправил ее в Ленинград.

В январе 1740 года Стерлегов поехал на собаках от устья Енисея на северо-восток, чтобы описать с суши берег Таймырского полуострова до того места, докуда удастся дойти. Он с трудом дошел до высокого каменистого мыса и определил его положение: 75° 26′ северной широты. Этот мыс носит сейчас имя Стерлегова. А летом того же года Минин и Стерлегов снова вышли в плавание.

Миновав устье реки Пясины, они увидели множество мелких каменистых островков, которые впоследствии получили название: «шхеры Минина».

Пройдя немного далее среди пловучих льдов, они достигли 75°15′ северной широты. Впереди был каменный мыс, подойти к которому мешали льды.

Минин послал подштурмана Стерлегова на большой лодке осмотреть мыс. Лодка с трудом пробиралась между большими пловучими льдинами. Подойдя ближе, увидели высокие сплошные льды, стоявшие стеной.

На обратном пути чуть не погибли.

— С великою нуждою воротились, — рассказывал потом Стерлегов.

Таким образом, Минин и Стерлегов описали только часть западного побережья Таймырского полуострова.

Между тем лейтенант Овцын летом 1738 года привел дубель-шлюпку «Тобол» в Енисейск. Затем он выехал в Петербург.

По дороге Овцын должен был остановиться в Тобольске, чтобы переговорить с сибирским губернатором о нуждах экспедиции, которая продолжалась под начальством штурмана Минина.

Четыре года назад, весной 1734 года, лейтенант Овцын в первый раз отплыл на дубель-шлюпке «Тобол» от этого города, провожаемый пушечным салютом. Осенью 1735 года он вернулся в Тобольск после двух тяжелых плаваний, не достигнув конечной цели. Дубель-шлюпка «Тобол» с изорванными парусами и больной командой, помятая в борьбе со льдами, едва дотащилась тогда до Тобольска.

Теперь лейтенант Овцын мог смотреть прямо в глаза своим тобольским знакомым: он прошел из устья Оби в устье Енисея и сделал опись пройденного пути.

Овцын предполагал пробыть в Тобольске некоторое время. Но вскоре к нему явился офицер с двумя солдатами.

— Лейтенант Овцын? — спросил офицер.

И, не дожидаясь ответа, добавил:

— Арестован.

В тюрьме Овцын увидел нескольких жителей Березова. Поговорив с ними, он понял, почему арестован.

Канцелярист Тишин, вернувшись в Тобольск из Березова, подал обстоятельный донос. Он писал, что березовский воевода и начальник караула майор Петров содержат Долгоруких «не крепко». В бытность его, Тишина, в Березове у Долгоруких свободно бывали многие березовские жители, а чаще всех лейтенант Овцын. И Иван Долгорукий не раз ругал царицу Анну Иоанновну, а Овцын слушал и о том не доносил.

Из Тобольска командировали в Березов капитана Ушакова. Он явился туда под вымышленным предлогом и познакомился не только с воеводой и с майором Петровым, но и стал запросто бывать у Долгоруких. Однажды Иван Долгорукий сказал ему про царицу:

— Через нее вся наша фамилия пропала.

Ушаков уехал в Тобольск, но скоро вернулся с отрядом

солдат. Схвачены были Иван Долгорукий с братьями, березовский воевода, начальник караула майор Петров и многие березовские жители. А Овцына приказано было арестовать, как только он вернется из экспедиции.

Получив рапорт Овцына о том, что он благополучно доставил дубель-шлюпку «Тобол» в Енисейск, и вслед за тем известие об аресте лейтенанта в Тобольске, Адмиралтейств-коллегия сделала осторожную попытку вызволить его из беды.

Адмиралтейств-коллегия одобрила рапорт Овцына и в своем постановлении назвала его «честным офицером». Она постановила написать в сибирскую канцелярию о лейтенанте Овцыне:

«Ежели до него по известным Тайной канцелярии делам важности не касается, отправить в Санкт-Петербург и велеть явиться в Адмиралтейств-коллегию, понеже в содержанных в бытность его в порученной экспедиции журнале и карте имеется немалая нужда».

Но следователи Тайной канцелярии в Тобольске не обратили внимание на это ходатайство и продолжали держать Овцына в тюрьме вместе с другими людьми, арестованными по делу Долгорукого.

В тобольской тюрьме на Долгорукого надели кандалы и приковали к стене цепью. На одном из допросов он проговорился: сказал, что перед смертью Петра Второго составил было вместе со своими дядями от имени умиравшего царя подложное завещание в пользу «государыни-невесты», Екатерины Долгорукой, но потом испугался и бумагу уничтожил.

Долгорукого отправили в Петербург, в Тайную канцелярию, которая ведала розыском по всем государственным преступлениям. После пыток Иван Долгорукий и двое его дядей были казнены. В Тобольске отрубили голову майору Петрову. Других приговорили к разным тяжелым наказаниям.

Доносчик Тишин получил награду: его перевели в Москву, повысив в должности, и постановили выдать ему шестьсот рублей, но не сразу, а выплачивая их по сто рублей в год. «Понеже он пьянству и мотовству подвержен», пояснила свое решение Тайная канцелярия.

Овцыну объявили его вину: «Будучи в Березове, со ссыльным Иваном Долгоруким имел кумпанию, дружеское обхож-

Корабли капитана В. Беринга в Петропавловской гавани.
С гравюры середины XVIII века.

дение и хаживал к нему в гости, чего чинить было не должно».

Овцына разжаловали в матросы и отправили на Камчатку, в распоряжение капитан-командора Беринга.

Капитан-командор встретил его доброжелательно. Став «матросом первой статьи», Овцын на деле сделался как бы адъютантом Беринга, который давал ему разные поручения. Но некоторые офицеры на корабле Беринга «Святой Петр» были этим недовольны. Овцын прямо высказывал свои суждения о делах экспедиции и решался возражать, если мнения офицеров казались ему неосновательными.

В начале ноября 1741 года «Святой Петр» возвращался после тяжелого плавания к берегам Северной Америки, во время которого были открыты полуостров Аляска и Алеутские острова. Судно было повреждено штормами. Почти вся команда была больна цынгой, от которой матросы и офицеры умирали один за другим. Направление было потеряно, и

никто не знал точно, где находится судно, хотя и можно было предполагать, что Камчатка недалеко. Когда 5 ноября вдалеке показались очертания какой-то гористой земли, всех охватила радость.

В каюте тяжело больного Беринга был созван необычный корабельный совет: на него позвали на этот раз, независимо от чина, всех, кто стоял на ногах. Нужно было решить вопрос, следует ли попытаться высадиться на неизвестную землю или итти дальше, пока убедятся, что это берег Камчатки.

Лейтенант Ваксель и другой офицер, корабельный мастер Хитрово, утверждали, что показавшаяся впереди земля — Камчатка и надо непременно высадиться на ее берег. «Матрос, что прежде был лейтенантом», Дмитрий Овцын не согласился с этим мнением.

Он сказал, что нет достаточных оснований считать Камчаткой землю, показавшуюся впереди. А если эта земля окажется необитаемым островом, высадившимся на нее для зимовки людям будет угрожать почти неизбежная гибель. Поэтому он предлагал продолжать плавание, пока корабль не дойдет до Камчатки, которая должна быть уже недалеко.

Офицеры пришли в негодование.

— Пошел вон! — крикнули Овцыну.

Капитан-командор Беринг тоже не был уверен в том, что земля, показавшаяся впереди, — берег Камчатского полуострова. Но, видя, что команда судна окончательно выбилась из сил, он не стал возражать против попытки высадиться на эту землю.

«Святой Петр» приблизился к неизвестному берегу и чуть не разбился о прибрежные камни. Земля, как и предполагал Овцын, оказалась островом, на котором не жили и, повидимому, никогда не бывали люди. Но случилось то, чего никто не мог ожидать. На берегах этого острова оказалось невероятное множество животных: тюленей, моржей, котиков, морских бобров, песцов. Они совершенно не боялись людей, которых никогда не видели. А около берега медленно плавали огромные, неуклюжие млекопитающие, давно вымершие в других местах, — морские коровы.

Участники экспедиции смогли почти без труда добывать свежее мясо, которое было так нужно больным цынгою. Ка-

питан-командор Беринг и некоторые тяжело больные его спутники умерли от цынги, но остальные выздоровели.

Овцын перенес тяжелую зимовку на голом острове, которому дали имя Беринга в память умершего капитан-командора. На следующий год оставшиеся в живых участники плавания добрались до Камчатки.

Вернувшись из экспедиции, Овцын узнал, что его восстановили в чине лейтенанта.

Он еще довольно долго пробыл на морской службе и дослужился до важной должности: оберштер-кригс-комиссара флота.

О деятельности оберштер-кригс-комиссара Овцына не осталось никаких воспоминаний. Но зато надолго сохранилась память о лейтенанте Овцыне, который четыре года подряд пытался пройти не изведанным ранее путем через Ледовитый океан из устья Оби в устье Енисея и наконец разрешил эту задачу.

НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

30 июня 1735 года от города Якутска отплыли два судна. Они были только что построены, и на палубах пахло смолой и свежей, едва просохшей краской. На корме одного судна виднелась надпись «Иркутск». Другое судно называлось «Якутск».

Ботом «Иркутск» командовал лейтенант Питер Ласиниус. Он был родом датчанин, но служил в русском флоте. Ласиниус считался опытным моряком, но по Ледовитому океану, куда направлялось судно, ему предстояло плавать в первый раз.

Команда «Иркутска» состояла из пятидесяти двух человек и с трудом умещалась на маленьком судне, длиной всего около двадцати метров.

Другим судном, дубель-шлюпкой «Якутск», командовал лейтенант Василий Прончищев. Прончищев плавал раньше штурманом и хорошо знал навигацию, или «науку о морском хождении», как говорили в то время.

Вместе с Прончищевым отправилась в плавание его жена Мария.

Многие участники Великой северной экспедиции, зная, что им придется прожить в Сибири несколько лет, взяли с собой жен. Жены моряков жили с мужьями в Якутске и других городах, но ни одна из них не сопровождала мужа во время плавания.

— Вояж будет многотрудный и гораздо опасный, — предупреждали Прончищеву.

Но она настояла на своем.

Обязанности штурмана на «Якутске» исполнял Семен Иванович Челюскин, человек молодой, выносливый и настойчивый. Лейтенант Прончищев смог скоро убедиться, что Челюскин — надежный помощник.

Для составления карт и съемки берега к экспедиции Прончищева был прикомандирован геодезист Чекин. Можно было предположить, что часть берега придется описать со стороны суши. Чекин должен был выполнить эту работу.

За Якутском Лена текла широкой лентой между лесистыми берегами. Чем дальше к северу, тем многоводнее становилась река. Но леса, стоявшие по ее берегам, чахли. Деревья становились все мельче и мельче, стволы их искривлялись, точно лес хворал тяжелой болезнью. Потом деревья уступили место кустам. Наконец пошла кочковатая тундра, на которой росли кустики голубицы с синими кисловатыми ягодами и бледнооранжевая морошка.

Больше месяца потребовалось на то, чтобы дойти до устья Лены.

Перед впадением в океан Лена разделяется на несколько рукавов. 2 августа бот «Иркутск», шедший впереди, вошел в восточный рукав, Быковскую протоку. Следовало промерить глубины, отметить мелкие места и подробно описать протоку. Но надо было спешить — впереди лежал долгий и трудный путь от устья Лены по Ледовитому океану до пролива, отделяющего Азию от Америки и дальше, вдоль Чукотского полуострова.

Между тем был уже август, и трудно было надеяться совершить такое большое плавание этим летом. Ласиниус хотел пройти возможно дальше на восток, перезимовать в устье одной из больших рек, впадающих в Ледовитый океан, и возобновить плавание весной будущего года.

Ледовитый океан встретил Ласиниуса неприветливо. Стоя-

ла холодная туманная погода. Не было попутных ветров. Бот медленно продвигался на восток вдоль однообразного, унылого, голого берега. Через пять дней льды преградили путь. Маленькое деревянное судно беспомощно стукалось о льдины, стараясь продвинуться вперед.

В течение двух дней бот не мог плыть дальше. Потом льды немного развело, и «Иркутск» медленно пошел вперед. Но вскоре лед опять остановил судно.

Ласиниусу раньше случалось переживать опасности на море, когда ветры трепали судно и гнали его по волнам. Но такого плавания, когда надо было медленно продвигаться среди льдин, опасаясь, как бы лед не сковал судно, Ласиниусу не приходилось еще совершать.

И уже после нескольких дней плавания по Ледовитому океану он стал думать о том, чтобы войти в безопасную гавань.

— Надобно найти отстойное место к зимовью, — говорил Ласиниус.

14 августа Ласиниус увидел залив Борхая, в который впадала небольшая речка Хараулах. Путь на восток был закрыт льдами.

Ласиниус решил войти в залив и здесь перезимовать.

18 августа бот «Иркутск» стал на зимовку.

Залив, выбранный для зимовки, находился всего в двухстах двадцати километрах от устья Лены.

На берегу нашли несколько давно оставленных юрт. Других признаков человеческого жилья найти не удалось: местность была безлюдна и пустынна.

Поблизости оказалось довольно много плавника.

Ласиниус распорядился построить из плавника дом. Построили избу, длинную и узкую, в двадцать четыре метра длиной и три шириной. Сделать это было нелегко. Среди плавника нельзя было найти достаточно толстых и ровных деревьев. Приходилось брать деревья с кривыми стволами. Кое-как сложили стены. Для крыши плавника нехватило, и дом покрыли дерном. Стены получились со щелями, и как ни конопатили их мхом, которого много было в прибрежной тундре, все-таки дуло очень сильно.

Еще хуже вышли печки. Чтобы отопить такое помещение, решили поставить три печи. Подходящей глины не было, и

печи кое-как соорудили из речного ила. Но они несколько раз обваливались во время топки.

В начале сентября выпал снег, а вскоре после того замерзла река. Дни быстро шли на убыль. Начиналась трудная и длинная северная зима.

В доме, где зимовала команда бота «Иркутск», было холодно, сыро и дымно.

У Ласиниуса был достаточный запас провианта для одной зимовки. Он решил, что, судя по началу путешествия, надо рассчитывать на две зимовки, и сократил выдачу пищи команде. А пища была и без того скудная: солонина, каша, сухари и лепешки, заменявшие хлеб. Хлеб нельзя было выпечь, не имея хорошей печки.

Ласиниус не понимал, что люди, скученные в холодном дымном помещении, при скудной и однообразной пище, не смогут перенести и одной зимы.

Вскоре началась цынга. И одним из первых захворал сам Ласиниус. Люди быстро теряли силы. Опухало тело, на коже появлялись синие и зеленые пятна, из десен сочилась кровь.

Наступила полярная ночь. Начались морозы.

В полутемном холодном доме, едва освещаемом светильней, лежали вялые, ослабевшие люди.

Немногие, кто еще держался на ногах, выходили на берег, коченеющими от холода руками откапывали в глубоком снегу плавник и топили печи, которые почти не сохраняли тепла.

В декабре умер Ласиниус. Вслед за ним умерли штурманский ученик, геодезист и многие матросы.

19 января впервые показалось на несколько минут солнце.

Но больные продолжали умирать. В марте умерли четырнадцать человек, в том числе и подлекарь Хренев.

К началу мая из пятидесяти двух человек умерли тридцать девять. Только подштурман Василий Ртищев и еще семь человек были более или менее здоровы.

Они питались такой же скудной пищей и жили в той же холодной, сырой избе, но все время старались как можно больше двигаться и работать.

Скорее всего заболевали те, кто не боролся с сонливостью. Восемь человек, остававшихся здоровыми, договаривались друг с другом:

— Ежели увидишь, что я сплю больше четырех часов подряд, подымай меня силой. Не буду вставать — лей холодную воду на голову.

Они ходили за топливом в самые морозные дни. Только тогда, когда ветры бушевали так, что трудно было устоять на ногах, они не решались выходить из дома. Однако и тогда они старались не оставаться без дела.

К началу весны и эти люди стали слабеть. Только когда наступили длинные солнечные дни, слабость быстро прошла.

В апреле умерло еще трое больных. Оставшиеся в живых решили пешком итти к устью Лены.

В начале июня они сдали остававшееся в заливе Борхая судно подштурману Щербинину, прибывшему из Якутска с несколькими матросами. Потом Василий Ртищев с семью матросами вернулся в Якутск. Подштурман Щербинин стал штурманом бота «Иркутск».

Капитан-командор Беринг, находившийся тогда в Якутске, назначил нового командира, лейтенанта Дмитрия Лаптева, и новую команду для бота «Иркутск».

Лейтенант Ласиниус погиб в самом начале экспедиции, но его путешествие оказалось поучительным: на примере Ласиниуса можно было наглядно научиться тому, как нельзя организовывать зимовку в полярных странах.

Лейтенант Прончищев вышел из устья Лены через несколько дней после Ласиниуса. Прончищев должен был обследовать значительную часть северного морского пути: пройти на запад от устья Лены до устья Енисея.

Это трудное и длительное плавание нельзя было закончить до начала зимы. Прончищев рассчитывал войти в устье одной из рек, впадающих в Ледовитый океан между Леной и Енисеем, и там перезимовать.

Миновав мелкие песчаные острова, лежащие в устье Лены, он пошел к западу.

Судно довольно часто останавливалось, чтобы сделать промеры. Но и без того все время приходилось задерживаться: не было попутного ветра.

Короткое северное лето подходило к концу. Несколько раз шел снег, с каждым днем становилось холоднее.

25 августа увидели залив, в который впадает довольно

широкая река Оленек. На берегу залива стояли девять или десять небольших избушек.

С корабля спустили шлюпку.

— Никак, якуты, — говорили матросы разглядывая людей, столпившихся на берегу.

Однако оказалось, что это были русские промышленники, добывавшие здесь рыбу и охотившиеся на песцов и оленей. Они были женаты на якутках, одевались, как якуты, и вели такой же образ жизни.

Берега были безлесные, но на земле валялось довольно много плавника, который можно было использовать для построек и топлива.

Лейтенант Прончищев решил здесь перезимовать.

«Нынче двадцать пятое августа. Ежели и сможем еще немного далее морем пройти, все равно скоро должны будем на зимовку стать. А найдем ли мы далее гавань, столь удобную? Да и жители здешние зимой нам могут полезны оказаться», рассуждал Прончищев.

С судна сняли все снасти и поставили его на зимовку. На берегу построили из плавника избы для команды.

— Дабы не стеснять здешних жителей, — пояснил Прончищев.

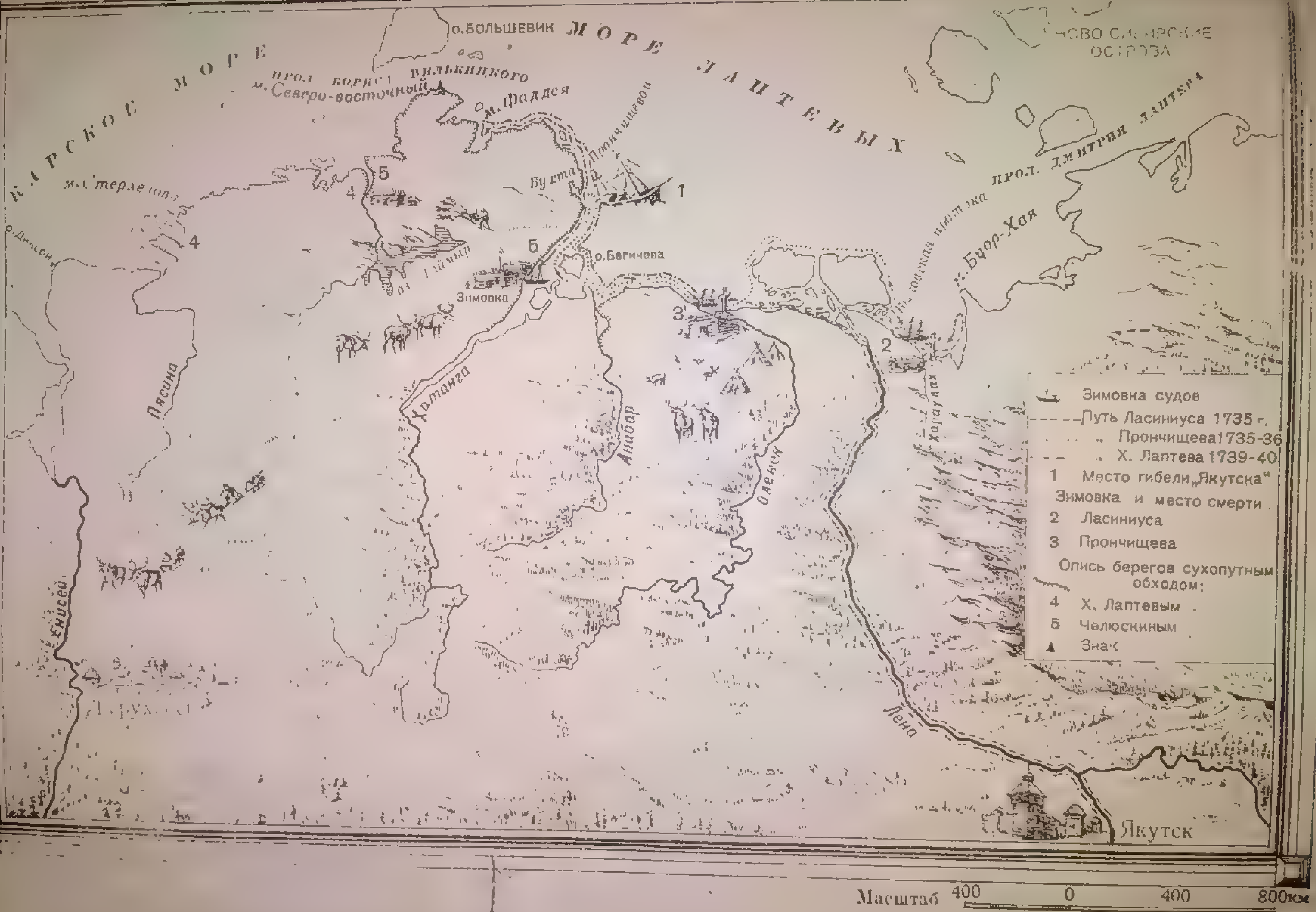
В устье реки Оленека было очень много рыбы. Промышленники, которые здесь жили, ели ее в разных видах. Зимой они замораживали сырую рыбу и потом строгали ее тонкими ломтиками.

— Строганина и против болезни помогает, — говорили они.

Действительно, это кушанье до некоторой степени предохраняло от цынги.

Местные жители делали на зиму большие запасы морошки и других ягод. Ягоды заливали рыбьим жиром, и это блюдо считалось хорошим средством против цынги. Но особенно полезно было, по их мнению, пить свежую оленью кровь и есть оленье мясо; даже люди, уже заболевшие цынгой, излечивались оленьей кровью.

Лейтенант Прончищев и его команда могли питаться свежей пищей: рыбы было много, оленей можно было достать у якутов и эвенков, которые кочевали на берегах реки Оленека.

КАРТА ПЛАВАНИЙ ЛЕЙТЕНАНТОВ ЛАСИНИУСА, ПРОНЧИЩЕВА И ХАРИТОНА ЛАПТЕВА.

Для команды «Якутска» зимовка прошла сравнительно благополучно. Правда, жизнь в темных и дымных избах повлияла на здоровье самого Прончищева, его жены и некоторых матросов: у них пожелтели лица, появились слабость и вялость. Цынга началась, но на этот раз не успела развиться. Когда наступило лето 1736 года, команда «Якутска» смогла продолжать плавание.

В этом году река Оленек вскрылась довольно поздно — 21 июня. Залив, в который она впадает, еще долго был забит льдом. Только 3 августа «Якутск» смог выйти в море.

Ветер был попутный, и уже через два дня дошли до устья большой реки Анабары.

Прончищев решил описать устье Анабары и начал делать промеры. В то же время он послал геодезиста Чекина вверх по реке искать руду, которая, по слухам, была в тех местах.

Чекин через несколько дней вернулся и привез образец какой-то породы. Впоследствии, когда образец доставили академику Гмелину для исследования, оказалось, что это сера. Чекин рассказывал, что видел горячую землю, из которой местами сквозь щели шел дым.

— Будто пожар под землей, — говорил Чекин.

Сообщение Чекина выслушали с недоумением.

И только многие годы спустя геологи подтвердили и объяснили его рассказ. Под землей действительно был в этом месте пожар — горели пласты каменного угля.

Шесть дней простоял «Якутск» в устье Анабары и, подгоняемый тихим попутным ветром, пошел дальше.

По морю носились льдины, и «Якутск» пробивался меж ними с большим трудом. Через четыре дня увидели широкую реку, впадающую в залив с крутыми голыми берегами.

«Якутск» вошел в залив. На западном берегу видна была небольшая избушка. В избушке не нашли людей, хотя и видно было, что хозяева недалеко: около избы бегали собаки, в избе лежал хлеб.

Прончищев не стал задерживаться и пошел дальше на северо-запад.

17 августа большие льдины стали встречаться все чаще, «Якутск» с трудом находил проход между ними.

«Через великую нужду шли», записал Прончищев.

Погода была холодная и пасмурная. Лейтенант Прончищев, не обращая внимания на усталость, почти все время проводил на палубе, следя за льдами. Цынга, первые признаки которой он почувствовал во время зимовки, возобновилась с новой силой.

19 августа подошли к ледяному полю, тянувшемуся от самого берега далеко в море. Прончищев попытался его обойти, взяв курс на север.

На льду было много белых медведей. Нередко медведь, заметив судно, направлялся к нему и, подойдя довольно близко, с любопытством рассматривал его, вытянув шею. Видно было, что медведи здесь никого не боятся.

«Якобы какая скотина ходят», отметил штурман Челюскин в корабельном журнале, делая запись о белых медведях, которые ходили по ледяному полю по-двое, по-трое, точно коровы на лугу.

Прончищев надеялся, что он сможет обойти лед, стоявший у берегов.

Но небольшое пространство чистой воды на север начало быстро сокращаться.

— Слева гладкий стоячий лед, справа льды носячие. Попали в самые глухие льды и конца им видеть не могли, — рассказывали потом спутники Прончищева.

Определили широту. Оказалось, что судно уже зашло довольно далеко на север: оно достигло 77° 29' северной широты. Возможно однако, что «Якутск» прошел на север километров на сорок-пятьдесят дальше, чем считал Прончищев. Есть основания думать, что вследствие какой-то неточности в показаниях инструментов Прончищев и Челюскин часто определяли географическую широту приблизительно на 25 минут ниже, чем это было на самом деле.

Прончищев созвал корабельный совет. Совет признал, что плавание продолжать невозможно и надо возвращаться назад.

«Якутск» дошел до восточной стороны Таймырского полуострова и был недалеко от северного его берега. Но Прончищев не смог дойти до самой северной части Таймырского побережья, как не смогли это сделать и спутники лейтенанта Овцына — Минин и Стерлегов, которые подходили к этому полуострову с западной стороны.

Лейтенант Прончищев сделал все что мог. Но его маленькое судно не могло преодолеть ледяную преграду.

На совете решили итти назад. Однако оказалось, что это решение нелегко осуществить. 20 августа мороз усилился. Льды стали стягиваться вокруг судна.

Ветер утих, и несколько часов шли на веслах. Потом опять подул ветер и раздвинул льды, преграждавшие путь судну. Удалось поставить паруса.

Прошло еще три дня в борьбе со льдами, пока дошли до устья Хатанги. Больной Прончищев с трудом переносил то постоянное напряжение, в котором приходилось жить в эти дни. Преодолевая слабость, он старался держаться на ногах. Силы его падали. Штурман Челюскин должен был заменять командира.

25 августа подошли к устью Оленека.

Изнуренные холодом и непосильным трудом, люди с радостью увидели знакомые берега. Но им не скоро удалось ввести судно в залив. Дул сильный противный ветер, падал густой снег, снасти обмерзли.

Дни шли за днями, а волны все отбрасывали судно от залива.

29 августа лейтенант Прончищев умер. Обессилевшие матросы едва стояли на ногах от усталости.

Только 2 сентября Челюскин ввел судно в устье Оленека. По реке уже несло лед. «Якутск» дошел до своей прошлогодней стоянки и стал на якорь.

На восточном берегу Оленека, около того места, где река впадает в море, стоит невысокий утес Тумуль-Кай. Недалеко от этого утеса вырыли могилу и опустили в нее тело лейтенанта Прончищева.

Через несколько дней умерла и его жена. Ее похоронили в одной могиле с лейтенантом Прончищевым.

Одинокая могила Прончищевых до сих пор видна с моря вблизи устья Оленека, мимо которого теперь идут корабли по Великому Северному морскому пути.

Дубель-шлюпка «Якутск» снова стала на зимовку в устье Оленека. На этот раз цынга охватила, повидимому, бо́льшую часть команды и унесла немало жертв. До нас не дошли имена умерших, но много лет спустя были найдены их уже разрушившиеся могилы.

Могила Прончищевых.

Весной 1822 года участник экспедиции лейтенанта Анжу, штурманский помощник Ильин, приехал к устью Оленека, чтобы уточнить на карте линию побережья. На правом берегу Оленека, недалеко от взморья, он увидел развалины шести домов, из которых в одном было несколько комнат, остатки двух бань и амбаров.

Поодаль находилось кладбище с братскими могилами, в которых хоронили сразу несколько умерших. Могилы были вырыты, повидимому, неглубоко: развалившиеся гробы и человеческие кости валялись на земле. На единственном уцелевшем, хотя и наполовину сгнившем кресте Ильин с трудом разобрал надпись:

«На сем месте погребен морского флота подлекарь Иоанн Филатов».

Дальше было указано время смерти, но Ильин, повидимому, прочитал не совсем правильно эту строку: «Марта 13 дня 1738 года». Вероятно, подлекарь Филатов умер в марте 1737 года, потому что летом этого года команда дубель-шлюпки уже покинула устье Оленека.

Капитан-командор Беринг был еще в Якутске, когда по-

лучил рапорт Челюскина о смерти Прончищева. Беринг стал думать, что делать дальше.

Лейтенант Ласиниус погиб с большей частью своей команды, отойдя недалеко на восток от устья Лены. Лейтенант Прончищев после трудного плавания едва вывел свое судно из льдов и умер от цынги. Следовало ли возобновлять их попытки и вновь посылать в плавание бот «Иркутск» и дубель-шлюпку «Якутск»?

В Якутске находились в то время несколько морских офицеров, участников экспедиции, и академики Гмелин и Миллер. Капитан-командор пригласил их на совет.

— Ежели пойдут те дубель-шлюпки и бот в плавание и не пройдут и от льдов получат себе повреждение или паче и совсем пропадут, тогда взыщется на нас, чего ради без указа отправили и потеряли напрасно? — говорил Беринг.

Решили временно приостановить экспедицию на запад и на восток от Лены и запросить Адмиралтейств-коллегию.

Летом 1737 года дубель-шлюпка «Якутск» пришла из устья Оленека к городу Якутску. Здесь команда судна осталась ждать решения Адмиралтейств-коллегии о дальнейшей судьбе экспедиции.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕЙТЕНАНТА ХАРИТОНА ЛАПТЕВА

В конце ноября 1737 года Адмиралтейств-коллегия получила пакет, присланный почтой из Якутска. Секретарь коллегии вскрыл печати и вынул донесение капитан-командора Беринга.

Беринг писал, что он созывал на совет ближайших своих подчиненных. Флотские офицеры и академики Миллер и Гмелин обсудили рапорты лейтенанта Дмитрия Лаптева и штурмана Семена Челюскина о встреченных в плавании тяжелых льдах. Принимая во внимание опасность плавания, смерть от цынги лейтенанта Ласиниуса с большей частью команды бота «Иркутск» и лейтенанта Прончищева, совет вынес постановление: впредь до решения Адмиралтейств-коллегии корабли в плавание по океану от устья Лены не посылать.

Секретарь передал донесение Беринга президенту коллегии адмиралу Николаю Федоровичу Головину.

— Потери точно тяжелые и весьма прискорбные. Но ежели бросить дело, до конца не доведя, смерть и труды наших моряков останутся вовсе втуне. И как можно говорить, что нельзя-де пройти далее теми местами, до коих еще не доходили? — сказал Головин.

Адмиралтейств коллегия постановила:

«Проводить те экспедиции и в другое и в третье лето без малейшего потеряния удобного времени. А буде какая невозможность в третье лето во окончание привесть не допустит, то и в четвертое лето».

Нужно было назначить вместо погибшего Прончищева другого командира. Предстояло найти человека, которому можно было поручить дело трудное, длительное и смертельно опасное.

Такой человек нашелся.

Это был мичман Харитон Прокофьевич Лаптев, двоюродный брат лейтенанта Дмитрия Яковлевича Лаптева, ставшего командиром дубель-шлюпки «Иркутск» после смерти Ласиниуса.

Харитон Лаптев происходил из небогатой семьи и сам должен был прокладывать себе дорогу в жизни. Он был моряком знающим, настойчивым и дельным. Но перед начальством Харитон Лаптев не умел выдвигаться вперед и медленно повышался в чинах. Восемь лет пробыл Харитон Лаптев гардемарином и одиннадцать — мичманом.

Он окончил Морскую академию еще в 1718 году и только в 1737 году, за выслугой лет, должен был стать лейтенантом. Как раз в это время он и подал заявление в Адмиралтейств-коллегию с просьбой назначить его в экспедицию на корабль, который должен был выйти в плавание по Ледовитому океану.

Адмиралтейств-коллегия удовлетворила его просьбу. Харитон Лаптев получил чин лейтенанта и был назначен командиром дубель-шлюпки «Якутск».

Якутскому воеводе был послан указ содействовать экспедиции Лаптева. Казаки, выезжавшие из Якутска собирать ясак, должны были предупредить якутов, живших на побережье Ледовитого океана, чтобы они всячески помогали экс-

педиции: давали оленей и выполняли поручения лейтенанта Лаптева. Воеводе предписывалось построить в разных местах на побережье склады с провизией.

Лейтенант Харитон Лаптев взял с собой новые паруса, канаты и прочее снаряжение для дубель-шлюпки.

Только летом 1738 года прибыли в Якутск предназначенные для экспедиции грузы. Дубель-шлюпка «Якутск» могла выйти в плавание лишь в 1739 году

С лейтенантом Харитоном Лаптевым отправлялись в плавание и спутники Прончищева — штурман Челюскин и геодезист Чекин. Лаптев должен был повторить плавание Прончищева и довести его экспедицию до конца: обогнув Таймырский полуостров, дойти до устья Енисея.

Летом 1739 года Харитон Лаптев постарался выйти возможно раньше из Якутска. Однако дойти до устья Лены удалось только в середине июля.

Прончищев в 1735 году вышел в океан восточным рукавом Лены, Быковской протокой. Лаптев выбрал западную, Крестецкую протоку, еще никем не исследованную. Он сделал необходимые промеры и описал этот рукав Лены:

«Идет низкими берегами, разною глубиною, от шести до восьми сажен. На островах около тех проток кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озерам мелким. Они ж, якуты, промышляют песцов белых и голубых через всю зиму. Ездят на собаках. На полях около протоки трава низкая и иссохшая и мох, где по мокрым местам, есть трава зеленая, невысокая».

В Ледовитый океан Харитон Лаптев вышел 21 июля, на три недели раньше, чем Прончищев в 1735 году.

Океан встретил Лаптева так же неприветливо, как и Прончищева.

Месяц шел Лаптев на запад, борясь со льдом. Несколько раз льдины сдавливали судно так, что оно было на краю гибели.

«Спасение с великим трудом получили», записывал Лаптев.

Шли вперед то на парусах, то на веслах. Иногда обкалывали лед вдоль бортов пешнями.

Медленно продвигаясь вперед, прошли мимо устья реки

КАРТА ЧАСТИ БЕРЕГА ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ИЗ «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ СИБИРИ», СОСТАВЛЕННОЙ С. РЕМЕЗОВЫМ В 1701 ГОДУ.

На карте показаны устья рек Енисея, Пясины, Хатанги, Анабары, но нет Таймырского полуострова. Слово: «Сивер» значит: север.

Анабары, потом миновали залив, в который впадает река Хатанга. Теперь предстояло самое трудное — обогнуть далеко вдающийся в море обширный и суровый Таймырский полуостров. Не было известно, докуда простирается этот полуостров и где расположен его северный берег.

Замечательный сибирский географ и картограф Семен Ремезов, живший в Тобольске и тщательно собиравший географические сведения о Сибири для своего атласа — «Чертежной книги Сибири», законченной около 1701 года, не знал достаточно ясно даже о существовании Таймырского полуострова.

На карте, составленной Ремезовым, были указаны реки Пясина, Хатанга, Анабара, впадающие в «море Акиян». Но между устьями Хатанги и Пясины, на том месте, где следовало бы обозначить Таймырский полуостров, был нарисован берег, не имевший ничего общего с действительностью.

21 августа дубель-шлюпка «Якутск» подошла к мысу Фаддея, на восточном берегу Таймырского полуострова, и вошла в залив.

Лаптев описал залив и мыс:

«На нем местами камень белый, подобный алебастру. Земля — глина и изредка мох, неудобный к оленьему корму».

У мыса Фаддея Лаптев заметил стаю морских животных, достигавших пяти метров длины и по форме тела похожих на маленьких китов.

Они выставляли из воды морду, слегка напоминавшую коровью, и кувыркались. Тогда на поверхности моря показывались неуклюжее белое тело и хвост, раздвоенный, как у рыбы.

«У сего мыса стоя, видели морских зверей, великих собою, подобных рыбе — шерсть маленькая, белая, яко снег, рыло черное. По-здешнему называют белуха», записал Харитон Лаптев.

Лаптев хотел продолжать плавание к западу, но не мог этого сделать.

— От сего мыса простирался лед стоячий, не ломаный, — вспоминал он впоследствии.

Надо было выбрать место для зимовки.

Берег около мыса Фаддея оказался неудобным для этого: слишком мало плавника, а без топлива нельзя было оставаться зимовать.

Дубель-шлюпка «Якутск» находилась недалеко от тех мест, докуда больше ста лет назад дошли с запада мореходы-поморы, погибшие на северном острове Фаддея и на Таймырском побережье. Лейтенант Харитон Лаптев ничего не знал об этих людях и их печальной судьбе. Но он и без того понимал, как трудна и опасна должна быть зимовка на этом голом берегу. Лаптев решил отвести судно назад, к устью ближайшей большой реки, Хатанги.

Судно вошло в реку Хатангу и стало на зимовку. На берегу нашли зимовье промышленника, который жил здесь, охотясь на песцов и оленей. Рядом выстроили еще избу.

Предписание построить склады для припасов на побережье Ледовитого океана, посланное из Петербурга якутскому воеводе, не было выполнено. В Петербурге плохо представляли себе расстояние от Якутска до Ледовитого океана и трудности передвижения по его побережью.

Но Лаптев взял достаточный запас провизии из Якутска.

Недалеко от устья Хатанги жили тунгусы, как тогда называли эвенков. У них можно было приобрести оленей. Лаптев послал через них донесение и письма: на восток — в Якутск и на запад — в Туруханск, город, расположенный на реке Енисее, куда Лаптев надеялся дойти в будущем году.

У жителей Севера, кочующих по тундре, был особый способ передавать вести и пересылать посылки на большое расстояние. Они ехали до ближайших соседей, кочевавших за несколько десятков, а иногда и за сотню километров. По обычаю тундры, их принимали гостеприимно. Потом гости возвращались к себе, а люди, у которых они гостили, в свою очередь запрягали оленей и ехали к соседям, чтобы передать поручение дальше.

Сборщики ясака, уезжавшие иногда за тысячу километров от Якутска, довольно быстро пересылали донесения в Якутск, пользуясь этой своеобразной почтой.

Этот способ оказался достаточно надежным: пакеты дошли благополучно.

Лаптев близко познакомился с эвенками и вкратце описал их быт:

«Оружие их лук с стрелами да полоса, яко нож, в аршин долгий одного железа, да копье... Одеяние короткое и из оленьей кожи. Нужнейшие инструменты и легкие кузницы с

собой возят и свои вещи сами куют надобные. Палатки у них называются чум, из оленьих кож, зимние с шерстью, летние из ровдуг. Натягивают на шесты, которые с собой возят».

Лаптеву понравился этот народ — живой, подвижной, ловкий и гостеприимный.

— Мужеством и человечеством и смыслом тунгусы всех кочующих превосходят, — говорил Лаптев

11 ноября солнце скрылось и показалось только 25 января. Но и самые трудные зимние месяцы команда перенесла благополучно: от цынги не погиб никто. Харитон Лаптев писал впоследствии, что все народы, живущие на берегу Ледовитого океана, едят сырую мерзлую рыбу и оленье мясо, считая эту пищу первым средством против цынги. Он сам и его команда питались так же.

Наступила весна 1740 года.

Лаптев знал, что судно не сможет выйти в плавание раньше конца июня или начала июля. И чтобы не терять времени, он отправил геодезиста Чекина для обследования берега.

В конце марта Чекин выехал на собаках в сопровождении солдата к устью реки Таймыры, а оттуда должен был отправиться к западу по берегу океана до устья Пясины

На семи нартах был погружен провиант для людей и корм для собак. С Чекиным отправились в путь и двое эвенков с оленями. На оленях везли топливо, опасаясь, что на берегу Таймырского полуострова не будет плавника.

Оленей можно было употребить в пищу если нехватит провианта. Но на пути оказалось очень мало мха, пригодного для корма оленям. Семь оленей пало от голода, и эвенки скоро вернулись назад.

В середине мая вернулся обратно и Чекин. Он пришел пешком, исхудавший и ослабевший.

— Не чаял и живым вернуться, — сказал он Лаптеву.

Оказалось, что бóльшая часть его собак погибла от голода, а остальные были не в силах тащить нарты.

— Ездил до реки Таймыры, и от нее около моря по морскому берегу к западу около ста верст, где уж земля пошла к югу. А далее затем не поехал, что себе провианта и собакам корма стало совсем мало, — рассказывал Чекин.

Лаптев начал готовиться к плаванию. Осматривали снасти, чинили паруса. Но в команде, уже перенесшей изнурительное

и опасное плавание среди льдов прошлым летом, начался ропот.

«Говорили неистовые и нерегулярные слова», писал впоследствии Лаптев.

Лейтенанту пришлось поддерживать дисциплину строгими наказаниями.

Наконец «Якутск» был готов к плаванию. Льды долго не позволяли выйти из реки в море.

13 июля 1740 года вышли в залив, в который впадает Хатанга. Он тоже был забит льдом. Много времени прошло в тяжелой борьбе со льдами, прежде чем удалось выйти из Хатангского залива.

13 августа судно попало во льды. Удары льдин были так сильны, что «Якутск» получил несколько пробоин. Судно зажало льдами и понесло на север.

Наступила страшная ночь. Вода заливала дубель-шлюпку, дул холодный ветер, шел густой снег. Команда целую ночь отливала воду и заделывала пробоины.

К утру судно глубоко осело. Лаптев распорядился выгрузить часть провианта на лед. Все время отливали воду, надеясь спасти судно.

К вечеру 14 августа льды опять понесли «Якутск».

Эвенк.

С гравюры XVIII века.

Лаптев спешно созвал корабельный совет. На совете все говорили, что на сохранение судна слишком мало надежды и надо думать о спасении команды.

Решили сойти с «Якутска» и пешком по льду пробираться к берегу. До земли было около двадцати пяти километров. Полтора дня шли до берега по льду, карабкаясь на торосы и выбиваясь из сил. Наконец 16 августа добрались до земли;

развели огонь, высушились и немного согрелись. Построили из плавника избушку, более похожую на юрту, чем на дом.

Запасы провианта были выгружены на лед в двадцати пяти километрах от берега.

Только часть груза можно было перевезти, пользуясь одной собачьей упряжкой, которую Лаптев взял на судно, выходя в плавание. Остальной груз пришлось перетаскивать на себе.

У некоторых матросов опустились руки.

— Все равно пропадем. Будем ли работать, не будем ли, [illegible] получим. Скорей бы конец, — говорили они.

[illegible] ставляли меньшинство команды. [illegible] мужество у тех, кто сохранял [illegible] м положении.

[illegible] слушание полагалось наказание [illegible] и на ремешках, которыми окан- [illegible]

[illegible] го наказание и принудить мало- [illegible] одимо было для спасения всей [illegible] зни.

[illegible] ами провианта унесло далеко в [illegible]

[illegible] есту прежней зимовки на реке [illegible] ный.

[illegible] стуж и метелиц и от пустоты [illegible] сть, и едва не все были одер- [illegible] которой несколько служителей [illegible] Лаптев.

[illegible] ись до изб, в которых жили про- [illegible] остались пережидать зиму.

Дубель-шлюпка «Якутск» погибла, унесенная льдами. Но Харитон Лаптев решил продолжать работу экспедиции.

Если не удалось дойти до устья Енисея морем, следовало пройти этот путь сушей, чтобы описать очертания берега, нанести на карту мысы и заливы. Для такой экспедиции не нужна была вся команда «Якутска».

Весной Лаптев достал оленей и собак у кочевавших к западу от Хатанги ненцев и отправил бо́льшую часть команды в город Туруханск, расположенный на Енисее.

Пока было цело судно, лейтенант Лаптев мог вести обследование по широкому плану, намеченному Адмиралтейств-

коллегией. Во время плавания он должен был не только делать наблюдения, нужные для того, чтобы правильно нанести на карту берега, но и производить другие работы: измерять глубины, отмечать состояние льдов. В инструкции, которую получил Лаптев перед отъездом из Петербурга, была указана программа наблюдений над льдами:

Остатки «маяка», построенного Х. Лаптевым на берегу Ледовитого океана.

«Где имеется у берегов стоячий лед, тот сколь далеко от земли простирается, тако ж и носячий лед, где есть, тот описать же, изредка ль оной или частой и густой и всегда ль бывает или его относит».

После гибели дубель-шлюпки стало невозможно не только делать промеры глубин в разных местах, но и вести наблюдения над пловучими льдами.

Лаптев послал в Адмиралтейств-коллегию рапорт, в котором писал, что в летнее время совершать экспедиции по берегу очень трудно, так как на собаках или оленях можно везти груз только по снегу на нартах. Летом на оленях можно было ехать только верхом, и то лишь в тех местах, где есть мох. Зимой, во время полярной ночи, тоже нельзя было вести работу экспедиции. Но весной, когда солнце уже светило ярко, а снег еще покрывал землю и делался особенно плотным, можно было совершать дальние поездки, производя наблюдения, необходимые для того, чтобы нанести на карту очертания морского берега.

По плану Лаптева, обследовать побережье Таймырского полуострова должны были трое: геодезист Чекин, штурман Челюскин и он сам.

Геодезисту Чекину предстояло описать путь от Хатанги по берегу Ледовитого океана на запад, до устья реки Таймыры. Он выехал 22 апреля 1741 года, взяв с собой одного солдата и одного якута.

Стояли солнечные дни. Снег покрылся твердой коркой — настом, по которому легко скользили нарты. Но иногда снег подтаивал под солнечными лучами, делался мягким и липким. Нарты с трудом продвигались вперед.

В первые дни ехали благополучно.

Затем случилась беда.

Весенние лучи ярко освещали снежную равнину. Снег блестел и, казалось, искрился, как будто там и сям были разбросаны мелкие бриллианты. И от этого яркого света у путников стали болеть глаза.

— Точно пятнышки перед глазами мелькают, — пожаловался как-то Чекин.

А еще через несколько дней у него так распухли веки, что он не мог открыть глаза.

— Ослеп, братцы, — сказал Чекин, чувствуя острую боль в глазах.

Пришлось возвращаться назад, не доехав до самой северной точки Таймырского полуострова.

Обратный путь был очень тяжел. У обоих спутников Чекина тоже разболелись глаза, и они почти потеряли зрение. Все они заболели тяжелой болезнью — снежной слепотой.

Эта болезнь поражает обычно путешественников, не позаботившихся защитить глаза от солнечного света. Темные очки или хотя бы козырек над глазами могут предохранить от этой болезни. Слепота эта проходит, если больной во-время завяжет глаза и останется довольно долго в темноте.

Штурман Челюскин в середине марта отправился в путь, взяв с собой двух солдат. Прежде чем начать описывать побережье, он направился от Хатанги на запад, к устью реки Пясины. Здесь находился склад провианта, построенный еще год назад по приказу туруханского воеводы.

Лаптев предполагал воспользоваться им во время плавания летом 1740 года. Но судно Лаптева погибло, прежде чем удалось обогнуть северную оконечность Таймырского полуострова.

Таким образом, предполагалось описать берег Таймырского полуострова, ведя работу с двух сторон: Чекин шел с востока на запад, а Челюскин — с запада на восток.

Внезапная слепота заставила Чекина вернуться назад.

Челюскин доехал до устья реки Пясины и двинулся оттуда

на восток. Но корм для собак кончился раньше, чем удалось пройти намеченный путь. Пришлось вернуться назад.

Лаптев 24 апреля выехал к устью реки Таймыры, откуда он хотел вести опись побережья.

Двенадцать дней ехал Лаптев через Таймырский полуостров до устья Таймыры. Апрельское солнце пригревало снег, из-под которого местами уже показывались кочки, покрытые мхом или прошлогодней увядшей травой. Однако время от времени начинались метели, снег кружился в воздухе и залеплял глаза людям и собакам.

6 мая Лаптев подъехал к устью реки Таймыры. На берегу Таймырской губы он увидел небольшую избушку, сложенную из стволов плавника.

Согнувшись, чтобы не стукнуться о потолок головой, Лаптев вошел в жилище, стены которого почернели от дыма и копоти. Посреди избушки был сложен очаг, а над ним в потолке сделано отверстие для дыма.

Это было зимовье, в котором жил якут Никифор, промышлявший песцов и рыбу.

— Против того зимовья рыбы довольное число состоит: чиры, муксуны, кунжа, нельма, омули, — вспоминал впоследствии Лаптев.

Харитон Лаптев определил долготу и широту устья Таймыры и поехал по берегу океана на восток. Но и у него разболелись глаза, как у Чекина.

«И тут у меня и имеющегося при мне солдата глаза оною непогодою перебило так, что ни на пять сажен можно видеть; чего ради, видя крайнюю гибель от очной болезни в худых и пустых местах, возвратился назад на прямой курш», писал впоследствии Лаптев.

Он вернулся в зимовье и прожил там несколько дней, дожидаясь, когда перестанут болеть глаза.

Затем он поехал берегом уже не на восток, а на запад, к устью Пясины, навстречу Челюскину. По пути он делал астрономические наблюдения, определяя широту и долготу.

1 июня Лаптев увидел Челюскина, ехавшего на исхудавших и усталых собаках. Челюскин повернул собак и вместе с Лаптевым поехал назад, к устью Пясины.

Харитон Лаптев мог сказать, что весна 1741 года не была проведена напрасно.

Чекин обследовал часть восточного берега Таймырского побережья.

Челюскин и Лаптев описали берег между устьями рек Пясины и Таймыры.

Лаптев ознакомился и с рекой Таймырой. Он писал впоследствии, что эта река вытекает из Таймырского озера и в ее верховьях есть «камень аспид».

Лаптев вкратце описал местность, по которой протекает река Таймыра:

«Земля обычная здешняя: мало травы, больше мху оленьего, чего ради с мая месяца здесь в лето бывает великое множество диких оленей, которых стада бывают по тысяче».

Однако самая северная часть полуострова оставалась необследованной. И до тех пор, пока опись побережья Таймырского полуострова не была закончена, Лаптев не мог вернуться в Петербург.

Осень и часть зимы Лаптев и Челюскин провели в Туруханске, который тогда чаще называли Новой Мангазеей, в отличие от старинного города Мангазеи, уже упраздненного в то время.

Город Мангазея, основанный еще в 1601 году на реке Таз, был широко известен в первой половине XVII века. Но после того как в 1619 году был издан указ, запрещавший плавание морем в Обскую губу, Мангазея начала хиреть. Потом центр добычи пушнины переместился к востоку. Мангазея пришла в полный упадок, и было решено упразднить этот город.

Мангазейские воеводы переехали южнее, в Туруханское зимовье, при впадении реки Туруханки в Енисей. Здесь и была построена Новая Мангазея, или город Туруханск.

Подъезжая к Туруханску, Лаптев и Челюскин увидели деревянные башни, обнесенные бревенчатыми стенами. Башни потемнели и покосились от времени.

— Эта крепость только тем и сильна, что ей не угрожают никакие враги, — сказал академик Гмелин, побывавший в Туруханске незадолго до Лаптева и Челюскина.

В Туруханске было всего около семидесяти изб, в которых жили по преимуществу сибирские казаки и пришлые люди, почему-либо желавшие поселиться как можно дальше от тех мест, где их знали.

Новая Мангазея (Туруханск).

С гравюры начала XVIII века.

— Люди набродные из русских городов, с пашпортами просроченными и вовсе беспашпортные, — говорил о них впоследствии Лаптев.

В Туруханске Лаптев и Челюскин отдыхали недолго. Они скоро стали готовиться к продолжению экспедиции.

В декабре 1741 года Челюскин выехал из Туруханска на Хатангу. Больше двух месяцев ехал он по снежной пустыне, перенося жестокие морозы и метели. В конце февраля Челюскин добрался до устья Хатанги и, отдохнув, отправился в путь, чтобы закончить работу, которую не смог в прошлом году довести до конца заболевший Чекин.

Продвигаясь на северо-запад по побережью Таймырского полуострова, он описывал заливы, мысы и небольшие островки, которые были видны с берега. Он обращал внимание на то, каков берег: высокий или низкий, каменистый или глинистый.

Несмотря на то что по календарю давно наступила весна, солнце редко показывалось из-за облаков, дули холодные ветры и часто шел снег.

1 мая 1742 года Челюскин сделал запись в путевом журнале:

«Погода мрачная. Пополудни в первом часу приехали к мысу святого Фаддея и нашли малое число дров, и то гнилье, и стали для отдыху собак; стала великая метель».

На другой день было так же холодно:

«Погода пасмурная; снег и метель великая», записал Челюскин.

Как только метель утихла, Челюскин продолжал путь на север по занесенному снегом берегу моря.

Иногда туманы были так густы и метели так сильны, что нельзя было видеть дальше, чем на несколько шагов.

«Погода пасмурная, снег и туман великий, так что ничего вперед не видно, и для того стояли на месте, понеже описания чинить не можно. Пополуночи в седьмом часу погода была пасмурная и снег. Поехали в путь свой», записал Челюскин 5 мая.

Челюскин был уже недалеко от крайней северной точки Таймырского полуострова - мыса Северо-восточного, когда случилось небольшое приключение. Собаки почуяли свежий медвежий след, шедший от берега по льду океана. Они бросились вперед по следу.

Челюскин и сопровождавший его солдат не сдерживали собак: медвежье мясо было хорошей пищей.

Только в восемнадцати километрах от берега удалось настигнуть четырех медведей. Одного из них убили, остальные убежали.

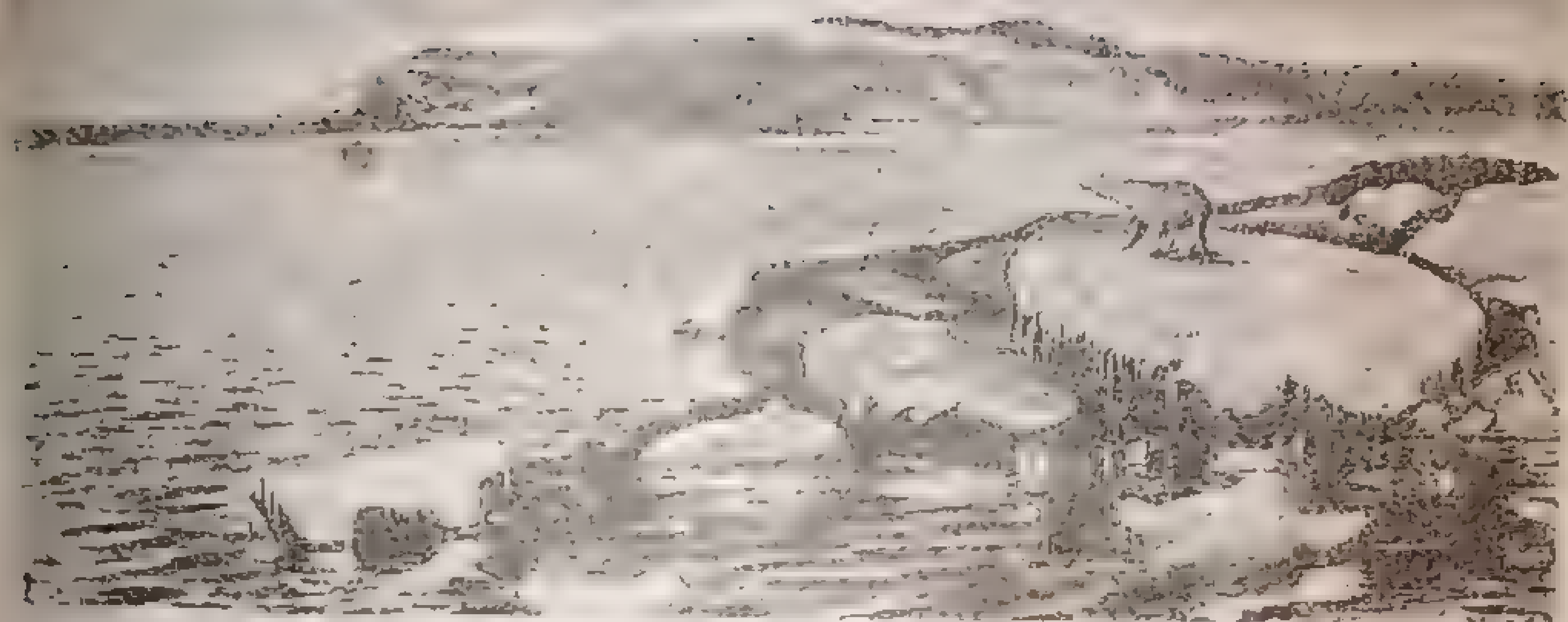
Наконец 9 мая Челюскин достиг крайней северной точки побережья Азии — невысокого каменистого кряжа, довольно далеко протянувшегося в море.

«Сей мыс каменный, приярый, высоты средней. Около него льды гладкие и торосов нет», отметил Челюскин в путевом журнале.

На берегу поставили знак на память об этом событии: врыли стоймя в землю бревно, которое нарочно для этой цели привезли с собой.

Сделав необходимые наблюдения и вычисления, штурман Челюскин определил географическую широту этого места.

Обогнув мыс Северо-восточный, Челюскин поехал дальше, на запад, описывая берег.

Мыс Челюскин.

Между тем Харитон Лаптев выехал из Туруханска напрямик через тундру к устью реки Таймыры. Отсюда он хотел итти навстречу Челюскину, производя опись берега. Добравшись в начале мая до устья Таймыры, Лаптев увидел, что запасы провизии недостаточны для дальнейшей поездки. Он не поехал дальше, но послал навстречу Челюскину солдата на нартах с припасами.

15 мая штурман Челюскин встретил нарты солдата, посланного лейтенантом Лаптевым. Поднявшаяся в это время «великая метель» заставила их простоять на месте встречи несколько часов.

На другой день Челюскин и солдат доехали до зимовья якута, жившего у устья Таймыры.

«И тут стал для отдыху собак, понеже собаки стали худы и ехать безнадежны», записал Челюскин.

Мыс Северо-восточный, описанный Челюскиным, носит теперь его имя.

В июле 1742 года Лаптев и Челюскин вернулись в Туруханск.

С 1735 года, когда штурман Челюскин и лейтенант Прончищев вышли в плавание на дубель-шлюпке «Якутск», прошло семь лет. Лейтенант Прончищев умер от цынги и лишений. Дубель-шлюпка «Якутск» погибла во льдах. Челюскину за это время приходилось не раз переносить тяжелые лишения, морозы, жесточайшие снежные метели на пустынном берегу Ледовитого океана. Смерть не раз подходила совсем близко.

Медленно, но упорно обследовал Челюскин вместе с лейтенантом Харитоном Лаптевым берег Таймырского полуострова и первый достиг самой северной его точки. Они закончили дело, ради которого погиб Прончищев.

Харитон Лаптев и Челюскин недолго оставались в Туруханске. Осенью они выехали в Енисейск, а оттуда в Петербург.

Заслуги Челюскина и Харитона Лаптева не были отмечены Адмиралтейств-коллегией.

Вскоре после своего возвращения штурман Челюскин был зачислен в мичманы и долго «исполнял должность лейтенанта», пока наконец Адмиралтейств-коллегия не утвердила его в этом чине.

В дальних плаваниях ему не пришлось больше участвовать. Опыт, приобретенный им в полярном плавании, остался неиспользованным.

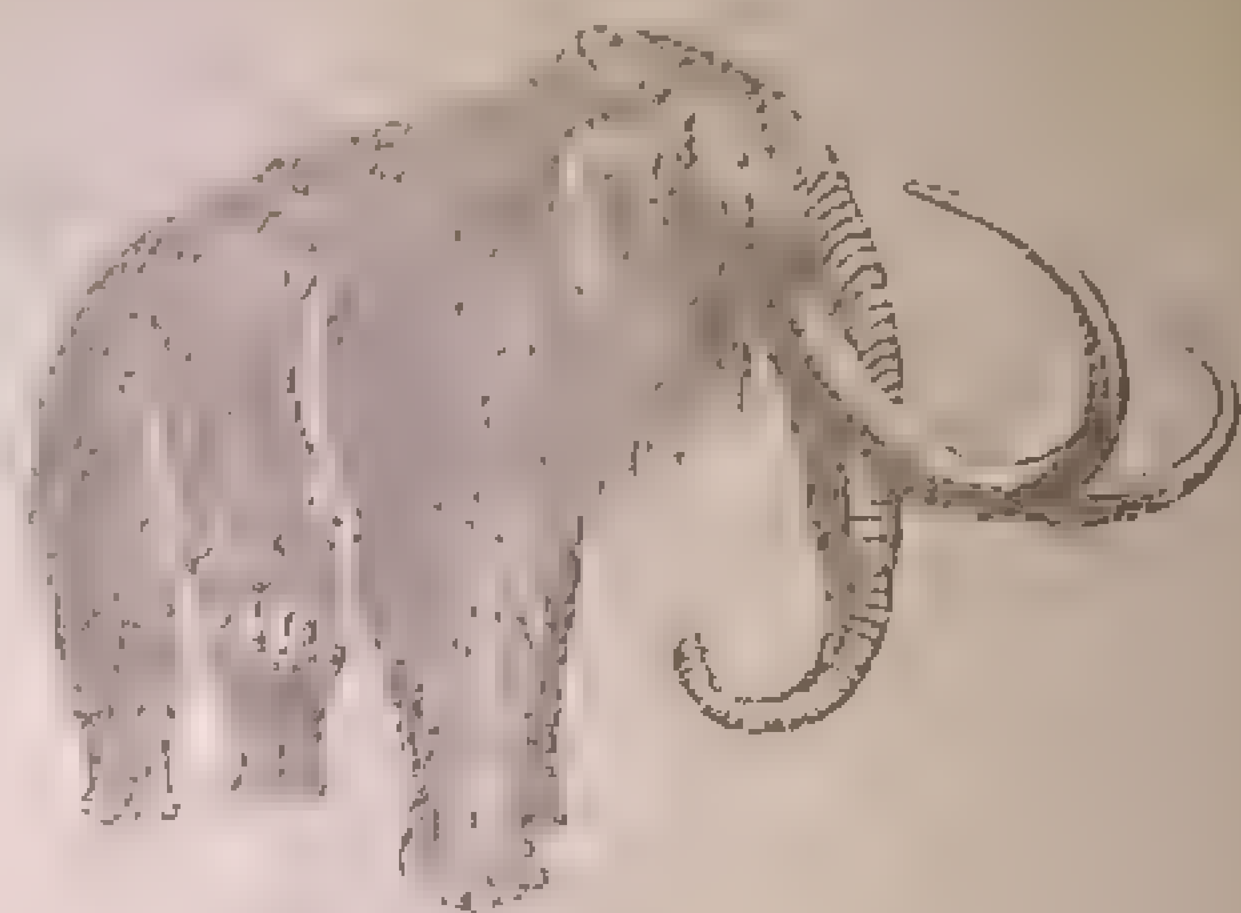
Только через восемнадцать лет после того, как Челюскин достиг самой северной точки Азии, он дослужился до чина капитана III ранга. Но имя этого скромного человека навсегда осталось в истории географических открытий.

Когда академик Миддендорф, путешествовавший по Сибири в середине XIX века, побывал на северном побережье Таймырского полуострова, было установлено, что Челюскин совершенно правильно нанес на карту мыс, до которого он добрался с таким трудом. По предложению Миддендорфа, этот мыс был назван именем Челюскина.

Лейтенант Харитон Лаптев после возвращения из Сибири командовал разными судами, плававшими в Балтийском море. Только через девять лет ему дали следующий чин — капитан-лейтенанта. Затем он начал довольно быстро повышаться по службе. В 1762 году он получил значительную должность оберштер-кригс комиссара флота, которую за несколько лет

до него занимал Овцын. Но на этом посту Харитон Лаптев пробыл недолго: он умер в следующем году.

Вскоре после возвращения из Сибири Лаптев составил описание побережья Ледовитого океана от Лены до Енисея. Таким образом, он как бы подвел итоги своего путешествия.

Мамонт.

«Для известия потомкам», объяснил Лаптев цель своей работы в рапорте, при котором передал рукопись в Адмиралтейств-коллегию.

Лаптев писал не только об очертаниях берегов и глубине заливов. Он сообщал краткие, но тогда во многом совершенно новые сведения о реках Лене, Оленеке, Анабаре, Хатанге, Таймыре, Пясине и Енисее. Вкратце он передал и некоторые свои наблюдения над бытом «кочующих народов у северных мест» — рассказал о якутах, эвенках, ненцах.

Харитон Лаптев старался отметить все, что казалось ему примечательным.

На Таймырском полуострове, так же как в других местах сибирского побережья Ледовитого океана, часто встречались клыки и кости мамонтов. И Харитон Лаптев записал то, что ему удалось узнать о мамонтах:

«А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обоими рогами. На них кожа толщиною в пять дюймов, а шерсть и тело истлелые.»

Лаптев принимал за рога клыки мамонта. Подобно многим жителям Сибири того времени, часто находившим клыки мамонта на побережье, он думал, что мамонты живут в глубине моря.

«Сей зверь мамонт есть, мнится, и ныне в море северном на глубоких местах; понеже случалося по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не вросшие, о которых уповательно: волнами выбивает».

Лейтенант Харитон Лаптев не знал и не мог знать, что суровый, покрытый бóльшую часть года снегом и льдом бе-

Клыки и череп мамонта на берегу полуострова Таймыр.

рег Таймырского полуострова когда-то выглядел совсем иначе. Многие тысячелетия назад климат там был гораздо теплее. У берега моря росли леса, в которых водились бизоны, тигры, носороги и северные слоны — мамонты.

Когда наступило похолодание, мамонты оказались лучше приспособленными к перенесению холодов, чем многие другие животные. После того как уже исчезли бизоны, носороги и тигры, мамонты еще долго жили на побережье Ледовитого океана. Потом вымерли и они.

В вечной мерзлоте на северном берегу Азии тела животных сохраняются долго, как в леднике. Бывали случаи, когда находили не только кости, но и тела мамонтов, погибших несколько тысяч лет назад. За это время менялся вид берега: побережье местами заливалось морем, а местами, наоборот, поднималось выше над его уровнем. Клыки и кости мамонтов, погибших на побережье, через некоторое время иногда оказывались на дне моря или в тех местах берега, которые размываются волнами.

Лейтенант Харитон Лаптев добросовестно описывал все, что видел. И если он иногда не мог правильно объяснить свои наблюдения, то, разумеется, нельзя винить его за это.

Мы, к сожалению, мало знаем о самом Харитоне Прокофьевиче Лаптеве. О нем, как и о других участниках Великой северной экспедиции, нам приходится судить главным образом по его делам.

Записи в путевом журнале Лаптева обычно коротки и сухи. То же можно сказать про его описание побережья между Леной и Енисеем. Но и сквозь скупые строки виден все-таки облик лейтенанта Лаптева.

Это был смелый моряк и разносторонний наблюдатель, человек, выполнявший свой долг, несмотря ни на какие опасности.

ЛЕЙТЕНАНТ ДМИТРИЙ ЛАПТЕВ

В 1736 году город Якутск был необыкновенно оживлен. Почти в каждой избе жили прибывшие издалека морские офицеры или матросы и солдаты.

Капитан-командор Беринг с большей частью своей команды надолго задержался в Якутске по пути в Охотск, откуда он должен был выйти в плавание к берегам Америки. В ожидании, пока в маленьком Охотске построят дома для команды и завезут туда провиант, Беринг и его офицеры оставались в Якутске. Здесь же находились академик — историк Миллер, изучавший старинные рукописи в якутском архиве, и академик Гмелин, собравший богатые коллекции сибирских растений и писавший о них большой ученый труд.

Офицеры старались не скучать и, казалось, не думали об опасностях предстоящего плавания. Капитан Беринг, приехавший в Якутск с женой, нередко устраивал у себя званые обеды. Молодые офицеры коротали время на пирушках и варили грог, беспечно прибавляя к горячему вину драгоценный противоцынготный лимонный сок, который привезли с собой из Петербурга.

И вдруг получилось известие, сразу напомнившее морякам о предстоящих опасностях.

Лейтенант Ласиниус, которого год назад все они провожали из Якутска, погиб от цынги. Его бот «Иркутск» не мог выйти в плавание, так как некому было им управлять.

Капитан-командору Берингу пришлось назначить нового командира и новую команду для судна. Вместо Ласиниуса был послан уже немолодой лейтенант Дмитрий Яковлевич Лаптев.

— Офицер доброревностный, — отзывались о Лаптеве люди, его знавшие.

И действительно, это был опытный моряк и человек, на которого можно было положиться. Лейтенант Дмитрий Лаптев был осторожен и заранее взвешивал предстоящую опасность. Но раз взявшись за дело, он упорно шел вперед даже тогда, когда имел мало надежды на успех.

Летом 1735 года Дмитрий Яковлевич Лаптев успешно выполнил трудное поручение, доставив большое количество грузов, предназначенных для экспедиции Беринга, из Якутска

до конца той части пути в Охотск, которую можно было пройти по рекам, — до Юдомского Креста. Для этого пришлось спуститься на лодках по Лене до устья реки Алдана, а затем итти против течения сперва по Алдану, потом по его притоку Майе и, наконец, по речке Юдоме. Лейтенанту Лаптеву удалось преодолеть все препятствия, доставить грузы к Юдомскому Кресту раньше, чем наступили морозы и замерзли реки.

Зимой Лаптев вернулся в Якутск. Академик Гмелин, живший в это время в Якутске, познакомился с Лаптевым. Он потом писал, что Лаптев не только достойный морской офицер, но и человек, отличающийся любовью к книгам.

В Якутске не было ни одного судна, пригодного для плавания по Ледовитому океану. Поэтому новую команду бота «Иркутск» пришлось отправить вниз по Лене на дощаниках.

В конце июня 1736 года Лаптев достиг устья Лены. Выйти в море на дощаниках было невозможно. Лейтенант Лаптев решил плыть в лодке до залива у мыса Борхая, где стоял бот «Иркутск». Но по морю носились льдины, местами образовывавшие ледяные поля.

Лодка некоторое время шла вперед между льдинами. Потом пришлось высадиться на берег и итти пешком до устья реки Хараулах.

Лейтенант Лаптев и посланные с ним матросы с трудом добрались до места стоянки бота «Иркутск». Они сразу принялись за работу, чтобы привести бот в порядок для предстоящего плавания.

Через месяц судно вышло в море и пошло к устью Лены, чтобы взять провиант, который оставался на дощаниках. Потом повернули назад и начали обследование морского пути на восток от Лены.

Уже через несколько дней у мыса Борхая непроходимые льды преградили путь.

«Иркутск» в это время находился около того места, где в прошлом году льды остановили Ласиниуса. В продолжение суток пытались итти вперед, расталкивая льдины шестами, все время опасаясь, как бы льды не раздавили бот.

Лаптев был отважный моряк. Но положение было настолько опасно, что впоследствии он писал:

«Непрестанно пребывали в великом страхе».

Наконец 14 августа Лаптев созвал корабельный совет.

На совете решили, что дальше итти нельзя.

Зная, что и в прошлом году льды тоже не позволили пройти далеко, постановили:

«И на предбудущий год на море не выходить, понеже к приходу до реки Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды».

Конечно, это решение должно было получить утверждение Адмиралтейств-коллегии. Своей властью прекратить экспедицию не имел права не только лейтенант Дмитрий Лаптев, но и капитан-командор Беринг.

«Иркутск» повернул на запад и вошел в реку Лену. Но до Якутска этой осенью дойти не удалось: наступили холода, и пришлось стать на зимовку, дойдя до 70°40′ северной широты.

На берегу Лены поставили пять юрт. Зимой мерзли и болели цынгой. По совету бывших в команде сибиряков, лечились от цынги отваром хвои кедровчика, который рос поблизости.

Лейтенант Дмитрий Лаптев и его спутники не могли знать что-либо о витаминах и их влиянии на организм человека. Но свежая хвоя, содержащая витамины, полезные как средство от цынги, разумеется, оказывала свое целебное действие и тогда, когда люди не подозревали о существовании витаминов. Поэтому команда бота «Иркутск» на этот раз перенесла цынгу сравнительно благополучно: умер только один больной.

Летом 1737 года бот «Иркутск» пришел в Якутск. Лейтенант Лаптев не стал здесь задерживаться. Он взял с собой журналы плавания и выехал в Петербург, чтобы сделать доклад Адмиралтейств-коллегии.

В январе 1738 года Лаптев приехал в Петербург. На следующий день после приезда он явился в Адмиралтейств-коллегию.

Подъезжая в извозчичьих санях к [illegible] внушительному дому Адмиралтейств-коллегии, Лаптев не мог не испытывать сложного чувства.

Когда он командовал ботом, совершавшим опасное плавание по Ледовитому океану, все было яснее и проще. Лаптев один отвечал за целость корабля и жизнь команды. Но зато он знал четко, какие опасности угрожают судну, и от него самого зависело принять нужное решение.

Теперь Лаптев готовился сделать рапорт о своем плава-

нии. Он должен был объяснить причины, по которым на корабельном совете на боте «Иркутск», а затем на совете, созванном Берингом в Якутске, было решено приостановить экспедицию на восток от устья Лены. Но он знал, что в столице окончательное решение примет Адмиралтейств-коллегия, для которой его мнение, может быть, совсем не будет иметь значения.

Для адмиралов и капитан-командоров, членов Адмиралтейств-коллегии, он был только один из многих лейтенантов, служащих в российском флоте, а его экспедиция — одно из многих дел, которыми распоряжалась коллегия. И, входя в дом Адмиралтейств-коллегии, Лаптев чувствовал себя менее уверенным, чем на корабле, плывущем по Ледовитому океану.

Новый дом Адмиралтейств-коллегии на Преображенском острове был битком набит подчиненными ей учреждениями. Лаптев прошел мимо обер-сарваерской конторы, ведавшей постройкой судов, цалмейстерской, производившей выплату жалованья служащим флота, контролерской, провиантской, артиллерийской, вальдмейстерской, в ведении которой находились леса, пригодные для корабельного строительства, и еще каких-то учреждений, обслуживавших флот. Везде за длинными столами сидели писцы и канцеляристы, не обращавшие никакого внимания на приезжего лейтенанта.

Лаптев поднялся на второй этаж и вошел в канцелярию, где под наблюдением секретаря переписывались журналы заседаний Адмиралтейств-коллегии.

— А мы от господина капитан-командора Беринга донесение почтой получили. Капитан-командор был в продолжение экспедиции от устья Лены весьма сумнителен. Адмиралтейств-коллегия его сумнительство разрешила и постановила экспедицию продолжать, — сказал секретарь Лаптеву.

— Я о сем по дороге в Москве слыхал. Однако счел долгом до Санкт-Петербурга доехать и в Адмиралтейств-коллегию явиться, дабы господину президенту коллегии рапортовать, — ответил Лаптев.

Секретарь обещал доложить президенту Адмиралтейств-коллегии о приезде лейтенанта.

Адмирал Головин уже почти пять лет состоял президентом Адмиралтейств-коллегии. Изо дня в день ему приходилось решать и важные и самые мелкие дела.

С Адмиралтейств-коллегией случилось то же, что происходило в это время и с другими коллегиями, созданными Петром Первым. Она должна была заботиться о том, чтобы рос и укреплялся российский флот. А для этого надо было уметь выделять самые важные вопросы и не тратить силы на всякие мелочи. В то время еще не научились это делать.

Адмиралтейств-коллегия принимала важное решение, утверждая чертежи военных кораблей, и вместе с тем выносила постановление: купить для угощения присутствующих при закладке корабля сорок белых кренделей, шесть бутылок вина белого и красного, перцу одну бумажку и пучок зеленого лука для приправы к жареной рыбе.

Коллегия рассматривала цены, по которым подрядчики поставляли провиант для всего российского флота, и в то же время выносила постановления завести на складах кошек «во избежание вящих трат от мышеедения», ассигновав пять рублей, чтобы сперва прикармливать их дешевой рыбой ряпушкой. Понемногу кипы исписанной бумаги начали как будто заслонять флот.

Надев кафтан из тонкого синего сукна с золотым шитьем и прикрепив через плечо широкую красную ленту ордена Александра Невского, Головин каждый день приезжал в Адмиралтейств-коллегию. Он выслушивал рапорты, отдавал приказы, подписывал журналы заседаний и промемории. Но той энергии, с которой он принялся за дело пять лет назад, уже не было.

И многие не без основания считали, что, в сущности, Головин делает очень мало для дальнейшего роста и укрепления российского флота.

Однако за работами Великой северной экспедиции, начавшейся в первый год его президентства, Головин продолжал внимательно следить. Он попрежнему настаивал на том, что экспедицию надо довести до конца, несмотря ни на какие препятствия.

Академик Миллер, разбиравший зимой 1736 года архив Якутска, прислал в Петербург выписки из старинных бумаг о плаваниях якутских казаков по Ледовитому океану. Миллеру удалось установить, что в 1648 году якутский казак Семен Дежнев с товарищами доплыл до конца северо-восточного берега Азии и обогнул Чукотский нос. Таким обра-

зом. Дежнев первый прошел на своем коче проливом между Азией и Америкой. Но ни он сам, ни другие в то время не могли вполне понять значение этого открытия.

О Дежневе забыли. Сохранилось, однако, предание, что якутские казаки некогда выходили в плавание из устья рек, впадающих в Ледовитый океан, и доходили морем мимо Чукотской земли до устья реки Анадырь.

Беринг слышал об этом в Сибири уже во время первой своей экспедиции. Но только изучение архива города Якутска окончательно доказало, что однажды уже удалось совершить плавание, которое предстояло лейтенанту Дмитрию Лаптеву.

Ледовитый океан совсем еще не был исследован. Адмирал Головин не знал, что там летом в разные годы состояние льдов бывает совершенно различно. В тех самых местах, где Дежнев в 1648 году видел чистую воду, другие мореплаватели в течение нескольких лет подряд могли встречать ледяное поле. Прочитав сообщение Миллера, Головин решил, что судно северной экспедиции сможет пройти путем, по которому плавал Дежнев.

Лаптеву недолго пришлось ждать приема у президента Адмиралтейств-коллегии. Головин внимательно выслушал его рапорт. Но когда лейтенант упомянул о том, что в августе 1736 года корабельный совет на боте «Иркутск» решил прекратить бесплодное плавание, Головин сказал с упреком:

— По полученному от профессора Миллера из Якутска известию, еще в давние годы люди, не знающие навигацию, на судах, почти погибельных, с парусами из оленьих кож, со снастями из ремней, с камнями вместо якорей, в такие же походы морем ходили. Как же сие плавание невозможно для моряков, искусных в навигации, на морских судах, которые безопасными перед оными кажутся?

Лаптев понял, что вопрос о продолжении экспедиции решен бесповоротно.

Адмиралтейств-коллегия дала Лаптеву подробную инструкцию.

Он должен был дойти Ледовитым океаном хотя бы до устья Колымы. Если дальнейшее плавание встретит препятствия непреодолимые, то разрешалось описать берег со стороны суши.

Намечался и другой выход.

Лаптев мог пойти от Колымы к Анадырю не по побережью, а через материк. Дойдя до устья Анадыря, Лаптев должен был затребовать у Беринга корабль с Камчатки. На этом судне Лаптев мог подняться от Анадыря к северу, обогнуть северо-восточный угол Азии с востока и дойти до Колымы.

Адмиралтейств-коллегия поняла, что нельзя, будучи в Петербурге, заранее определить весь ход экспедиции. Коллегия отметила, что лейтенант Дмитрий Лаптев — «офицер искусный» и «тамошние места знает». Она позволила ему действовать по собственному усмотрению, если он увидит, что необходимо поступить иначе, чем указано в инструкции.

— Дана ему полная властная власть, и руки у него не связываются, — говорили в Адмиралтейств-коллегии.

В 1739 году, как только Лена очистилась ото льда, бот «Иркутск» снова отплыл из Якутска.

В конце июня дошли до устья Лены. Противные ветры и льды мешали итти вперед, и только 1 августа судно подошло к мысу Борхая.

Здесь, так же как и в 1736 году, льды преградили путь судну. Но на этот раз за полосой льда была чистая вода. С большим трудом прорубили себе проход во льду и пошли дальше на восток.

Бот «Иркутск» шел вдоль невысокого голого берега. С палубы видны были большие отмели, и приходилось держать курс довольно далеко от земли.

18 августа погода резко изменилась: начали дуть сильные северо-восточные ветры, пригнавшие с собой лед. Четыре дня судно медленно продвигалось вперед, борясь с ветром и льдом.

22 августа заметили, что вода в море сделалась более пресной.

— Стало быть, мы против устья большой реки, — сказал Лаптев.

Он был прав. Судно находилось около устья западного рукава Индигирки.

С корабля спустили лодку, чтобы сделать разведку в устье реки. Лодка должна была вернуться в тот же день или назавтра, но она не вернулась.

Шесть дней ждали напрасно. Эти дни нелегко дались команде судна.

— Ветром восточным льдов нанесло множество, в которых днем с трудом на парусах пробавлялись. А ночью всеми людьми судно охранялось, и непрестанно то поднимали, то опускали якорь, — вспоминал впоследствии Лаптев.

Через шесть дней пошли дальше. Пройдя около тридцати километров среди льдин, опять остановились, войдя в почти пресную воду.

Нужно было узнать, какая это река впадает в море, и попытаться ввести бот в устье, чтобы здесь зазимовать.

На судне оставалась еще одна шлюпка. В нее сели и направились к берегу штурман Щербинин с матросом. Они тоже не вернулись на судно.

Между тем льды стали смыкаться вокруг судна. 1 сентября море сплошь покрылось льдом.

Через четыре дня поднялся сильный юго-западный ветер, который перешел в шторм и взломал лед. Судно понеслось среди льдин на север. Волны бросали корабль, как кусок дерева. Опасность была смертельная.

За пятнадцать часов судно было отнесено на сорок километров.

Потом ветер стих. А еще немного погодя ветер подул с севера, и судно стало приближаться к берегу.

9 сентября пришли на мелкое место. Но до берега, как потом выяснилось, оставалось еще около четырнадцати километров.

Опасаясь, как бы не попасть на мель, бросили якорь.

На корабле не оставалось больше лодок, и, казалось, не было возможности добраться до берега.

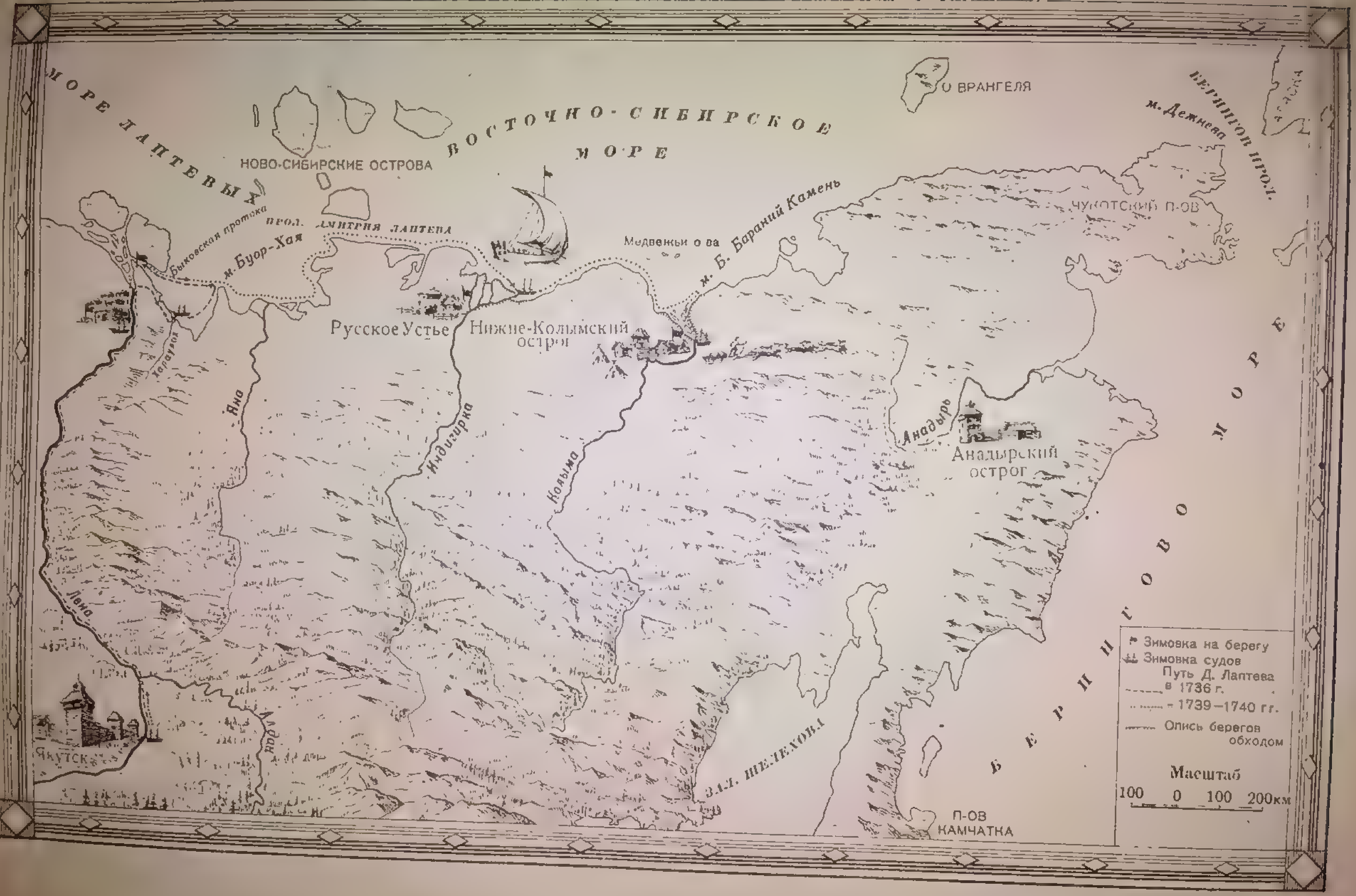
Однако выход был найден: запасный парус натянули на обручи, снятые с бочек, и сделали лодку.

Лодка благополучно добралась до берега. Оказалось, что судно стоит против устья восточного рукава Индигирки.

Подъезжая к берегу, увидели людей. Они махали руками и радостно кричали.

Это были штурман Щербинин и матросы, посланные раньше на разведку. На корабле уже не надеялись увидеть их живыми.

Они и в самом деле были на краю гибели. Лодки их были

КАРТА ПЛАВАНИЙ И ПУТЕШЕСТВИЯ ЛЕЙТЕНАНТА ДМИТРИЯ ЛАПТЕВА.

разбиты, а захваченная с собой провизия погибла в воде. Море выбросило их на берег, и чтобы не умереть с голоду, они ели песцов и какие-то травы. Им помог счастливый случай.

Еще будучи в Якутске, Лаптев отправил геодезиста Киндякова описывать реку Индигирку и часть побережья около ее устья.

31 августа Киндяков был на взморье. Здесь он встретил Щербинина и матросов, посланных на берег с бота «Иркутск». Киндяков снабдил их провизией и посоветовал оставаться на берегу, пока подойдет «Иркутск».

— Надобно полагать, что бот далече пройти не сможет. И ежели он уцелеет, то будет искать пристанища в устье реки. Может статься, надо будет сигнал подать и помочь найти вход в Индигирку, — сказал Киндяков Щербинину.

Не особенно далеко от того места, где Киндяков встретил Щербинина, находился небольшой поселок Русское Устье. Киндяков поехал туда за людьми и нартами. Он был уверен, что лейтенанту Лаптеву и его команде нужна будет помощь.

Щербинин вернулся на судно вместе с людьми, которых Лаптев посылал на берег для разведки.

Но ввести бот в устье Индигирки не удалось: лед сомкнулся вокруг судна. Лаптев решил высадить команду на берег и выгрузить продукты.

Пришлось идти четырнадцать километров до берега по неровному льду и тащить на себе груз. Две недели команда, выбиваясь из сил, перетаскивала груз с корабля по неровному льду.

Но Лаптев не упускал из виду основную цель экспедиции. Едва команда перебралась на берег, он послал матроса Алексея Лошкина производить опись побережья.

Когда геодезист Киндяков возобновил свою работу по описанию рукавов Индигирки, штурман Щербинин принял в ней участие.

На собаках, которые доставил Киндяков, постепенно перевезли команду и грузы в русский поселок. В конце сентября большая часть команды уже разместилась в избах. Избы были дымные и темные. Но после тяжелого плавания во льдах Лаптев и его команда, греясь у печки, чувствовали себя так, как будто попали в самый лучший и удобный дом.

Зимовка лейтенанта Д. Лаптева.
Реконструкция музея Арктики в Ленинграде.

Немного отдохнув, Лаптев написал два рапорта — капитан-командору Берингу и Адмиралтейств-коллегии. Лаптев составил отчет о своем плавании. Он сообщал, что удалось описать рукава Индигирки, которые оказались очень мелкими.

«Берег самый отмелый и погибельный. Нигде судна и малого близко не подпускает», сообщал Лаптев Берингу.

Составляя рапорт Адмиралтейств-коллегии, Лаптев вспомнил, как в Петербурге ссылались на плавания казаков по Ледовитому океану.

Он не удержался от возражения.

«Суда по Северному морю от Лены подле берегов выходили, то правда. Но хотя бы одно из них имело счастливое возвращение или пришло в желаемый путь, тому по видимым обстоятельствам статься не можно: и по берегу у реки Яны и у реки Индигирки, от устья к востоку и к западу, суда, выброшенные из моря с давних лет, и якори и снасти и поныне есть, что видели высланные от бота служители. И следует, что они пропадали», писал Лаптев.

Тем не менее Лаптев уведомлял коллегию, что летом 1740 года постарается пройти морем возможно дальше на восток.

Лаптев отправил свой рапорт и карты, составленные к этому времени, Адмиралтейств-коллегии с матросом Алексеем Ложкиным. Это был надежный человек, который мог обстоя-

тельно рассказать в Петербурге о том, в каких условиях работает экспедиция.

Лаптев послал с матросом Ложкиным и письмо адмиралу Головину. В этом письме он писал о том месте, в котором пришлось зазимовать:

«Отсюда до Колымы в двенадцать дней на собаках переезжают и, например, около 700 или 800 верст... И подле берегов здешних воды сыскать не можно, понеже отмели не подпущают увидеть берега, а в море льды не выпущают и, одним словом, доношу, милостивый государь, берега оные и путь — погибельной. В предбудущее лето ожидать буду, что с ботом сделается, а что нужное и провиант станем оленями перевозить».

Адмиралтейств-коллегия, получив рапорт Лаптева, предложила ему действовать «по наилучшему его рассуждению». Коллегия выразила пожелание, чтобы Лаптев обогнул Чукотский нос морем, но она разрешила описать берег по суше, если льды не пропустят бот.

Матрос Ложкин должен был доставить Лаптеву ответ Адмиралтейств-коллегии. Однако пережитые опасности и лишения подорвали душевное здоровье этого матроса: на обратном пути он психически заболел.

Лейтенант Лаптев, видимо, особенно доверял Алексею Ложкину, не раз поручая ему трудные дела. Но ни о нем, ни о других матросах, самоотверженно выполнявших свой долг, до нас не дошло почти никаких известий.

Постановление коллегии Лаптев получил только осенью 1740 года. Он не стал дожидаться, пока получит ответ на свой рапорт.

В июне 1740 года команда бота «Иркутск» вместе с людьми, которых прислали из Нижне-Колымска, начала прорубать во льду канал, чтобы вывести судно на воду. Через три недели упорного труда удалось освободить «Иркутск».

Впоследствии Лаптев так описывал эту работу:

«Усмотрено, что от берега лед верст на двенадцать покрылся водой, и то почитается «заберега». И тот морской лед от воды отделился, и бот был в том морском льду, от которого до оной забереги четыреста сажен сухого льда. И стали делать льдом канал до забереги».

Это была тяжелая работа.

Люди в меховых одеждах долбили толстый лед железными ломами. Дул ветер, и снежная пыль засыпала глаза. Если пригревало солнце, то потом пропотевшая одежда, замерзая, делалась твердой, как дерево, и натирала кожу. Руки коченели. Но надо было упорно, изо дня в день, ломать лед.

Лаптев, обросший бородой, в меховой обуви — унтах — и в якутской верхней одежде, сшитой из оленьих шкур — парке, — все время находился на месте работ. Его голубой лейтенантский мундир еще во время зимовки в дымных избах совсем потемнел, а блестящие галуны потускнели.

На Лаптеве лежала ответственность за спасение судна. И напряжением своей воли он поддерживал команду, то приказывая, то ободряя людей.

Наконец вырубили канал в четыреста сажен длиной. Судно вывели на воду, покрывавшую прибрежный лед.

Тут неожиданно случилась беда.

Прибрежный лед подломился, и судно оказалось на мели. Чтобы спасти бот, надо было его разгрузить и снять мачты. Две недели пришлось работать в ледяной воде «с великою нуждою».

Команда начала роптать.

— И многие оскорбления и беспокойства нам нанесены были, — вспоминал впоследствии Лаптев.

Наконец бот сошел с мели.

Академик Гмелин видел однажды, как гналась собака за горностаем. Маленький зверок бежал быстро, но собака догоняла его большими прыжками. Казалось, еще мгновение — и его кости захрустят в собачьей пасти. Вдруг горностай обернулся, изогнул спину, прыгнул навстречу собаке и острыми коготками царапнул ей нос. От боли и неожиданности собака взвизгнула, поджала хвост и побежала прочь. А когда, опомнившись, она снова бросилась за зверком, горностай исчез между камнями.

Небольшой отряд моряков отстаивал свое судно, затертое льдами, не останавливаясь перед смертельной опасностью, как этот маленький храбрый зверок, который до конца защищал свою жизнь и победил.

Лейтенанту Лаптеву удалось сохранить судно, хотя гибель казалась неизбежной. Бот «Иркутск» снова был готов к плаванию.

31 июля, пользуясь попутным ветром, пошли на восток. Несколько дней плыли благополучно. 4 августа дошли до устья Колымы. Вскоре после того опять появились большие льдины. Дальше было сплошное ледяное поле.

«И, проходя те густые льды, часто ботом об оные стучались, и в страхе были, что проломит от тех ударов. Но нужда была нам из них выходить», писал впоследствии Лаптев.

С большим трудом удалось пройти еще около двадцати пяти морских миль на восток от устья Колымы. Наконец около каменного мыса, известного под именем Большой Бараний Камень, сплошной лед преградил путь судну.

— Ни на один вершок воды между льдом и берегом не было видно, — вспоминал потом Лаптев.

Лаптев решил повернуть назад. Судно дошло до реки Колымы и вошло в ее устье.

Команда бота «Иркутск» провела зиму 1740/41 года в Нижне-Колымском остроге, построенном недалеко от Ледовитого океана. Как и в некоторых других северных сибирских острогах, в нем не было и двух десятков изб.

В Нижне-Колымске жили сибирские казаки.

Это были сильные, крепкие люди, привыкшие и к плаваниям по морю среди плавучих льдин и к далеким, трудным зимним поездкам по занесенной снегом земле. Им приходилось месяцами ездить по тундре и рекам, отыскивая якутов, эвенков, юкагиров, чтобы получить с них ясак. При этом казаки не забывали и себя: выменивали на мелкие товары меха, а иногда отбирали их силой.

«Для своей бездельной корысти», писали воеводы, упоминая об этих поборах.

Ездить по пустынной тундре и плыть вдоль неведомых берегов Ледовитого океана было нелегко.

«Холод и голод терпели, нужду и бедность принимали, и всякую скверность ели, и душу свою сквернили», не раз жаловались в своих челобитных казаки.

Но они не боялись лишений и хорошо знали суровый Колымский край.

Лаптев понял, что без их помощи трудно довести экспедицию до конца.

Когда в 30-х годах XVII века — за сто лет до начала Великой северной экспедиции — сибирские казаки дошли до

реки Лены, они вступили в обширнейший, совершенно неизведанный край, где, кроме якутов, жили и бродили охотничьи народы: эвенки, юкагиры, коряки. Они обитали чаще всего на берегах рек. Поэтому казаки, отыскивая охотничьи племена, для того чтобы обложить их ясаком и взять у них соболей в уплату этого налога, обычно отправлялись в путь по воде. Они плавали не только по рекам, но и по Студеному морю — Ледовитому океану. Спускаясь вниз по Лене до моря, они плыли затем вдоль его берегов, чтобы дойти до устья той или иной реки, на берегах которой можно было найти еще не обложенные ясаком «народцы».

Остатки башни Нижне-Колымского острога.

Уже на другой год после основания Якутска казак Иван Ребров спустился на коче к устью Лены, вышел в море и первый дошел до устья реки Яны.

Через три года он пошел дальше по морю на восток и открыл устье Индигирки. Он совершил еще несколько плаваний и в конце концов, повидимому, сделал попытку дойти до островов, которым впоследствии было дано название Ново-Сибирских.

Другой казак, Михайло Стадухин, дошел в 1644 году морем до устья Колымы и построил Нижне-Колымский острог. Отсюда в 1648 году вышел в плавание Семен Дежнев, впервые прошедший проливом между Азией и Америкой и открывший устье реки Анадырь.

Плавание Дежнева было как бы конечным звеном в этой цепи казачьих морских походов.

В то время, когда лейтенант Дмитрий Лаптев с командой пришел на боте «Иркутск» в Нижне-Колымск, период замечательных открытий, которые совершали сибирские казаки, давно закончился.

Сибирские казаки из мореплавателей, выходивших в море на поиски новых, еще неведомых земель и народов, превратились в сборщиков ясака с уже обложенных этим налогом охотничьих племен, места кочевок которых были более или менее известны.

Среди казаков почти не было людей, которые знали бы специально какое-нибудь одно мастерство. Но зато почти каждый мог сделать все, что ему нужно было. Все умели построить зимовье, починить лодку, сделать нарты и лыжи. Каждый знал, как поставить верши для ловли рыбы, западни для зверя, силки для птицы. Каждый умел править упряжкой собак, ездить на оленях, управлять лодкой, окруженной льдами.

Они жили в своих избах, ловили рыбу в Колыме, промышляли тюленей и моржей в Ледовитом океане и все же говорили о себе:

— Мы люди служилые.

Они действительно числились на службе.

Якутский воевода присылал каждый год в Нижне-Колымский острог муку и соль. Управитель острога выдавал казакам жалованье этими припасами.

За это жалованье они обязаны были собирать ясак, нести сторожевую службу, выполнять приказы управителя.

В длинные зимние вечера Лаптев не раз беседовал с управителем Нижне-Колымского острога.

Управитель был зажиточный казак, назначенный на эту должность якутским воеводой. Он знал каждого нижне-колымского жителя и мог многое о них рассказать. Одним случалось сотни верст блуждать зимой по снежной пустыне, сбившись с пути. Другим приходилось несколько дней лежать с собаками в снегу, выжидая, пока утихнет метель. Третьи ездили на Чукотский нос и воевали с немирными чукчами.

Лаптев мог узнать у него имена бывалых казаков, ходивших в Ледовитый океан на промысел моржей и тюленей, привыкших к морю и не боявшихся опасностей. Такие люди могли пригодиться будущим летом при плавании от устья Колымы на восток.

Оставшись зимовать в Нижне-Колымске, Лаптев старался не терять напрасно время.

Осенью он отправил геодезиста Киндякова описывать верхнюю часть русла Колымы.

Он старался собрать как можно больше сведений, которые могли пригодиться для продолжения экспедиции.

«Будущим летом пораньше выйду в море, дабы совершить плавание назначенным нам путем. Но ежели опять льды не пропустят, доведется вернуться в Нижне-Колымск. Тогда перевезу команду сушей в Анадырский острог. А оттуда пойду на судне вдоль Чукотской земли на север. Попытаем обойти Чукотский нос и притти к Колыме с востока. Надо бы теперь же доподлинно узнать, каков путь до Анадырска, сколько потребуется нарт для команды, можно ли перевезти в Анадырск тяжелые грузы», думал Лаптев.

Он решил отправить зимой в Анадырский острог штурмана Щербинина, для того чтобы получить все нужные сведения.

Управитель острога дал собак и нарты. Несколько бывалых казаков получили приказ ехать с штурманом.

Щербинин должен был проехать сотни километров по пустынному, занесенному снегом краю. В пути приходилось ночевать и под открытым небом и в юртах якутов, эвенков, юкагиров. Щербинин благополучно доехал до Анадырского острога и к весне вернулся в Нижне-Колымск.

Команда, зимовавшая в Нижне-Колымске, не оставалась без дела. Матросы построили две большие лодки. Лодки были очень нужны для будущего плавания. Их можно было посылать вперед на разведку льдов, они могли приставать к берегу.

Летом 1741 года Лаптев снова вышел в плавание. На этот раз бот сопровождали построенные зимой лодки, на которых гребцами были нижне-колымские казаки. Команду над лодками Лаптев поручил штурману Щербинину.

29 июля Лаптев пришел к Большому Бараньему Камню. Сильный противный ветер гнал лед навстречу судну и заставил его отойти немного назад.

Через несколько дней Лаптев попытался снова пройти вперед. 4 августа судно подошло к Большому Бараньему Камню. Лодки под командой штурмана Щербинина были посланы вперед, чтобы разведать путь.

Лед стал смыкаться вокруг бота. Лодки были отрезаны от корабля и чуть не погибли. В опасном положении оказался и бот «Иркутск».

«Ежели б в таких худых местах сделался ветер крепкой, то нечего бы и надеяться, чтобы сохранить бот в целости», писал потом Лаптев.

6 августа Лаптев созвал совет. На совете решили:

«Возвратиться в реку Колыму и впредь в оное море ботом не выходить».

«Иркутск» благополучно вернулся в Нижне-Колымск. Но ближайший помощник Лаптева штурман Щербинин тяжело заболел.

Лаптев отправил штурмана в Якутск. Однако и в Якутске Щербинин не поправился. Через некоторое время он умер в Якутске.

Теперь надо было решить, что делать дальше. Обследовать побережье, идя по берегу Ледовитого океана, населенному немирными чукчами, от Колымы к Чукотскому мысу, было в то время опасно.

Лаптев решил отправиться в Анадырск тем путем, который в прошлом году разведал штурман Щербинин.

Еще раньше Адмиралтейств-коллегия указывала Лаптеву, что он может, прибыв в Анадырск, затребовать от капитан-командора Беринга один из его кораблей. На этом корабле Лаптев мог попытаться обогнуть Чукотский мыс с востока и, идя на запад, дойти до Колымы.

В октябре 1741 года Лаптев отправился с командой в Анадырск на сорока пяти нартах. С собой взяли необходимые припасы и пушки, снятые с бота «Иркутск». Немирные чукчи могли встретиться и на этом пути.

Дорога была тяжелая: ночевали в снегах, страдали от морозов и метелей. Но Лаптев и его команда добрались благополучно до Анадырска.

В Анадырском остроге, обнесенном высокой деревянной оградой с башнями, было в то время пятьдесят изб. Здесь жили казаки, собиравшие ясак с коряков и юкагиров и не раз ходившие в походы на чукчей.

Дмитрий Лаптев и его команда перезимовали в Анадырске.

Когда Лаптев выехал из Нижне-Колымска в Анадырский острог, он думал, что Беринг на Камчатке. Там же должны были находиться корабли, которые построил Беринг.

Во время первой экспедиции Беринга, в 1728 году, его

На собаках.
Со старинной гравюры.

корабль шел от побережья Камчатки до устья Анадыря меньше месяца. Лаптев надеялся, что и теперь судно, которое пошлет ему Беринг в начале лета 1742 года, придет в устье Анадыря еще в июле. Тогда можно было бы попытаться в то же лето обогнуть Чукотскую землю и дойти до Колымы с востока.

Но Беринг в июне 1741 года вышел в плавание к берегам Америки. В этой экспедиции принимали участие два корабля: пакетбот «Святой Петр», которым командовал сам Беринг, и пакетбот «Святой Павел», шедший под командой капитана Чирикова. Беринг надеялся дойти до Америки в две-три недели. Однако он ошибся.

Шесть недель шли корабли по Тихому океану, прежде чем показалась земля. Это было южное побережье полуострова Аляска, где в то время еще не бывали европейцы.

Беринг не мог долго здесь оставаться: у него не было провианта для зимовки. Надо было вернуться на Камчатку до

наступления зимы. Налив бочки пресной водой, Беринг немедленно пошел в обратный путь. Но противные ветры и бури задержали судно. Шторм порвал паруса. Среди команды началась цынга.

В то время, когда Лаптев послал письмо капитан-командору Берингу из Анадырска с на́рочным в Петропавловскую гавань на Камчатке, команда пакетбота «Святой Петр», высадившаяся на безлюдном острове, рыла ямы-землянки для зимовки и покрывала их шкурами песцов.

Больного Беринга положили в одну из таких землянок. Вскоре он умер от цынги.

Капитан Чириков, потерявший судно Беринга из виду во время непогоды, дошел до Америки и сумел вернуться на Камчатку. Его судно было сильно потрепано бурями, а бо́льшая часть команды больна цынгой.

Капитан Чириков еще лежал больной в Петропавловске на Камчатке, медленно поправляясь от цынги, когда в декабре 1741 года было получено письмо лейтенанта Дмитрия Лаптева, адресованное на имя капитан-командора Беринга. Чириков распечатал пакет и написал Лаптеву, что о Беринге нет никаких сведений.

«И поныне он, господин капитан-командор, со своим судном сюды не возвратился. Статное дело, ежели не в несчастии, то остался негде зимовать», написал Чириков.

Он кратко рассказал затем в этом письме о своем плавании к Америке.

«И во все время бытности нашей на море почти всегда были в смертной опасности и несли великий труд и претерпевали многую нужду, а именно: страх от того, что плавание имели в неведомом море и подле неизвестных берегов почти со всегда стоящими туманами. А всех трудностей наших и описать невозможно. От которых трудов и от оскудения пищи и питья и от всегдашнего сырого воздуха постигла всех нас цынготная болезнь, от которой многие слегли, а остальные с нуждой и насилу судном управляли», писал Чириков.

В ожидании ответа Лаптев не сидел сложа руки. Его команда с помощью анадырских казаков построила две больших лодки. Летом 1742 года Лаптев на этих лодках совершил плавание по реке Анадырю и обследовал ее нижнее течение.

В 1742 году все отряды экспедиции, посланные для иссле-

дования северного морского пути, уже закончили свою работу. Только Дмитрий Лаптев находился еще на Анадыре.

Адмиралтейств-коллегия не стала настаивать на продолжении его экспедиции. Лаптев получил предписание вернуться в столицу.

Дмитрию Лаптеву не пришлось довести до конца свою экспедицию, но своей настойчивостью и смелостью он заслужил общее уважение.

В Петербург Дмитрий Лаптев приехал в конце 1743 года. Он прослужил еще долго во флоте и умер вице-адмиралом. Но плавать по Ледовитому океану ему уже больше не пришлось. Адмиралтейств-коллегия почти на двадцать пять лет отказалась от новых попыток исследовать северный морской путь.

Никто из участников Великой северной экспедиции не смог приложить к делу свой опыт, приобретенный в плавании среди льдов.

В сентябре 1743 года на имя императрицы Елизаветы поступил всеподданнейший доклад Правительствующего Сената. Сенаторы докладывали, что за десять лет на экспедицию затрачено более 360 тысяч рублей золотом. Они писали, что Иркутская провинция и Камчатка разоряются «от дальних в ту экспедицию провозов провианта и всяких материалов и припасов и взятиев из крестьян в такие отдаленные места многих работников».

На этом основании они предлагали: «Ту экспедицию надлежит вовсе отставить».

Императрица наложила резолюцию: «Быть по сему».

Так закончилась одна из наиболее замечательных и значительных экспедиций, которые когда-либо снаряжались для изучения еще не исследованных морей и берегов.

Сенат назвал эту экспедицию бесплодной, потому что она не дала таких результатов, которыми можно было бы воспользоваться немедленно. А между тем ее участники вписали одну из самых славных страниц в историю русской науки и мореплавания.

Около десяти лет провели участники экспедиции в тяжелой борьбе со льдами. На пустынных берегах Ледовитого океана они оставили немало могил. Но почти весь неведомый ранее северо-восточный морской путь был ими описан, на-

сколько это позволяли сделать те несовершенные инструменты, которыми они располагали. Только участок от Большого Бараньего Камня до Берингова пролива остался не пройденным да часть побережья Таймырского полуострова была обследована лишь с суши. Впервые были составлены сколько-нибудь достоверные карты неизвестных ранее берегов. Беринг и Чириков дошли до Северной Америки и по пути открыли Алеутские острова.

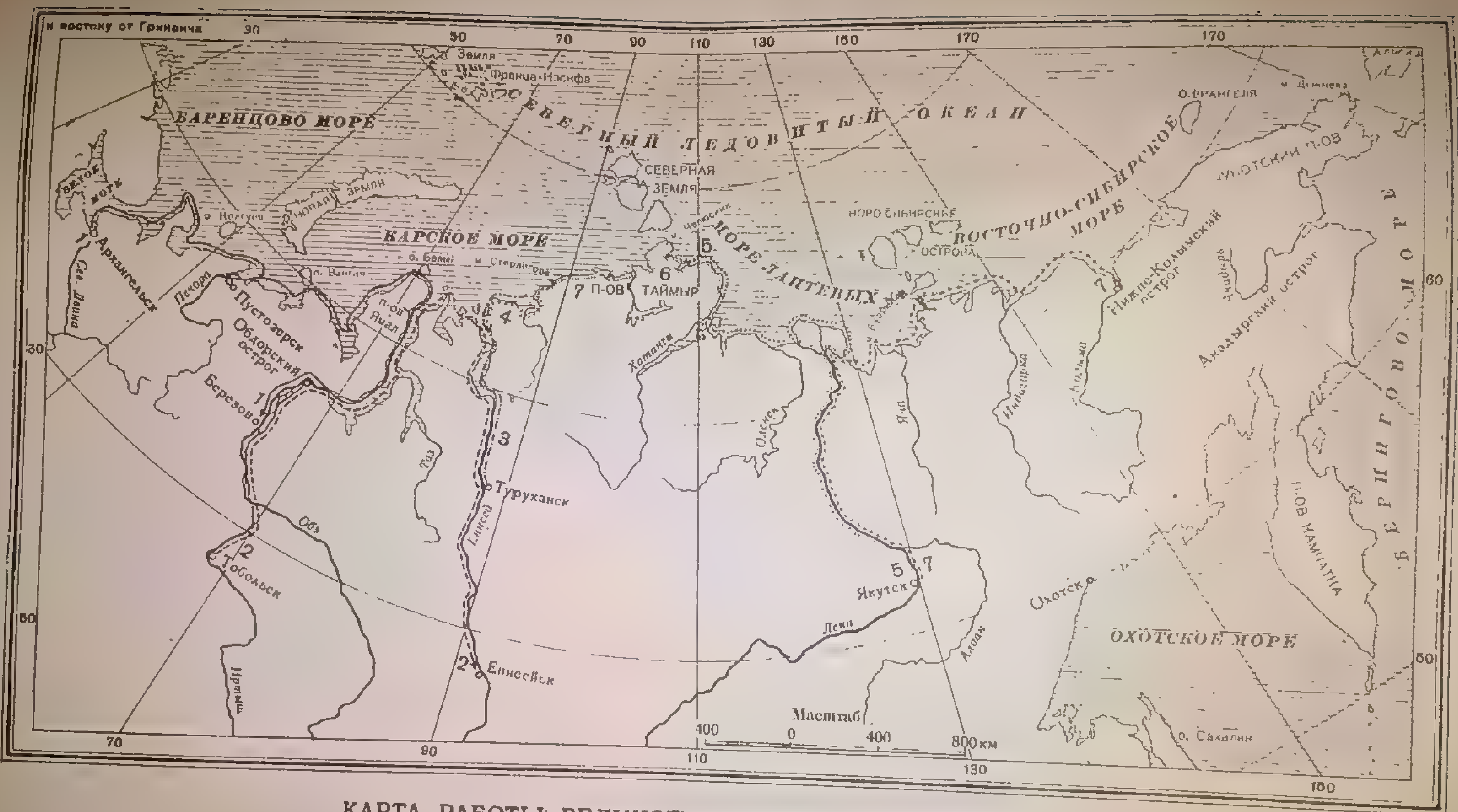
До снаряжения экспедиции имелись лишь смутные представления о севере Сибири и о народах, которые там кочевали. Сам Правительствующий Сенат не знал, до каких пределов простираются там населенные места.

Изучение народов Сибири не входило в задачи моряков, плававших по Ледовитому океану. Эту работу выполняли академики, совершившие путешествие через всю Сибирь. Тем не менее морские офицеры в своих рапортах дали много сообщений о ненцах, эвенках, якутах и других кочующих народах. Особенно много таких наблюдений в рапортах Харитона Лаптева, который с большим интересом присматривался к жизни сибирских охотничьих племен.

Важны, однако, не только те новые сведения, которые дала Великая северная экспедиция. Командиры и команды кораблей показали, какое мужество, упорство, выносливость и умение могут проявлять русские моряки.

Все командиры кораблей, прокладывавших путь по Ледовитому океану, были лейтенантами Балтийского флота. Лейтенанты Малыгин, Овцын, Прончищев, Лаптевы и штурман Челюскин принадлежали к первому поколению русских военных моряков, получивших образование в русской Морской академии.

Им пришлось решать в высшей степени трудную задачу: маленькие деревянные боты и дубель-шлюпки были совершенно не приспособлены для плавания по Ледовитому океану. Тяжелые льды, через которые с такой настойчивостью пробирались эти корабли, могли в любой день раздавить их, как скорлупку. Не случайно в рапортах лейтенантов часто встречаются слова: «находились в крайней погибели». И все же из года в год, едва взламывался лед, их суда, становившиеся на зимовку в устьях сибирских рек, выходили в море, «не теряя ни мало времени».

КАРТА РАБОТЫ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ:

1—1. Экспедиция лейтенантов Муравьева и Павлова (1734—1735 гг.), Малыгина и Скуратова (1736—1737 гг.).
2—2. Экспедиция Овцына (1734—1738 гг.).
3. Экспедиция Минина и Стерлегова (1738—1740 гг.).
4. Путь Стерлегова сушей для описания берегов (1740 г.).
5. Экспедиция Прончищева (1735—1737 гг.) и Харитона Лаптева (1739—1741 гг.).
6. Путь Челюскина сушей для описания берегов (1742 г.).
7. Путь Харитона Лаптева и Челюскина для описания берегов (1741 г.).
7—7. Экспедиция Ласиниуса (1735 г.) и Дмитрия Лаптева (1736—1737 гг. и 1739—1741 гг.).

Зимой моряки страдали от «великой стужи» и «чрезвычайных метелей», болели цингой. Они возобновляли плавание с подорванными силами, но не покидали палубы, пока были в состоянии держаться на ногах.

Плавание в таких условиях было героическим подвигом. Люди, совершавшие этот подвиг ради изучения пути вдоль берегов своей страны, были настоящими патриотами, хотя ни их современники, ни они сами, может быть, не сознавали все значение их дел.

Вернувшись в Петербург после нескольких лет, проведенных в тяжелых трудах и лишениях, они не получили никакой награды.

Современники не оставили никаких воспоминаний о них. Не сохранились ни их письма к родным, ни их портреты, за исключением одного портрета Д. Л. Овцына, повидимому сделанного случайно. Мы почти ничего не знаем о том, как сложилась их жизнь после экспедиции. Только сухие, короткие записи в послужных списках говорят об их продвижении по службе.

Такие сведения настолько однообразны и бедны, что почти не дают представления о жизненном пути этих людей. А они сами не заботились о том, чтобы сохранилась память о их доблести. В своих корабельных журналах и рапортах они нередко лишь одной строчкой отмечали пережитое за несколько дней, и приходится ограничиваться этими скудными сведениями, рассказывая о них и об их делах.

Освоение Северного морского пути, которое они начали, было успешно завершено только в наши дни.

В 1932 году советский ледокол «Сибиряков» впервые в истории мореплавания прошел в одну навигацию от Архангельска до Берингова пролива и вышел в Тихий океан. Через два года ледорез «Литке» прошел в одну навигацию этот путь в обратном направлении — от Владивостока до Архангельска. С тех пор советские корабли стали доставлять грузы в самые отдаленные места побережья Ледовитого океана.

История науки и мореплавания знает много случаев, когда люди, прокладывавшие новые пути, сами не предвидели практических последствий своих открытий. Однако от этого не становится меньше польза, которую они принесли.

Скромные лейтенанты Балтийского флота, мужественно

пробивавшиеся на восток вдоль безлюдных берегов, не могли предвидеть, какое значение приобретет со временем их дело. Но мы не можем забыть их имена.

На морском пути вдоль берегов Ледовитого океана многое напоминает об участниках Великой северной экспедиции. Пролив между полуостровом Ямал и островом Белый называется именем Малыгина. Мелкие острова у западного побережья Таймырского полуострова названы именем штурмана Минина, а расположенный невдалеке от них мыс носит имя штурмана Стерлегова. Самая северная точка побережья названа именем Челюскина.

Часть северо-западного побережья Таймырского полуострова называется берегом Харитона Лаптева, а часть восточного побережья этого полуострова, от устья Хатанги, носит название берега Василия Прончищева.

Когда знаменитый путешественник Амундсен в 1918/19 году зимовал на Таймырском побережье, он назвал один из описанных им мысов именем лейтенанта Овцына. В бухту Марии Прончищевой, на восточном берегу Таймырского полуострова, заходят ледоколы и пароходы, идущие морем Лаптевых. Мировую известность получили советские ледоколы «Малыгин» и «Челюскин».

Каждый школьник встречает на географической карте имена многих участников Великой северной экспедиции. И это вполне понятно: лейтенанты Малыгин, Овцын, Лаптевы, Прончищев, штурман Челюскин и их спутники были первыми разведчиками и исследователями великого морского пути.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ СЛОВ

Аки — как.
Буде — если.
Вояж — путешествие.
Втуне — напрасно, тщетно.
Вящий — бо́льший.
Гость — купец.
Дабы — чтобы.
Довольное число — достаточное количество.
Довольствоваться — питаться.
Дражайший — самый дорогой.
Елень — олень.
Зане — потому что.
Зело — очень.
Знатное дело — известное дело.
Зрятся — видны.
Испоместить — пожаловать поместье.
Кормщик — рулевой; мореход, исполнявший обязанности капитана на поморском судне.
Курш — курс; прямой курш — прямое направле́ние.
Набродные — набредшие, пришлые.
Не́где — где-нибудь.
Нерегулярные слова — неполагающиеся, ненадлежащие слова.
Ниже́ — даже.
Носячий лед — пловучий лед.
Обер-штер-кригс-комиссар флота — заведующий всем снабжением флота.
Оный — тот.
Ост — восток.
Отмелый — обмелевший, обильный отмелями.
Отстойное — удобное для стоянки.
Паче — больше.

Подлекарь — фельдшер.
Понéже — потому что.
Породный — родовитый, знатный.
Прияры й — крутой.
Промемория — деловая бумага, посылавшаяся для сведения (буквально: для памяти).
Ревновать — стараться.
Ровдуга — оленья шкура, лишенная шерсти.
Рудознатец — специалист по отысканию руды, геолог-разведчик.
Сей — этот.
Статное дело — может быть.
Сумнительство — сомнение.
Токмо — только.
Фамилия — семья.
Чаять — надеяться.
Челобитная — прошение.
Штраф — наказание.
Яже — которые.
Яко — как.
Ясак — налог, взимаемый мехами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ И ПЕДАГОГАМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги Детгиза.

Переплет и титул
Т. КОВЕДЯЕВОЙ

ДЛЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Н. Максимова.
Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор И. Леканова.
Корректоры
Р. Мишелевич и А. Ясиновская.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190